

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46 2021
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (388) / 2021

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досмубетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Вера Рубин* (1928–2016), американский астроном.

Вера Рубин (урожденная Купер) родилась в Филадельфии в семье еврейских эмигрантов, отец был родом из Вильнюса, мать — из Бессарабии.

Рубин начала работать в астрономии, когда в эту науку почти не пускали женщин, и важную роль в этом сыграл ее отец, инженер-электрик, который помог ей собрать любительский телескоп.

Большую часть жизни Рубин проработала в Институте Карнеги (Вашингтон), где и было сделано ее открытие, доказавшее наличие в галактиках излишков невидимого вещества, сегодня называемого темной материей.

В 1965 году Рубин начала работать в отделении земного магнетизма Института Карнеги, где молодой сотрудник Кент Форд только что построил высокоточный спектрограф, позволявший изучать далекие объекты, куда более слабые, чем были под силу инструментам того времени. Рубин и Форд задались целью понять, с какими скоростями движутся звезды в галактиках на разных расстояниях от центра, и выбрали для наблюдений ближайшую к Млечному Пути спиральную галактику Андромеды. Основываясь на ньютоновской теории тяготения, ученые предполагали, что в таких галактиках более далекие от центра звезды должны двигаться медленнее. Однако, к своему удивлению, астрономы убедились, что на деле это не так: более далекие звезды движутся так же быстро, как и те, что находятся ближе к центру.

К концу 1970-х годов Рубин с коллегами исследовали уже десятки подобных галактик и пришли к таким же выводам. Это означало, что звезды в галактиках удерживались чем-то кроме той массы видимого вещества, что можно наблюдать в телескоп, — звезд, пыли и газа. Анализ движения звезд показал, что большинство спиральных галактик погружены в сфероидальное гало темной материи, которое никоим образом не выдает себя в оптическом диапазоне, в 5–10 раз более массивно, чем видимое вещество галактик, и простирается гораздо шире, чем видимая часть галактики.

К аналогичным выводам пришел и австралийский астроном Кен Фриман. Правда, в те годы к заключениям

Рубин в научном мире относились осторожно как к противоречащим законам Ньютона. Однако позднее ее открытие получило всеобщее признание в научном мире.

«Существование темной материи произвело революцию в нашем понимании Вселенной. Продолжающиеся попытки понять роль темной материи породили целые подобласти внутри астрофизики и физики частиц», — считает астроном Эмили Левеске из Университета штата Вашингтон.

За свою работу Рубин была неоднократно награждена: так, она стала второй в истории женщиной, удостоенной золотой медали Королевского астрономического общества. Кроме этого, она была членом Национальной академии наук США и была награждена национальной научной медалью.

В течение многих лет Рубин называли возможной претенденткой на присуждение Нобелевской премии по физике, однако этого так и не случилось. «Альфред Нобель завещал, что премия по физике признает «самые важные открытия» в этой области. Если темная материя не важное открытие, то я не знаю, что важное», — сказала Левеске.

В своей карьере Рубин приходилось пробивать существовавшие гендерные стереотипы и в самой науке. Так, в 1965 году она стала первой женщиной, получившей доступ к работе на Паломарской обсерватории в Южной Калифорнии. Приехав туда, она обнаружила, что там нет женской уборной. «Она отправилась в свою комнату, вырезала из бумаги юбку и приклеила на дверь ванной. И сказала: ну вот, теперь у вас есть женская уборная», — вспоминала астроном Нета Бакалл в интервью журналу *Astronomy*.

«Моя жизнь была интересным путешествием. Я стала астрономом, потому что не могла даже представить, как можно жить на Земле и не думать о том, как устроена Вселенная. Моя научная карьера всегда была связана с вращением галактик и движением галактик во Вселенной. В 1965-м, если с вами была удача и вам было интересно наблюдать, вы могли просто зайти в научную лабораторию, где строились телескопы, которые позволяли получать данные в 10 раз быстрее, чем раньше. И делать удивительный открытия», — говорила Вера Рубин.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Краева А. А.

Вопросы разграничения полномочий прокурора и органов процессуального (ведомственного) контроля на досудебных стадиях российского уголовного процесса 185

Кузнецова Е. А.

Предупреждение преступности несовершеннолетних лиц в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 187

Кузнецова Е. А.

Роль личности в преступности несовершеннолетних 188

Кяров А. З.

О некоторых аспектах методики проведения прокурорской проверки приема, регистрации и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях 190

Латыпова К. С., Очиров Н. Е.

К вопросу о способе совершения преступлений против военной службы 193

Лутковская Е. В.

Нецелесообразность сохранения смертной казни в системе наказаний Российской Федерации . 195

Макарова А. В.

Биоэтика в трансплантологии, трансгуманизм, ксенотрансплантация: право и мораль, соотношение 196

Морозова Е. А.

Исторические аспекты института банкротства 199

Нежведилов В. Р.

Альтернативные способы уведомления участников гражданского процесса 201

Нежведилов В. Р.

К вопросу об определении достаточного срока извещения участников процесса для подготовки к делу и своевременной их явки 202

Нечуя Ю. Л.

Целесообразность запрета определенных действий 203

Нечуя Ю. Л.

Запрет определенных действий в системе мер пресечения 205

Олейникова В. Е.

Роль регионального оператора в организации и финансировании капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах 207

Пацук В. А.

Сравнительно-правовой анализ кражи 209

Поспелова К. В.

Особенности раздела совместно нажитого имущества супругов при разводе 211

Поспелова К. В.

Отдельные проблемы применения норм материального права при расторжении брака и разделе имущества 213

Савостина А. А.

Проблемы судебной практики в сфере защиты прав граждан на доступ к информации о деятельности органов власти 214

Салиндер Л. Т.

Понятие и сущность уголовного преследования как элемента уголовного процесса 216

Сизова Е. Н.

Актуальные проблемы защиты прав граждан — участников строительства при банкротстве застройщика 218

Смирнова М. В.

Проблемы осуществления сделок с недвижимым имуществом..... 220

Таскаракова А. О.

Контролирующие должника лица в деле о несостоятельности (банкротстве). Критерии признания и особенности правового положения 223

Тодышева Н. Т.

Криминальное банкротство: общее и частное 226

Ульныров О. В.

К вопросу о перспективах использования труда дистанционных работников в управлении персоналом органов государственной власти правоохранительной направленности 229

Халецкая К. А.

Современные тенденции территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации..... 232

Хмелева Т. И., Гуляева А. В.

Гражданско-правовая ответственность исполнителя медицинских услуг..... 233

Шамбулин А. А.

Защита прав детей в случае уклонения одного из родителей от исполнения решения суда о месте проживания ребёнка 236

Швецов Н. С.

Особенности квалификации террористического акта 238

Шерстобоев О. Н., Карпышина Е. Ю.

Административная ответственность за правонарушения, выявленные с помощью специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений .. 240

ИСТОРИЯ

Фофанова А. Р.

Бенджамин Франклин — первый публичный дипломат в истории Соединенных Штатов Америки 242

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ukumatshoeva F. A.

Fundamentals of Effective Transboundary River Governance..... 245

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Вопросы разграничения полномочий прокурора и органов процессуального (ведомственного) контроля на досудебных стадиях российского уголовного процесса

Краева Алёна Александровна, студент
Тюменский государственный университет

Анализ положений уголовно-процессуального и профильного законодательства в области регулирования полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие и дознание, в том числе и магистральной нормы, предусмотренной частью 2 статьи 30 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», которая гласит: «Указания Генерального прокурора РФ по вопросам дознания, не требующим законодательного закрепления, являются обязательными для исполнения», позволяет сделать вывод о том, что прокурор обладает исключительным правовым статусом и уникальными полномочиями и правами в отношении органов дознания и дознавателей [1].

Указанное детально раскрывается в положениях Приказа Генерального прокурора от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [2].

Таким образом, складывается ситуация, в которой прокурор, не обладая административно-распорядительными полномочиями руководителя и не являясь прямым начальником дознавателей, тем не менее наделен широчайшим спектром прав и полномочий в отношении последних, осуществляя тем самым процессуальное руководство деятельностью органов дознания, что образует двоевластие в указанной сфере, поскольку дознаватель одновременно помимо прокурора подчинен указаниям непосредственных руководителей — начальника подразделения дознания и начальника органа дознания.

Проблема процессуальной самостоятельности дознавателя, разграничения контрольно-надзорных полномочий прокурора и процессуальных функций начальника органа дознания многие годы остается в центре внимания как ученых-процессуалистов, так и правоприменителей.

Ряд авторов высказывает мнение о том, что полномочия прокурора на данный момент времени представляются недостаточными и требуют детализации и рас-

ширения. Другие придерживаются позиции о том, что контрольно-надзорные функции прокурора за соблюдением установленного законом порядка и формы расследования и руководство деятельностью следователя и дознавателя имеют сущностно различную природу и не должны быть сосредоточены в руках одного субъекта уголовного процесса. Так, Мусеилов У.А. в своих работах проводит детальный анализ правового статуса субъектов ведомственного (процессуального) контроля и надзора, разграничивает их полномочия и функции и утверждает, что режим осуществления полномочий прокурора в отношении всех должностных лиц и органов предварительного расследования — как следователей, так и дознавателей — необходимо унифицировать и свести к одному знаменателю, оставив лишь надзорный характер [3].

Теоретики уголовного процесса обоснованно выносят на обсуждение следующие вопросы. Является ли дознаватель по-настоящему процессуальной самостоятельным при производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений (п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ)? Не представляется ли излишним по отношению к дознавателю количество «руководителей» и не избыточен ли объем их полномочий? Не возникает ли ситуация дублирования полномочий между разными руководящими субъектами? Каким образом решается вопрос процессуальных конфликтов и разногласий?

И, в конце концов, насколько обоснованным является различие в объеме полномочий прокурора в указанной сфере в зависимости от формы (вида) предварительного расследования?

Не уходя в дискуссию о сущностных различиях имеющихся в российском уголовном процессе форм предварительного расследования, тем не менее, следует отметить, что аргументированной и обоснованной представляется позиция Н.С. Мановой, которая утверждает, что дифференциация форм обязана производиться в первую очередь в связи с сущностными различиями в процедуре деятель-

ности, качественными различиями, неповторимыми особенностями в форме деятельности <4>.

Так, вероятными отличиями представляется дифференциация процессуальных средств и способов установления обстоятельств совершенного преступления и доказывания виновности лица, срок и порядок принятия решений, их виды, состав должностных лиц.

Через призму изложенного различия между следствием и дознанием не представляются принципиальными, более того, они являются формальными и в некотором роде искусственно созданными, однако полномочия прокурора по отношению к должностным лицам, производящим следствие и дознание, существенно качественно различны.

В чем причина подобного дифференцированного подхода законодателя? В данном случае можно подойти к указанной проблеме с разных сторон.

Так, Лазарева В. А. высказывает позицию о том, что руководство дознанием и надзор за ним по сей день остаются в одних руках (имея в виду, разумеется, сотрудников прокуратуры), в связи со следующим. Так, органы дознания многочисленны, а исполняемые ими функции еще более множественны и не ограничены лишь производством предварительного расследования, в связи с чем в некоторых из данных органов отсутствуют специальные подразделения по расследованию, что сказывается на качестве процессуального руководства [5].

Кроме того, с учетом личного практического опыта следует добавить, что существенным аргументом в пользу указанного подхода является довольно низкий уровень профессиональной квалификации подавляющего большинства сотрудников органов дознания, что наглядно отражается в неуклонно возрастающем количестве актов прокурорского реагирования и выявляемых нарушений закона при производстве дознания.

Также обоснованным представляется утверждение о том, что дознание — будучи «упрощенной» по отношению к предварительному следствию формой расследования с более короткими сроками — требует более быстрого и качественно иного реагирования на нарушения законности и прав субъектов при его производстве.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 — ФЗ: по сост. на 08.12.2020 // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 26.01.2017 № 33 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.12.2020)
3. Мусеибов, Д. А. Процессуальные функции и полномочия прокурора/У. А. Мусеибов // Российский следователь. 2016. № 21. с. 6-10.
4. Манова, Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм: Дис.... д. ю. н./Н. С. Манова. М., 2005. 443 с.
5. Лазарева, В. А. Прокурор в уголовном процессе: Учеб. пособие/В. А. Лазарева. М.: Юрайт, 2011. 296 с.

Тем не менее, является ли разумным подход, при котором в качестве инструмента решения организационных проблем задействуется уголовно-процессуальный закон? Так ли необходимо решать уголовно-процессуальными нормами проблемы, имеющими организационно-управленческую природу, или они имеют сущностно другую цель и назначение?

Соглашаясь с позицией тех авторов, которые не видят оснований для подобного разграничения полномочий прокурора по отношению к следствию и дознанию, следует отметить, что в качестве пути совершенствования уголовно-процессуального и профильного законодательства в целях усиления дознания и деятельности прокурора при его производстве как отдельных видов правовой защиты публичного, общественного интереса и прав человека следует углубить именно собственно надзорные полномочия прокурора, отвечающие и не противоречащие природе прокурорского надзора, которые будут достаточными для своевременного выявления, устранения и превенции нарушений уголовного и уголовно-процессуального законодательства при производстве расследования вне зависимости от его формы, а также постепенно в несколько этапов вывести дознание из-под по сути непосредственного руководства прокуратуры, в первую очередь поставив целью повышение качественной подготовки корпуса дознавателей и решения управленческо-организационных проблем, как, например, реорганизация структуры органов дознания.

Следует детально разграничить и повысить действенность механизмов руководства деятельностью дознавателей, процессуально-ведомственного контроля за их деятельностью и надзора, как средств обеспечения законности уголовного процесса, повысив в своей части процессуальную самостоятельность дознавателей, а также прокурорский надзор — в своей части — при этом не лишая прокурора действенных рычагов воздействия на качество и законность различных форм предварительного расследования, поскольку именно он выступает лицом, представляющим публичный интерес в данной среде, а также связующим звеном между двумя видами стадий уголовного процесса — судебными и досудебными.

Предупреждение преступности несовершеннолетних лиц в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ

Кузнецова Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье автор раскрывает вопрос преступности и ее предупреждения среди несовершеннолетних лиц в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Ключевые слова: преступность, преступления несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, предупреждение преступности.

Одной из наиболее опасных проблем современного общества является наркотизм, в настоящее время задачей каждого государства выступает борьба с данным явлением. Ежегодно проблема наркомании уносит десятки тысяч жизней людей по всему миру, кроме того наркомания способствует совершению других преступлений наркозависимыми лицами. Миллионы людей по всему миру страдают наркотической зависимостью, по данным статистики значительной частью потребителей наркотических средств и психотропных веществ являются несовершеннолетние лица.

В условиях современной действительности актуальной задачей государства и всего мирового сообщества является своевременное предупреждение преступности несовершеннолетних лиц в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Согласно общедоступной информации на сайте «Нет — наркотикам» были определены причины приобщения несовершеннолетних лиц к наркотикам. Одними из основных причин выступили такие факторы как атмосфера в семье и протест против ценностей. Нельзя не согласиться с тем фактом, что главной проблемой приобщения несовершеннолетнего лица к наркотикам выступает семья, а именно внутрисемейные отношения. Отсутствие внимания и поддержки взрослых по отношению к детям приводит последних к предпосылкам приобщения к употреблению наркотических средств, а также к их сбыту. Немаловажно отметить то, что данное обстоятельство имеет прямую взаимосвязь со свойствами личности несовершеннолетнего лица, а именно его культурно-воспитательным уровнем развития, чувством ответственности, образованности и другими. По мнению таких научных деятелей как А. В. Баскакова и М. В. Данилова, «несовершеннолетние, потребляющие наркотические средства, отличаются повышенной возбудимостью, восприимчивостью к внешним воздействиям и впечатлительностью, что приводит к отсутствию нравственного самоконтроля» [2, с. 28]. Другой научный деятель В. Н. Жадан писал, что «несовершеннолетние наиболее уязвимы к совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в силу отсутствия жизненного опыта, неуверенности в себе, ранимости, а также склонности к подражанию и экспериментированию» [3, с. 45]. Исходя

из того, что психика несовершеннолетнего лица является нестабильной, данное обстоятельство способствует к совершению других сопутствующих преступлений, так как сам по себе преступный характер их деятельности характеризуется бессмысленностью, безмотивностью. В соответствии со статистическими данными Министерства здравоохранения РФ в настоящее время одной из больших групп наркозависимых лиц является группа лиц возрастной категории от 16 до 18 лет. В целом около 62% от общего количества наркозависимых являются молодые люди возрастной категории от 16 до 30 лет. Одну пятую часть наркозависимых составляет категория лиц возрастной группы от 9 до 13 лет. Также немаловажно то, что несовершеннолетние лица выступают не только покупателями, но и продавцами запрещенных веществ. В настоящее время в информационной сети «Интернет», социальных сетях, мессенджерах существует множество групп по «быстрому заработку», который заключается в распространении и продаже наркотических средств и психотропных веществ, путем оставления «закладок». Несовершеннолетние лица часто соглашаются на такую авантюру, в силу того, что в данных действиях они не видят ничего противозаконного, для них это средство заработка. Также на просторах всемирной паутины существует множество открытых форумов на исследуемую тематику о способах изготовления наркотических средств, со стороны государственных органов ведется борьба с подобного рода сайтами, но преступные личности оперативно создают замену заблокированным сайтам. Особое внимание необходимо уделить тому, что на таких сайтах отсутствует и возрастной ценз, что приводит к тому, что абсолютно любой человек может получить необходимую информацию о запрещенной продукции. Необходимо отметить положительный опыт Красноярского края, где разработали и утвердили «Инструкцию о порядке действий сотрудника уголовного розыска при выявлении и раскрытии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершенных с использованием ресурсов сети Интернет, электронных платежных систем, в том числе бесконтактным способом передачи наркотиков, а также соответствующие методические рекомендации» [1, с. 55]. Также особое внимание необходимо обратить на то, что в соответствии с действу-

ющим уголовным законодательством России несовершеннолетние лица не могут быть осуждены к наказанию в виде лишения свободы на срок свыше 10 лет. Часто в такого рода преступления несовершеннолетних «втягивают» взрослые, для того чтобы избежать для себя более сурового наказания, организовывая тем самым огромные преступные сообщества.

Подводя итог ко всему вышесказанному, необходимо прийти к выводу о том, что для решения проблематики вопроса предупреждения преступности несовершеннолетних лиц в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также предотвращения данного вида преступлений, является важным и обязательным ввести курс лекций в образовательных учреждениях по вопросу «правовой просвещенности», где будут разбираться вопросы опасности наркотизма,

видов наказания, применяемых к несовершеннолетним лицам за указанные преступления, судебная практика, для того чтобы несовершеннолетние могли понять, насколько серьезен данный вид преступлений и к каким последствиям могут привести их действия. Кроме того, учитывая, что после отбытия наказания не только взрослые лица, но и несовершеннолетние в первую очередь более нуждаются в помощи в связи с тем, что в местах лишения свободы они теряют социальные связи, необходимо уделить особое внимание вопросу создания государственных и негосударственных учреждений по реабилитации несовершеннолетних, оказавшихся в трудной ситуации, где указанные лица могли бы получить квалифицированную помощь и реабилитацию как после отбытия наказания, так и для профилактики преступной деятельности в целом.

Литература:

1. Бельский, А.И. О преступности несовершеннолетних и молодежи/А.И. Бельский, Э.Н. Лыков // Российский следователь. - 2019. - № 8. - с. 55-59.
2. Борбат, А.В. Образ жизни как криминологическая категория/А.В. Борбат, А.Г. Мусеилов // Российский следователь. - 2015. - № 22. - с. 28-33
3. Глушков, Е.Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2018. — N2. — с. 45-53.
4. Нечевин, Д.К. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия/Д.К. Нечевин, Л.М. Колодкин // Административное право и процесс. - 2019. - № 7. - с. 53-60.

Роль личности в преступности несовершеннолетних

Кузнецова Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье автор определяет понятие преступности, а также выявляет роль личности несовершеннолетнего преступника.

Ключевые слова: преступность, личность, роль личности несовершеннолетнего преступника.

Несовершеннолетние лица в настоящее время оказывают друг на друга значительное влияние, следуют веяниям модных тенденций, не задумываясь о том, законны их действия или нет, в связи с чем особое внимание необходимо уделить анализу действующих мер по предупреждению преступности несовершеннолетних и предложению путей для их совершенствования. Исходя из статистических данных в 2018 и 2019 году Челябинская область среди всех субъектов Российской Федерации заняла второе место по преступлениям, совершенным несовершеннолетними лицами. Данный факт обуславливает необходимость изучения личности преступника для дальнейшего предупреждения преступности.

Вопрос изучения личности несовершеннолетнего преступника является ключом для решения проблематики в сфере профилактики такого вида преступлений. Специ-

фика преступлений, их динамика и структурные элементы имеют прямую взаимосвязь с личностью преступного лица. Преступность по своей сущности является социальным явлением со сложной структурой. Так, по мнению Е.А. Прокопенко: «Криминологический подход к определению какого-либо вида преступности основывается на общем, традиционном для криминологической науки понятии преступности как относительно массового, исторически изменчивого, социально-правового явления, характеризующегося совокупностью преступлений и лиц, их совершающих, на определенной территории, за определенный период» [3, с. 256].

В преступности несовершеннолетних лиц ключевым элементом криминологической характеристики является именно личность преступника. Личность преступника по своей сущности является собирательным

понятием, которое включает в себя весь комплекс характеризующих его признаков и связей. В настоящее время ученые деятели выделили около трехсот факторов криминогенного характера, которые в свою очередь могут повлиять на формирование личности несовершеннолетнего преступника, к таковым в первую очередь относят такие факторы как пол, возраст, семейное положение, социальное положение, уровень образования, общественная активность, трудовая деятельность, нравственная, психологическая, ценностная ориентации, взгляды, интересы, потребности и другое [1, с. 40].

Главным фактором является возраст, исходя из которого можно определить изменения в личности, выявить биологические и психологические аспекты, которые непосредственно оказывают существенное влияние на преступное лицо. Также, исходя из возрастной группы, можно определить интеллект, влечения, уровень развития физических сил, а также возможность совершения определенных преступлений. «С раннего возраста, считают А. Ф. Агапов, Л. В. Барина и другие ученые, начинается процесс социализации человека, происходит формирование личностных качеств, развивается интеллект, умение анализировать и обобщать окружающие явления, вырабатываются волевые качества, формируются самосознание, чувство собственного достоинства, стремление к самостоятельности. Все это тесно связано с последующим поведением несовершеннолетнего» [1, с. 56]. На основе анализа статистических данных необходимо отметить тот факт, что около 70% преступлений, совершенных несовершеннолетними в возрастной группе от шестнадцати и семнадцати лет, этот факт обусловлен как криминогенной активностью этих лиц, так и что до 16 лет несовершеннолетние лица подлежат уголовной ответственности за установленный ст. 20 УК РФ перечень преступлений. Также немаловажно отметить то, что в условиях современного мира наблюдается рост преступлений совершенных несовершеннолетними лицами возрастной группы 14-15 лет, что в 2015 году составило около 25% от всех преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в 2016 году данный индекс возрос до 27,9%, в 2018 году превысил порог 30%.

Еще одним важным составляющим элементом в личности несовершеннолетнего преступника является половая принадлежность. Около 90% преступлений среди несовершеннолетних совершаются лицами мужского пола, данный факт можно объяснить отличиями между полами, физическим и психическим развитием, воспитании

и интересах. Также следует отметить тот факт, что исходя из анализа рода деятельности несовершеннолетних преступников, в соответствии со статистикой на момент совершения преступления около 70% составили обучающиеся личности, около 30% лица, которые не являлись учениками и не работали. Исходя из указанных данных, важно сделать вывод о том, что уровень образования не имеет прямого влияния на их криминальную активность, однако некоторые научные деятели до сих пор придерживаются мнения о том, что уровень образования напрямую взаимосвязан с совершаемыми преступлениями. Отчасти необходимо согласиться с этим мнением, так как по своей сущности само наличие факта обучения не является фактом заинтересованности в нем, что приводит к некоторого рода препятствию в развитии и социализации несовершеннолетнего лица, осложняя формирование социально-полезных навыков и приводит к примитивизации их активного поведения. Важно то, что семья несовершеннолетнего лица оказывает значительное влияние на формирование личности. В соответствии с официальными статистическими данными около 60% несовершеннолетних преступников были воспитаны в семье с одним родителем или вне семьи, если же преступные лица воспитывались в полной семье, то в большинстве случаев такие семьи отличались антисоциальной направленностью.

Таким образом, подводя итог ко всему вышесказанному, необходимо прийти к выводу о том, что преступность несовершеннолетних лиц каждый год стремительно растет. Данный факт обусловлен социальными и политическими изменениями, которые приводят к росту преступности, а именно нехватка денежных средств, отрицательное воспитание и негативный пример взрослых лиц подталкивает несовершеннолетних к совершению преступлений. Такой вид преступности является опасным, так как несформировавшаяся личность несовершеннолетнего лица является уязвимой и подвержена влиянию. Для решения указанной проблематики предполагается возможным разработать и внедрить новую политику по вопросу помощи и воспитания несовершеннолетних, создать при образовательных учреждениях кабинеты помощи с квалифицированными детскими психологами, которые смогут не только оперативно помочь нуждающимся лицам, но и на регулярной основе производить профилактические мероприятия, направленные на борьбу с преступностью.

Литература:

1. Бельский, А.И. О преступности несовершеннолетних и молодежи/А.И. Бельский, Э.Н. Лыков // Российский следователь. - 2019. - № 8. - с. 55-59.
2. Загорьян, С. Г. Негативное влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних/Загорьян, С. Г. // Российский следователь. — 2016. — № 19. — с. 40-43.
3. Прокопенко, Е.А. Преступность несовершеннолетних женского пола как объект криминологического изучения/Е.А. Прокопенко // Общество и право. - 2010. - № 5. - с. 265-269.

О некоторых аспектах методики проведения прокурорской проверки приема, регистрации и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях

Кяров Ахмед Заурович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В представленной статье автором исследуется вопрос проведения прокурорской проверки при осуществлении надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении заявлений и сообщений о преступлениях. На примере дежурной части органов внутренних дел автором показываются наиболее значимые аспекты методики проведения данных проверок: поводы проведения, наиболее типичные нарушения и проч.

Ключевые слова: прокурорская проверка, регистрация сообщений, нарушение закона, дежурная часть, предварительное расследование, прокурорский надзор.

Организация, как специфический вид деятельности по упорядочиванию отдельных элементов в определенной системе представляет собой совокупность научных, управленческих, распорядительских методов для достижения поставленных целей. Не является исключением и деятельность органов прокуратуры в рамках выполнения своей надзорной функции.

Важнейшим средством прокурорского надзора наряду с другими является прокурорская проверка, в процессе которой прокурор неизбежно осуществляет оценочную деятельность работы поднадзорных ему органов и их должностных лиц, надлежащим образом реагируя на выявляемые нарушения. При этом прокурор принимает решение о том, какое средство реагирования будет наиболее эффективным для устранения факта нарушения закона, а также восстановления нарушенных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Что же представляет собой прокурорский надзор в данной сфере? Полагаем, что в данном вопросе следует согласиться с Дудиным Н.П., который определил его как «деятельность по предупреждению, выявлению и устранению нарушений закона в процессе предварительного расследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, а также по выявлению причин и условий данных нарушений» [1, с. 21]. По-нашему мнению, данное понятие можно считать вполне корректным и ёмким, поскольку в нем отражены основные признаки надзорной деятельности прокурора по данному направлению деятельности.

Важнейшим этапом в досудебном производстве является этап приема и регистрации сообщений совершенных и готовящихся преступлениях, так как именно на данном этапе допускается значительное количество нарушений закона совершаемых сотрудниками правоохранительных органов. Органы, на которых возложена обязанность по приему, регистрации сообщений о преступлениях обязаны оперативно принимать, регистрировать, выявлять, раскрывать, пресекать и предупреждать факты преступной деятельности, а также устанавливать лиц, имеющих к ним отношение. При этом ключевым принципом деятельности прокурора на данном этапе является своев-

ременность, под которой понимается незамедлительная и своевременная реакция прокурора на нарушения, допущенные на первоначальном этапе досудебного производства, что в конечном счете будет способствовать достижению наибольшего эффекта от прокурорской деятельности в целом.

Поводами проведения проверки органами прокуратуры по надлежащему исполнению законов органами дознания и предварительного следствия являются: заявления граждан по факту отказа в приеме и регистрации заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях; информация, опубликованная в СМИ; указание вышестоящего прокурора о проведении такой проверки либо положение плана работы прокуратуры на соответствующий период.

Предмет проверки вытекает из предмета надзора и представляет собой установленный законом процессуальный порядок разрешения заявлений и сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях, а также предопределяет его цели и задачи.

Для достижения единообразного исполнения требований закона к приему и регистрации, а также к разрешению поступающих заявлений и сообщений органами, уполномоченными на такую деятельность, существуют совместные правовые акты. Примером таковых является межведомственный Приказ «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» [2].

В целях полного выявления допускаемых нарушений со стороны поднадзорных органов прокурор обязан знать нормы законодательства, закрепляющие деятельность, которая является предметом проводимой проверки. Так, для того чтобы в полной мере выявить нарушения, допускаемые при приеме и регистрации сообщений о преступлениях, прокурор обязан знать сам порядок приема и регистрации данных сообщений, который закрепляется различными нормативно-правовыми актами, например, «О едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях» и т. д. [3].

Полагаем, что вопрос методики прокурорской проверки по приему и регистрации сообщений о преступлениях следует рассмотреть на примере дежурной части органов внутренних дел, принимающих и регистрирующих сообщения и заявления о преступлении.

Согласно п. 2.1 Инструкции, утвержденной ранее рассмотренным приказом Министерства внутренних дел РФ № 736, заявление о преступлении может иметь поступать в различных формах: от письменного заявления о преступлении, подписанного заявителем, или сообщения, полученного по «телефону доверия», телефону «112», входящему в систему «горячей линии МВД России», до анонимного заявления, содержащее данные о признаках совершенного или готовящегося преступления [4].

Ведомственными нормативными актами детально регламентирован порядок дальнейших действий сотрудников дежурной части. И хотя данная процедура регистрации сообщений о преступлениях, на первый взгляд, кажется достаточно эффективной мерой по исключению фактов и попыток укрывательства сообщений о преступлениях должностными лицами, тем не менее на практике возникают ситуации обратные.

Так, нередко возникает такая ситуация, когда заявитель отсутствует, и сообщение о преступлении принимает не оперативный дежурный дежурной части, а сотрудник органов внутренних дел, у которого возникает обязанность незамедлительно передать информацию по существу сообщения о преступлении в дежурную часть для регистрации в КУСП.

Общеизвестно, что КУСП — это документ строгой отчетности. Правила ее оформления, ведения и последующего хранения утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации № 477 от 15 июня 2009 г. «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти». Помимо КУСП и Журнала учета, оперативный дежурный ведет специальную Тетрадь для записей оперативного дежурного, в которой фиксируется вся поступающая информация о правонарушениях, происшествиях и чрезвычайных ситуациях, в том числе и анонимные заявления, в том числе обращения, поступившие по «телефону доверия».

Наличие и ведение данной Тетради обязательно, что также закреплено в Инструкции, утвержденной Приказом МВД № 736. При этом как показывает практика, именно Тетрадь дежурного нередко мистическим образом пропадает, либо в целях положительной статистики нее просто не вносятся сведения. А вся поступающая информация фиксируется фактически на бумаге для записей, что является грубейшим нарушением закона.

Полагаем, что в случае выявления различного рода нарушений в данной процедуре, прокурору не следует ограничиваться проверкой информации, поступившей по конкретному факту. Прокурорская проверка, помимо всего прочего, включает в себя деятельность по сопоставлению информации, послужившей поводом для проведения проверки, с информацией, которая имеется в иных

правоохранительных органах, организациях и учреждениях.

Делопроизводство любого учреждения предполагает ведение номенклатуры. В целях упрощения поиска документации именно с ее истребования необходимо начинать прокурорскую проверку.

Так, в ходе проведения проверок на поднадзорной территории, прокурору необходимо в первую очередь изучать находящиеся у органа предварительного расследования в производстве материалы проверок по заявлениям и сообщениям о преступлениях, произошедших за проверяемый период, в части их надлежащей регистрации. Изучая книги учета, необходимо обращать внимание на то, чтобы внесенные в них решения об отказе в возбуждении уголовного дела соответствовали постановлениям, поступившим в органы прокуратуры, чтобы все графы в данных книгах были заполнены надлежащим образом, с указанием всей необходимой информации.

Согласно ст. ст. 6, 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», прокурору надлежит требовать полного устранения нарушений закона, используя предусмотренные законом формы реагирования, и привлечения виновных должностных лиц, в том числе не обеспечивших должного контроля за соблюдением порядка приема, регистрации, рассмотрения и разрешения сообщений о преступлениях, к ответственности, а в определенных случаях — выносить постановления о направлении материалов руководителю соответствующего следственного органа для решения вопроса об уголовном преследовании в отношении лица, допустившего нарушение, имеющее признаки преступления.

В ходе проведения проверки прокурор проверяет следующую документацию, в которой могут быть каким-либо образом, в том числе косвенным, отражены сведения о совершенном или готовящемся преступлении, например, журнал учета найденных, изъятых или сданных предметов, принадлежность которых не установлена, накопительное дело по суточным оперативным сводкам и др.

Отличительным признаком данных прокурорских проверок является «неочевидность нарушений закона», то есть прокурорский работник перед началом проверки должен не только изучить криминогенную обстановку на поднадзорной территории, но и нарушения, которые ранее выявлялись при проведении предыдущих проверок по данному направлению деятельности.

На практике может сложиться следующая ситуация: отдельные должностные лица поднадзорных ведомств, пользуясь неопытностью прокурорского работника в данном направлении надзора, используя нацеленность прокурора на быстрое выявление нарушений в виду ограниченности времени, стараются сделать более явными незначительные и распространенные нарушения, касающиеся, например, отсутствия каких-либо реквизитов в документах, тем самым отвлекая внимание прокурора от более серьезных нарушений, таких, как сокрытие преступления от учета, которые остаются за рамками проверки.

Ученые и практические работники уже очертили круг нарушений, которые являются наиболее типичными при проведении прокурорских проверок в данном направлении (отказ в приеме заявления, возвращение заявления под предлогом «неверного оформления» и проч.) [5, с. 310-314].

Анализируя методические рекомендации различных коллективов авторов научных работ и статей, мы пришли к выводу о том, что для проведения наиболее качественной и успешной проверки необходимыми мерами будут являться следующие:

1) мониторинг данных ведомственной статистической отчетности, данных оперативных сводок в целях исследования криминогенной ситуации на поднадзорной территории в целом;

2) изучение как федерального законодательства (УПК РФ), так и актов, изданными органами прокуратуры и поднадзорным ведомством, а также изучение методических рекомендаций Генеральной прокуратуры РФ по проведению проверок в данном направлении;

3) изучение специфики работы поднадзорного органа и его структурных подразделений;

4) ознакомление с материалами прошлых прокурорских проверок, которые имеются в номенклатурных делах, а именно: какие акты прокурорского реагирования выносились, устранены ли фактически выявленные нарушения;

5) проведение бесед с гражданами и должностными лицами на личном приеме, участие на межведомственных совещаниях.

Данный перечень не является исчерпывающим, но действуя в соответствии с перечисленными мерами, прокурор сможет оптимально организовать проведение проверки исполнения законов поднадзорным органом, заранее продумать вопросы, которые будут поставлены перед началом проверки, определить для себя комплекс необходимых проверочных мероприятий.

Так, применительно к дежурной части ОВД, следует сказать, что прокурор фактически сопоставляет сведения об одном и том же событии в различного рода документах (КУСП, Тетради дежурного, различных журналах и т.д.) и аудионосителях (запись звонков, поступивших в дежурную часть по телефону и другим срочным средствам связи), на основании чего выясняет, была ли организована проверка информации оперативным дежурным дежурной части должным образом, имеются ли у дежурного документы, подтверждающие признаки преступления (протокол осмотра места происшествия, рапорт должностного лица, обнаружившего признаки преступления, акт о применении служебной собаки), принимались ли должностными лицами меры по обнаружению, фиксированию, сохранению и изъятию следов преступления, проводи-

лись ли мероприятия по раскрытию преступления «по горячим следам».

К достаточно распространенным нарушениям закона можно отнести ситуации, когда рапорты об обнаружении признаков преступления, заявления и сообщения о преступлениях не регистрируются участковыми. Также имеют место случаи «перекидывания» сообщений о преступлениях из одного органа в другой в целях «сохранения положительной статистики за отчетный период». Такие нарушения выявляются путем сопоставления записей КУСП с записями журнала исходящей корреспонденции, где об отправке и о возвращении заявления делаются соответствующие отметки.

Особое внимание прокурорским работникам следует обращать на случаи, когда сотрудники органов внутренних дел, принимая заявления от граждан, пользуясь правовой неграмотностью последних, стараются «завуалировать» деяние, содержащее признаки уголовного преступления под административное правонарушение, результатом чего является отказ в возбуждении уголовного дела.

Подводя итог, необходимо сказать следующее:

1) организация прокурорской проверки в данном направлении представляет собой сложный механизм выявления несоответствий в регистрационно-учетной деятельности уполномоченных на то органов требованиям закона и пресечения нарушений прав и законных интересов граждан;

2) строгий учет и своевременная регистрация правоохранительными органами каждого поступившего сообщения о преступлении и их дальнейшая всесторонняя проверка является важной гарантией защиты прав лиц, потерпевших от преступления, в связи с чем находится в зоне особого внимания со стороны органов прокуратуры;

3) усложненность учетно-регистрационной деятельности с одной стороны является средством предотвращения сокрытия преступлений от регистрации, но с другой — создает некоторые сложности в проведении прокурорской проверки, ввиду большого объема учетных документов, подлежащих обязательному заполнению;

4) проверочная деятельность прокурора включает в себя не только лишь изучение поступившей в орган предварительного расследования информации по конкретному факту, но также и ее сопоставление с информацией, имеющейся в иных организациях и учреждениях, например, сведения о причинении потерпевшему вреда здоровью, имеющиеся в регистрационной документации учреждения здравоохранения, которые передаются из него в органы предварительного расследования и регистрируются соответствующим образом.

Литература:

1. Основные направления прокурорской деятельности: учебное пособие/науч. ред. Н. П. Дудин. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. — 132 с.

2. Приказ Генеральной прокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26.03.2014 (ред. от 22.10.2020) // Российская газета. 2014. № 181. 13 августа.
3. Приказ Генеральной прокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» // Российская газета. 2006. № 13. 25 января.
4. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газет. 2014. № 260. 14 ноября
5. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие/коллектив авторов; под ред. О. Н. Коршуновой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. — 408 с.

К вопросу о способе совершения преступлений против военной службы

Латыпова Кристина Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент;
 Очиров Норбо Ешиевич, студент магистратуры
 Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ)

В статье авторы рассматривают вопросы, связанные со способом совершения преступлений против военной службы. Остановиваются более подробно на особенностях способа подготовки, совершения и сокрытия. Также в статье анализируются понятия способов совершения преступления, как элемента криминалистической характеристики, исследуемые в научной литературе.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, преступления против военной службы, способ совершения, методика расследования.

Усиление законности и правопорядка в российской армии — одна из важнейших задач, стоящих перед нашим государством в настоящее время. Только в таких условиях можно обеспечивать соблюдение воинской дисциплины и, как следствие, боеготовность и обороноспособность страны [2, с. 69].

При этом решение указанной задачи должно осуществляться по нескольким направлениям, среди которых большое значение имеет совершенствование методики расследования преступлений против военной службы. В рамках которой, есть необходимость анализа вопросов, связанных с особенностями криминалистической характеристики данных видов преступления, одним из элементов которой является способ его совершения.

Вопросы о способах совершения преступлений против военной службы не являются новыми, существует ряд работ, посвящённых этим аспектам. Но в связи с увеличением статистических данных о количестве совершаемых преступлений против военной службы, можно сделать вывод о необходимости анализа имеющихся способов.

Так, анализ статистических данных ГИАЦ МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показывает стабильный уровень исследуемого вида преступности. В 2013 г. было зарегистрировано 2550 преступлений, предусмотренных главой 33 УК РФ, в 2014 г. — 3044, в 2015 г. — 2788, в 2016 г. — 2334, в 2017 г. — 2653, в 2018 г. — 2583.

Военными судами в 2013 г. были вынесены приговоры за совершение преступлений против военной службы в отношении 1942 военнослужащих и лиц, к ним приравненных, в 2014 г. — 1961, в 2015 г. — 2003, в 2016 г. — 1654, в 2017 г. — 1736, в 2018 г. — 1413. Обращают на себя внимание снижение количества нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности (ст. 335 УК РФ) — с 1128 в 2013 г. до 547 в 2018 г. и рост числа самовольных оставлений части или места службы (ст. 337 УК РФ) — с 934 преступлений в 2013 г. до 1563 в 2018 г. [1, с. 4].

В научной литературе существует множество определений способа совершения преступлений. Остановимся на некоторых из них, так например, Степанова С. А., под способом совершения преступлений, совершенных военнослужащим понимает объединенную между собой единым умыслом систему последовательно совершаемых военнослужащим преступных действий по нарушению установленных правил исполнения военно-служебных обязанностей, сопряженных с применением физической силы, боевого оружия и специальных средств [3, с. 47].

Иными словами, способ можно представить как взаимосвязанную систему, которая включает в себя действия и бездействия военнослужащих, осуществляющих подготовку, совершения и сокрытия преступлений, обусловленных субъективными и объективными признаками [4, с. 157].

Исходя из вышесказанного, способы совершения преступлений против военной службы схожи и, зачастую, заключаются в виде действий военнослужащего, направленных на вступление в конфликтную ситуацию с другим военнослужащим, что приводит к совершению ими общественно опасного деяния, связанного с нарушением возложенных служебных обязанностей.

Как полноструктурный элемент криминалистической характеристики, способ совершения преступлений можно рассмотреть как комплекс мероприятий, которые включают в себя действия по подготовке, совершению и сокрытию следов преступления.

Подготовительные действия по совершению преступлений военнослужащими можно представить в ряде мероприятий, связанных со следующими особенностями, например:

— действия, связанные с выбором места, удобного для осуществления преступного замысла (зачастую, это могут быть комната командиров взводов, кладовая или туалетная комната, другие места, где отсутствует большое количество скопления военнослужащих);

— действия по подбору орудий и средств преступления (это могут быть подручные предметы, так и специальные средства, используемые для обороны);

— действия по выбору участников (зачастую ими становятся военнослужащие, только призванные к военной службе, а также сослуживцы, которые находятся в прямом подчинении у начальства или командиров роты (взвода).

Анализируя судебно-следственную практику по данной категории преступлений, необходимо отметить, что к способу подготовки можно отнести действия, связанные с выбором участников преступления, их завлечения к месту совершения преступления, места и время совершения преступления, а также то, что будет использоваться субъектом в виде оружия преступления.

В ходе изучения теоретического и практического материала можно прийти к выводу о том, что зачастую дей-

ствия по совершению преступлений необходимо разграничить в зависимости от того, применялись ли при этом какие-либо предметы в качестве орудия преступления или нет, так, например:

— преступления без применения каких-либо орудий и средств совершаются как правило нанесением по голове и телу потерпевшего ударов руками и ногами.

— преступления, совершаемые с помощью различных предметов или без таковых, подразделяются на: — нанесение потерпевшему различных повреждений при помощи рук и ног.

Остановившись на вопросе о способах сокрытия преступлений против военной службы, необходимо отметить, что это умышленные действия, направленные на воспрепятствование установления объективной истины о преступлении и уклонение виновного от ответственности.

В качестве способа сокрытия преступления, могут быть действия субъекта по уничтожению или фальсификации следов преступления, цель которых является нежелание и страх нести уголовную ответственность за совершенное им общественно опасное деяние. По своему содержанию способы сокрытия преступления можно обозначить как действия направленные на умалчивание информации о совершенном преступлении, либо укрывательство военнослужащего, который является потерпевшим, уничтожение следов преступления (например, это действия наведение уставного внутреннего порядка в подразделении, восстановление разрушенных объектов, влажная уборка помещения, в котором было совершено преступление), противодействие расследованию, путем дачи ложных показаний.

Подводя итог вышесказанному, мы приходим к выводу о том, что способ совершения преступлений против военной службы, является важным элементом криминалистической характеристики, изучения которого может способствовать более эффективному расследованию преступлений.

Литература:

1. Данилов, П. С. Система преступлений против военной службы и перспективы ее совершенствования: автореферат дисс. канд. юрид. Наук 12.00.08. — 2019. — Омск. — 22 с.
2. Корнев, М. С. Субъективная сторона в преступлениях против военной службы: некоторые проблемы теории и практики // Сибирский юридический Вестник. — 2013. — № 2 (61). — с. 69-74.
3. Степанов С. А. Методика расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия. — 2018. — Москва. — 251 с.
4. Степанов, С. А. О методике расследования преступлений против военной службы, сопряженных с применением физического насилия // Закон и право. — № 1. — 2019. — с. 157-159

Нецелесообразность сохранения смертной казни в системе наказаний Российской Федерации

Лутковская Елена Владиславна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

На сегодняшний день смертная казнь в Российской Федерации не применяется в связи с действующим мораторием. В статье анализируются положения, обосновывающие необходимость окончательной ликвидации смертной казни.

Ключевые слова: мораторий, смертная казнь, общественное мнение, альтернатива, судебные ошибки.

Право на жизнь считается основополагающим и неотъемлемым благом каждого человека, в связи с чем с середины XX века наметилась явная тенденция к ликвидации смертной казни, что подтверждается отказом от данного наказания многих стран, в том числе и Российской Федерации, в которой существует мораторий на применение смертной казни.

Однако на сегодняшний день некоторые авторы отмечают [6] некоторую незавершенность вопроса об отмене смертной казни в Российской Федерации. Учитывая результаты последних социологических опросов, согласно которым увеличивается число сторонников возвращения смертной казни в качестве санкции за особо тяжкие преступления [9], мы считаем, что необходимо проанализировать основания несостоятельности смертной казни как меры уголовного наказания.

По нашему мнению, окончательная ликвидация смертной казни — неизбежный и необходимый процесс, в связи с чем следует выявить основные положения, дискредитирующие вышеупомянутый вид наказания.

Как отмечает С.И. Луценко: «Многочисленные исследования и наблюдения (в том числе ведущих правоведов России конца XIX — начала XX века) подтвердили отсутствие зависимости уровня преступности от отмены или введения смертной казни» [7].

С данным высказыванием трудно не согласиться. Один лишь факт наличия смертной казни не заставит всех потенциальных преступников отказаться от осуществления преступного умысла.

По нашему мнению, фактор смертной казни действительно оказывает сильное предупредительное воздействие, однако нельзя искусственно завышать реальную эффективность превентивного аспекта смертной казни, так как существует множество обстоятельств, ограничивающих круг лиц, в отношении которого устрашающее воздействие оказывает возможность назначения смертной казни судом. Например, некоторые преступники (например, маньяки) не остановятся ни перед чем ради убийства вследствие своей деформированной психики.

Значимым аргументом против смертной казни выступает следующий факт. Согласно пункту 2 части 1 статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уголовное судопроизводство имеет своим назначе-

нием защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Но как защитить лицо от незаконного осуждения в случае, когда ему был назначен и приведен в исполнение смертный приговор? Данная проблема актуальна для судопроизводства и осуществления правосудия как форм человеческой деятельности, которой могут быть присущи ошибки.

Рассмотрим пример из практики. С. Михалков был приговорен к смертной казни за убийство. Данный приговор мог быть приведен в исполнение, однако вмешательство правозащитных организаций и Уполномоченного по правам человека способствовало отмене данного приговора. Через некоторое количество времени по вышеназванному делу открылось производство по вновь открывшимся обстоятельствам, в котором суд установил, что данный гражданин не участвовал в совершении убийства [4].

Наличие в Уголовном Кодексе смертной казни как вида наказания, несмотря на мораторий на ее применение, вступает вразрез с международными обязательствами Российской Федерации, так как, являясь членом Совета Европы, наше государство взяло на себя обязанность в виде отказа от смертной казни, что должно быть выражено, в том числе, в ратификации Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, непосредственного запрещающего вынесение смертных приговоров.

Говоря о недостатках смертной казни, также необходимо упомянуть моральный аспект, так как смертная казнь предполагает государственный институт её исполнения, наличие которого может дискредитировать государство в глазах общества.

Часть 2 статьи 43 Уголовного Кодекса называет в качестве одной из целей наказания исправление осужденного, что также порождает коллизию с возможностью применение смертной казни, поскольку исправление в данной ситуации не представляется возможным.

Необходимо сказать, что некоторыми авторами резонно отмечается бессмысленность смертной казни, так как в уголовном законодательстве существует оптимальная альтернатива — пожизненное лишение свободы.

В качестве обоснования указанной альтернативы можно выделить следующие положения. Данный вид нака-

зания, во-первых, сохраняет право на жизнь, а, во-вторых, некоторыми авторами считается [5] не менее мягким видом наказания при выполнении соответствующих условий. К примеру, осужденный может быть лишен возможности освобождения от отбывания наказания путем амнистии или помилования. Также, в качестве ужесточающих мер, заключенный может находиться в условиях одиночества или эксплуатации его труда в тяжелых условиях.

Подводя итоги сказанному выше, отметим явную необходимость окончательной отмены смертной казни как вида уголовного наказания, о чем говорят вышеназванные суждения в части ее противоречивости иным положениям законодательства и наличия альтернатив. Так, А. В. Малько писал следующее: «смертная казнь в современный хаотичный период как правовое явление пока не обходима» [10].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2021).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // «Собрание законодательства Российской Федерации». 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. N 25. Ст. 2954.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «О деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2000 году» // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
5. Антонян, Ю. Смертная казнь и ее альтернатива/Ю. Антонян // Уголовное право. — 2007. — № 1. — с. 97-101.
6. Иванов, А. В. Проблемы отмены смертной казни в России в контексте международных обязательств/А. В. Иванов // Право и политика. — 2016. — № 7. — с. 874-885. — DOI 10.7256/1811-9018.2016.7.13453.
7. Луценко, С. И. Институт смертной казни как правовой атавизм/С. И. Луценко // Современное право. — 2018. — № 1. — с. 128-133.
8. Побегайло, Э. Ф. О преступности в России и проблеме смертной казни/Э. Ф. Побегайло // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. — 2010. — № 3. — с. 24-39.
9. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/03/17/n_15747980.shtml<https://ria.ru/20191101/1560486013.html><https://www.levada.ru/2021/06/25/smertnaya-kazn-i-prestupnost/>(дата обращения: 25.10.21)
10. Малько, А. В. Смертная казнь: Современные проблемы/А. В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1998. — № 1 (220). — с. 106-116.

Биоэтика в трансплантологии, трансгуманизм, ксенотрансплантация: право и мораль, соотношение

Макарова Арина Васильевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Добро и зло, правильное и неправильное — любое явление, в том числе правовое, так или иначе оценивается с точки зрения данных критериев. Одной из научных сфер, содержащей такие критерии, является биоэтика. Это учение объединяет биологическое знание и челове-

Данная статья была написана в 1998 году, в период резкого роста преступности, в связи с чем автором положительно оценивалась целесообразность применения смертной казни, однако, именно в тот исторический и «хаотичный» период.

С конца 1990-х годов прошло более 20 лет, российском обществе в сравнении с тем временем существенно укрепилась законность и правопорядок, у общества сформировалась правовая культура. В связи с вышеназванным, избавление отечественного уголовного права от смертной казни представляет из себя неизбежную тенденцию, которая в ближайшем будущем должна быть реализована окончательно. Более того, по нашему мнению, российское общество уже сегодня представляет из себя укрепившуюся социальную структуру, которая готово жить строго в соответствии с законом, поэтому вопрос о полной отмене смертной казни можно выносить на рассмотрение уже сегодня.

ческие ценности, исследует те или иные вопросы в симбиозе и противопоставлении таких категорий и, в сущности, являет систематическую диагностику поведения человека с позиции морали, этики и нравов в границах учений о жизни и медицине.

Многие вопросы трансплантологии вызывают активные дискуссии не только в правовом плане, но и биоэтическом. Один из них — вопрос коммерциализации трансплантологии и статуса органов и тканей как объектов трансплантации. На сегодняшний день купля-продажа донорских органов запрещена как в международном праве, так и в российском [1]. С нравственной позиции этот запрет можно истолковать прежде всего самой сущностью донорства, предполагающей дар, добровольную жертву ради здоровья и жизни других людей.

В научном поле статус трансплантатов рассматривается с двух точек зрения. Первая наделяет их вещевым признаком и соответственно основывается на наличии у людей права на распоряжение собственными органами по своему желанию, в том числе на их продажу. Аргументирование приверженцев данной позиции исходит из следующего: каждый человек имеет свободу выбора и право свободно принимать решение, исходя из своих интересов, а запрет на распоряжение своими органами это право ограничивает. Как утверждает профессор Оксфорда Джулиан Савулеску, такой запрет являет собой наихудшую форму патернализма [9, с. 138-139].

Вторая точка зрения право использования органов и тканей отдельного индивида присваивает обществу. Легализация купли-продажи органов вызывает неприятие у многих по моральным аспектам. Приверженцы данной позиции приводят следующие отрицательные последствия: смещение доноров-альтруистов донорами, руководствующимися меркантильными соображениями; эксплуатация лиц, вынужденных продать свои органы под давлением тех или иных обстоятельств; ухудшение качества донорских органов [2, с. 217]. Свободу выбора же, на которую опираются сторонники противостоящего лагеря, они называют иллюзией, поскольку принятие решения делается не благодаря свободной альтернативе, а под воздействием социальных условий, и сводится к разделению на бедных, органы продающих, и на богатых, эти органы покупающих, что нарушает принцип справедливости. Противники легализации рынка органов предлагают замену — институт обмена органов для трансплантации [4, с. 127-128].

Другой острой проблемой этической подоплеку в трансплантологии является тема регулирования посмертного донорства. Существует две модели регулирования — презумпция согласия (неиспрошенное согласие), установленная в законодательстве России, Бельгии, Австрии, Испании, Венгрии и ряде других стран, и презумпция несогласия (испрошенное согласие), практикуемая в таких странах, как США, Германия, Франция, Канада, Португалия. Презумпция согласия предполагает автоматическое согласие каждого гражданина на изъятие у него органа после смерти при отсутствии выраженного отказа. В соответствии с презумпцией несогласия, наоборот считается, что каждый изначально не согласен с тем, чтобы его органы использовали для пересадки,

и изъятие органа возможно лишь при наличии выраженного при жизни согласия.

Несомненным плюсом презумпции согласия выступает практическая польза — увеличение донорских органов. Однако с точки зрения морали возникает множество неоднозначных моментов. Как уже говорилось ранее, суть донорства в добровольном даре, а изъятие органов без согласия эту суть искажает. Как утверждает И. В. Силуянова, система презумпции согласия принуждает врачей к насильственным действиям по вмешательству в тело лица без учета его воли [5, с. 173].

Для недопущения подобных этических осложнений была выработана система презумпции несогласия. Ее преимущества в нравственном плане очевидны: тело человека остается в его распоряжении даже после смерти, и лишь он либо его родственники могут принимать решение о проведении изъятия органа, а это складывает достойное отношение к телу человека как физической составляющей личности, а не материальной вещи, переходящей в распоряжение государством. С другой стороны, присутствуют минусы в виде снижения количества трансплантатов и психологической нагрузки для родственников умершего лица.

Дебаты в биоэтическом ракурсе трансплантологии вызывает также критерий определения смерти. Успешная пересадка и приживание донорского органа зависит от времени, когда он был изъят из тела — чем скорее, тем выше вероятность положительного результата. Поэтому было выработано «правило мертвого донора», согласно которому орган должен извлекаться позднее наступления смерти донора. В связи с этим особое значение приобрел вопрос о моменте смерти человека — когда его можно считать мертвым?

В современной медицине установлен функциональный подход к определению момента смерти человека, в соответствии с которым смерть наступает с утратой организма определенных функций. Однако среди ученых не все согласны с данным подходом. Так, по мнению О. В. Летова, отсутствие работы мозга или сердца не означает наступление смерти, иначе, отталкиваясь от медицинской практики, можно утверждать, что имели место случаи, когда человек умирал несколько раз [2, с. 217]. Профессор Оксфорда Джон МакМахон, указывая, что адекватно определить момент смерти на основе функционирования мозга невозможно, предлагает использовать когнитивный критерий, то есть связанный с функционированием сознания [8, с. 94-96].

Итак, специфика трансплантологии породила множество проблем, где мораль и право сосуществуют в неразрывном контексте. Научными исследователями предложены различные варианты их преодоления, причем каждая идея предполагает одновременное решение всех проблем.

Первый способ можно назвать самым радикальным и отдаленным от реальности, и он связан с термином «трансгуманизм». Трансгуманизм — это новейшее научное

направление, которое преследует цель усовершенствования человеческой природы и создания трансчеловека с помощью нано-, био-, информационных и когнитивных наукотехнологий. Под трансчеловеком понимается человек, выходящий за пределы обычной формы рода *homo sapiens*, обладающий сверхразумом, сверхспособностями, состоящий в основном из имплантов или представляющий собой существо, чье сознание перенесено в механическую оболочку. Основоположниками данного движения являются Д. Хаксли, Д. Бёрдон, Д. Бернал, М. Мински, Р. Курцвейл, Г. Моравек, Н. Востром и другие.

Достижения последних лет в технологической сфере, области генной инженерии, исследовании робототехники показывают стремительное развитие науки и техники, что в свою очередь повышает шансы на существование трансгуманизма не только в статьях ученых, близких к жанру фантастики. Ученый Реймонд Курцвейл предсказал наступление в 2045 г. технологической сингулярности, причиной чего послужат прогрессивное развитие искусственного интеллекта и киборгизация людей — замена частей человеческого тела на искусственные аналоги [7, с. 135-136].

Многие среди ученых дают неоптимистичные прогнозы в отношении трансгуманизма. Так, Фрэнсис Фукуяма утверждает, что научно-техническое развитие приведет человечество в нравственный тупик и дегуманизованное будущее, вызовет коллапс в экономической, политической и правовой сферах, где такие последствия, как масштабная безработица и смешение правовых категорий «субъект» и «объект» — вершина айсберга [15]. Идентичное мнение выражают А.В. Попова и М.Г. Абрамова, которые уверены в сопровождении реализации трансгуманизма социальными конфликтами разного рода и видоизменением либо исчезновением всех или почти всех сфер человеческого общества [3, с. 44-45]. Провозглашение трансгуманизма, по их словам, разрушит концепции либеральной демократии и естественного права.

Помимо аргументов об исчезновении или искажении сфер человеческой жизнедеятельности минус в копилке мнений о философии трансгуманизма составляет критика приверженцев религиозных направлений. Они уподобляют трансгуманизм богохульству, посягательству на божественный промысел.

Воплощение трансгуманизма в реальность несомненно бы решило спорные моменты трансплантологии или, точнее будет сказать, в трансплантологии тогда бы вообще отпала необходимость, ведь с заменой обычного человеческого тела искусственным исчезнут болезни как таковые и, возможно, даже смерть канет в лету. Однако такое развитие человеческого общества, подразумевающее, по сути, его перевоплощение в нечто иное и, как следствие, отмирание, скорее пугает как с правовой и моральной, так и религиозной точки зрения.

Второй способ решения проблем в трансплантологии не столь радикальный, однако такой же сложный в прак-

тической реализации — это ксенотрансплантация. Ксенотрансплантация являет собой пересадку тканей, органов между организмами различных видов, в частности от животного к человеку.

В настоящее время ксенотрансплантация не применяется в трансплантологии. В теории неоспоримый плюс ксенотрансплантации в увеличении числа спасенных жизней и возможности предоставления донорских органов без длительного ожидания всем нуждающимся реципиентам, включая младенцев, которые испытывают наибольшую нехватку в трансплантатах. Кроме того, ксенотрансплантация помогла бы людям, не желающим принимать органы других людей по определенным причинам этического или религиозного характера.

Однако применению ксенотрансплантации препятствует множество сложных и неоднозначных моментов. Прежде всего стоит отметить отсутствие реальных положительных результатов в клинической практике. Главный тормоз в развитии ксенотрансплантации — отторжение трансплантата из-за биологических различий органов человека и животного. Медицинские ограничения связаны с опасностью передачи болезни организму человека от органа животного и вспышки пандемии. Другой медицинский аспект — угроза возникновения химер, то есть существ, состоящих одновременно из человеческих и животных клеток. Также вызывает противоречия и философский вопрос о моральных обязательствах человека перед животными.

Руководствуясь вышесказанным, в 1999 г. Парламентской ассамблеей Совета Европы был объявлен мораторий на проведение ксенотрансплантации. Стоит отметить, что в российском законодательстве ксенотрансплантация никак не регламентирована.

Третий способ решения проблем, возникающих при реализации трансплантации — создание биопринтных человеческих органов с помощью технологии 3D-биопринтинга, позволяющей «спроектировать» трехмерную модель человеческого органа на клеточной основе. Данную процедуру можно описать следующим образом: на компьютере подготавливается графический дизайн органа, затем он печатается «посредством трехмерной послойной печати специальными «биочернилами» (сфероидами) и в результате образуется полностью функциональная копия живого органа» [6, с. 99], который может трансплантироваться нуждающемуся пациенту.

Исследователями отмечается, что трудность применения технологии создания биопринтных органов заключается в механизме получения необходимых человеческих клеток. Как правило, для этого используются стволовые клетки, способные к дифференциации, а их источником может служить эмбрион. Однако в соответствии со ст. 18 Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины [9], исследование эмбрионов должно сопровождаться их защитой, а создание человеческого эмбриона в исследовательских целях вообще запрещено. Вместе

с тем обозначенное препятствие не является непреодолимым — благодаря современным достижениям медицины возможно применение стволовых клеток, взятых из костного мозга донора или реципиента. Кроме того, в настоящее время рассматривается возможность создания трехмерной модели органа с использованием аутологических клеток.

Сравнивая три выделенных способа преодоления ряда морально-правовых проблем в сфере трансплантологии, выбор в пользу последнего представляется наиболее целесообразным и обоснованным. Создание биопринтных органов увеличит количество трансплантатов без риска отторжения организмом реципиента пересаживаемого

органа, как в случае с ксенотрансплантацией, и не вторгаясь при этом в телесную сущность человеческого тела, как обстоит дело в идейном проекте трансгуманизма.

Биопринтинг не покушается на человеческое достоинство и отвечает демократическим принципам. Единственное условие для успешного воплощения этого метода в донорскую практику — достижение необходимого уровня научно-технологического развития. И хотя он еще далек от идеала и только «набирает скорость» в гонке спасения человеческих жизней, можно с уверенностью сказать, что каждый новый день сокращает этот разрыв, взаимодействием науки, медицины и технологий приближая нас к новому будущему.

Литература:

1. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (ред. от 31 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. № 4.
2. Летов, О. В. Биоэтика и современная медицина. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2009. с. 252.
3. Попова, А. В., Абрамова М. Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // Российский журнал правовых исследований. — 2018. — № 3 (16). — с. 39-47.
4. Семенов, Е. В. Этические, медицинские и правовые проблемы трансплантации органов // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного университета психологии и социальной работы. 2014. № 1. с. 121-129.
5. Силуянова, И. В. Биоэтика в России: ценности и законы. — М.: Грантъ, 2001. с. 192.
6. Черных, А. В. и др. Современные направления трансплантологии с использованием высокотехнологичных методов // Вестник экспериментальной и клинической хирургии. 2017. № 2. с. 96-102.
7. Kurzweil, R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: Viking, 2005. 652 p.
8. McMahan, J. The Metaphysics of Brain Death. 1995. № 9. с. 94-96.
9. Savulescu, J. Is the sale of body parts wrong? // Journal of Medical Ethics. 2003. № 29. с. 138-139.

Исторические аспекты института банкротства

Морозова Елена Альбертовна, студент магистратуры

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Нижний Новгород)

В рамках настоящей статьи раскрываются вопросы истории института несостоятельности (банкротства) в российском праве, а также дается краткая оценка эффективности правового регулирования исследуемого института в ретроспективном аспекте.

Ключевые слова: исторический аспект, несостоятельность, банкротство, банкротский устав, арбитражный суд.

Институт банкротства не является правовой новинкой. Впервые о несостоятельности можно говорить исходя из содержания статутов некоторых итальянских городов, таких как Флоренция, Генуе, Венеция периода конца XV века. Основой для них являлось римское право [3, с. 53].

Если говорить о банкротстве в России, то видится необходимым отметить, что институт банкротства имел место быть ещё в Русской Праве, действовавшей в XI-XII веках [4]. Немаловажно и то, что уже в те времена право знало различие между «несчастной» несостоятельностью — возникшей в отсутствие вины должника и злонамеренной — при которой должник скрывался от уплаты

долгов путем бегства в другую землю. При такой ситуации после возвращения должника на родину и он, и его имущество подлежали продаже с торгов, а требования кредиторов удовлетворялись пропорционально размеру задолженности. При этом имела своеобразная очередность — кредитором первой очереди был князь, после него иностранные и иногородние купцы, последними удовлетворение могли получить местные кредиторы должника.

С течением времени институт банкротства усложнялся, менялся подход к нему. При этом на протяжении всей истории развития существовала дифференциация банкротства на несколько видов (как правило, одним из них было виновное банкротство).

В 1740 году появился первый русский кодифицированный акт, касающийся банкротства — Банкротский Устав [2, с. 45].

Несмотря на то, что законодательство РСФСР также имело нормы о банкротстве в Гражданском кодексе, процессуальная сторона ведения банкротных дел не имела должного регулирования и только в 1927 году в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР была введена глава о процессуальных особенностях несостоятельности физических и юридических лиц [1].

В то же время необходимо понимать особенности экономического положения в нашем государстве — присутствии большого количества монополий в большинстве отраслей народного хозяйства, что лишало нормы о несостоятельности практического смысла. Государство, напротив, пыталось держать на плаву убыточные отрасли народного хозяйства и отдельные предприятия путем дотаций.

В рамках же негосударственного сектора собственности — в колхозах и кооперативах нормы о банкротстве также не применялись, использовались иные административно-правовые меры: с колхозов либо списывали часть долгов, либо «вытаскивали» их путем слияния с более экономически успешными субъектами.

Институт несостоятельности физических лиц и вовсе не существовал на практике, так как за редким исключением лица вовсе не могли заниматься самостоятельной хозяйственной деятельностью, в связи с чем, по мнению государства, банкротами быть не могли.

Задолженности же по различным обязательным платежам взыскивались в общем исковом порядке.

Несмотря на развитие законодательства, изменение политической и экономической ситуации в стране, законы, признающие за хозяйствующими субъектами возможность несостоятельности, фактически не исполнялись, так как отсутствовали и процессуальный порядок ведения процедуры, и конкретные признаки, по которым можно было бы установить банкротство юридических лиц.

В 1998 году появился первый Федеральный закон от 09.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкрот-

стве)». К сожалению, его текст трудно было назвать достойным образцом правотворческой деятельности — содержащиеся в нем нормы не отвечали реалиям времени и не удовлетворяли ни потенциальных банкротов, ни арбитражный суд, в чью компетенцию и по сей день входит рассмотрение дел о несостоятельности. Основным недостатком указанного Федерального закона было то, что несмотря на благие цели — наилучшее разрешение проблемы банкротства субъекта с одновременной поддержкой баланса интересов и самого банкрота и его кредиторов, внутренние коллизии закона приводили к тому, что он, напротив, способствовал расцвету теневой экономики и юстиции для легализации корыстных схем по переделу собственности, разорению конкурентов путем недобросовестных махинаций недобросовестных кредиторов и применения иных схем, которые смогли обрести жизнь именно благодаря несовершенному правовому регулированию института.

Это стало причиной разработки и принятия нового закона о банкротстве, который и действует сейчас в нашей стране.

Помимо основного костяка о банкротстве юридических и физических лиц, Закон о банкротстве содержит и специальные нормы, касаемо банкротства отдельных хозяйствующих субъектов — кредитных организаций, застройщиков, естественных монополий и иных лиц, банкротство которых по общим правилам производится не может. Отличительной особенностью этого Закона выступает то, что помимо норма материального права, он также содержит множество процессуальных норм, регулирующих судебный порядок рассмотрения банкротных дел.

В то же время нельзя сказать, что современное правовое регулирование банкротства идеально. Вопросы возникают как у субъектов банкротства, так и у судей, непосредственно ведущих такие процессы. Об этом свидетельствует также и достаточно большое количество постановлений Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации, а также Верховного суда Российской Федерации.

Литература:

1. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 28.11.1927 «О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса Р. С. Ф. С. Р. главой 37» // СПС КонсультантПлюс.
2. Михневич, А. В., Оселедко А. Н. История развития института банкротства в дореволюционной России // Достижения науки и образования. 2018. № 10 (32). с. 44-46.
3. Пирогова, Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учебник для бакалавриата и магистратуры/Е. С. Пирогова, А. Я. Курбатов. — Москва: Издательство Юрайт, 2017. — 291 с.
4. Хронос: Всемирная история в интернете. Русская права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokument/1000dok/pravda72.php> (дата обращения 10.02.2020)

Альтернативные способы уведомления участников гражданского процесса

Нежведилов Вадим Робертович, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В настоящей статье рассматриваются вопросы развития альтернативных способов уведомления участников гражданского процесса в контексте цифровизации общества. Проведено сравнение законопроектов 2019-2020 года, предполагающих регламентировать электронное уведомление. Обозначены проблемы правового закрепления указанных положений.

Ключевые слова: уведомление участников процесса, цифровизация, извещение участников процесса, гражданский процесс.

В настоящее время в соответствии с ч. 1 ст. 113 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой, телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки, обеспечивающих фиксирование судебного извещения или вызова и его вручение адресату.

Исходя из положения приведенной статьи, можно выделить основную характеристику уведомления: фиксирование такого извещения.

В настоящее время судебные извещения, направляемые почтой, хранятся в отделении семь дней, в течение которых извещения дважды направляются участнику процесса. В случае если адресат за извещением на почту так и не явился, он в любом случае считается уведомленным.

На практике часто случается, что лицо по объективным причинам не может явиться на почту и получить извещение. Это может быть связано с отъездом за рубеж, болезнью или по некоторым другим причинам. Однако даже в таком случае, лицо будет считаться извещенным. На наш взгляд такое положение нельзя считать справедливым и соответствующим интересам участников гражданского процесса.

С развитием информационных технологий, а также в связи с повсеместным использованием портативных электронных устройств, особую актуальность приобретает оповещение участников гражданского процесса путём использования «иных средств связи и доставки», под которыми в развивающемся цифровом обществе понимаются телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет.

Внедрение в гражданское судопроизводство электронных систем, основанных на информационных и коммуникационных технологиях, предоставляет возможность оперативного уведомления лиц, участвующих в деле, о поступивших в суд от других участников процесса документах, совершенных судом процессуальных действиях и вынесенных судебных актах в случаях, когда такое оповещение предусмотрено законом [1].

Вопросам оповещения участников процесса путём электронных систем посвящено множество научных

работ, на основе их анализа вносятся изменения и поправки в законодательство, регламентирующее аспекты электронного оповещения, однако, на наш взгляд, данная сфера все ещё нуждается в усовершенствовании.

В целях восполнения имеющихся пробелов, комитет Государственной думы Российской Федерации 24 июля 2019 года в лице Николая Брыкина представил законопроект № 699507-7 [3], предусматривающий возможность получать оповещение о наличии извещения участнику процесса по сети Интернет, путём направления «извещения об извещении» через портал «Госуслуги» или электронным письмом с «Почты России». Данное положение предусматривает оповещение участника гражданского процесса о том, что в отделении Почты России участник ждёт извещение о вызове в суд. Однако данные положения могут рассматриваться скорее, как вспомогательный способ извещений без включения в процессуальное законодательство [2], поскольку поправка не решает основной проблемы — в случае невозможности лица явиться на Почту и забрать извещение, лицо остаётся фактически извещенным о вызове, но не знает самого содержания извещения и не может его получить. По состоянию на ноябрь 2020 года законопроект под таким номером не содержится в базе Государственной думы, а информации в сети Интернет о его рассмотрении также нет.

Наряду с рассмотренным проектом имел место «конкурирующий» законопроект № 734774-7, который также предусматривал право граждан выбрать способ информирования о начатых процессах с помощью сообщения на портале «Госуслуги», по электронной почте или с помощью СМС-сообщений. Предполагалось, что с помощью электронных ресурсов будет извещение будет доставляться до адресата. То есть не информация о том, что извещение ожидает адресата, а сама информация из извещения. Однако в первом чтении Государственной думы 11 марта 2020 года данный законопроект был отклонен.

Как видно из анализа, разработанные в 2019 году законопроекты на данный момент так и не реализованы. Наиболее свежим законопроектом, регламентирующим вопрос электронного извещения участников процесса, является Проект Федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный ко-

декс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации», подготовленный Министерством юстиции Российской Федерации 19 октября 2020 года. В частности, предлагается закрепить направление судебного извещения в электронном виде в личный кабинет, в систему электронного документооборота участника арбитражного процесса посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия или посредством инфор-

мационной системы организации федеральной почтовой связи.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что законодатель предпринимает попытки усовершенствовать имеющиеся положения об извещении участников гражданского процесса в контексте цифровизации общества. Однако ряд выносимых на обсуждение положений нуждается в некоторой доработке, а выработанные на сегодняшний день законопроекты так и не были приняты на законодательном уровне.

Литература:

1. Гусев, В. Г. «Проблема извещения участников гражданского судопроизводства» [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=863>
2. Мячин, А. Н. О надлежащем уведомлении [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://advokat.tom.ru/pages/4/?25>
3. Электронный документооборот и другие нововведения в процессуальном праве [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://proinfosoft.ru/useful-info/novovvedeniya-v-proczessualnom-prave>

К вопросу об определении достаточного срока извещения участников процесса для подготовки к делу и своевременной их явки

Нежведилов Вадим Робертович, студент

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В настоящей статье рассматривается вопрос определения достаточного срока извещения участников процесса для подготовки к делу и своевременной их явки.

Ключевые слова: уведомление участников процесса, достаточный срок, достаточность, извещение участников процесса, гражданский процесс, арбитражный процесс.

Категория «достаточного срока» относится к числу относительно определенных сроков, что в определенной степени затрудняет их использование как традиционного правового института. В первую очередь следует отметить, что достаточный срок является оценочной категорией и не имеет четко определенных рамок. Определяет достаточность срока только судья, и в каждом случае его продолжительность может быть разной. При этом нельзя утверждать, что, несмотря на возможную субъективность судейской оценки, она совершенно произвольна. Решая вопрос о достаточности срока, суд исходит из особенностей действий, которые необходимо предпринять лицу, которое извещается. То есть, достаточный срок, его величина, однозначно не определяются.

В судебной практике выделяют различные подходы к оценке достаточности срока для осуществления тех или иных действий. Так, достаточный срок проведения проверки в территориальном Фонде обязательного медицинского страхования оценивался по критерию «глубины проверки» [4]. Что же касается практики определения «достаточности» для извещений участников гражданского

и арбитражного процессов, то и здесь судебная практика имеет множество примеров.

Так, отмечается, что «своевременность» и «достаточность» являются совершенно разными категориями. Извещение может быть доставлено своевременно, но предоставленному лицу времени может быть недостаточно для подготовки к делу и своевременной их явки. К примеру, направление лицу извещения за день до окончания срока представления ответчиком суду письменных возражений по делу и доказательств, опровергающих иски требования, признается недостаточным [3]. Следовательно, извещение было признано ненадлежащим.

Нередко категорию «достаточности» срока рассматривают с позиций «разумности» [5]. На наш взгляд, такое смешение нецелесообразно, поскольку в соответствии с Федеральным законом «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 68-ФЗ в случае нарушения определения достаточного срока на возникшие правоотношения возможно будет распространить право на денежную ком-

пенсацию в случае нарушения права на судопроизводство в разумный срок. Кроме того, «достаточный» рассматривается как удовлетворяющий какой-нибудь потребности, имеющийся в нужном количестве [2], в то время как «разумный» понимается как основанный на разуме и здравом смысле, целесообразный [1]. Таким образом, этимологическое значение данных характеристик сроков различно. Кроме того, подавляющее число дел, в которых подлежит оценке характеристика «разумности» касается затягивания выполнения тех или иных действий или обязательств, в то время как дела, в рамках которых подвергается оценке категория «достаточности», наоборот свидетельствуют о слишком коротком сроке.

Отдельно отметим, что характеристика «достаточности» срока используется только в гражданском процессуальном законодательстве. Как в арбитражном процессуальном законодательстве в силу ч. 1 ст. 6.1 АПК РФ, так и в гражданском процессуальном законодательстве в силу ч. 1 ст. 6.1 ГПК РФ судопроизводство в судах и исполнение судебного постановления осуществляются в разумные сроки. Достаточный срок упоминается в рамках извещения участников гражданского процесса. Так, в ч. 3 ст. 113 ГПК РФ указано, что лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки

в суд. Однако аналогичное положение в рамках АПК РФ отсутствует.

При этом, к примеру, в п. 6 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 99 «О процессуальных сроках» категория «достаточности срока» упоминается, хотя и не раскрывается. Кроме того, «достаточный срок» в арбитражном процессуальном судопроизводстве упоминается в п. 12, 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции». Однако, ни в одном из упомянутых пунктов речь не идет об извещении участников процесса. В этой связи представляется необходимым дополнить ст. 121 АПК РФ по аналогии со ст. 113 ГПК РФ ч. 7 следующего содержания: «Лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены с таким расчетом, чтобы указанные лица имели достаточный срок для подготовки к делу и своевременной явки в суд».

Исходя из сказанного, следует вывод о том, что достаточный срок извещения участников процесса для подготовки к делу и своевременной их явки является оценочной категорией, при определении которой суд исходит из особенностей действий, которые необходимо предпринять лицу, которое извещается.

Литература:

1. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка/Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 28-е изд. перераб. М.: Мир и образование, 2014. 1376 с.
2. Толковый словарь русского языка/Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 49-КГ20-9-К6 [Электронный ресурс] // Проект судебной практики «СудАкт».
4. Решение Арбитражного суда Пермского края по делу № А50-17453/2016 [Электронный ресурс] // Проект судебной практики «СудАкт».
5. Решение Ростовского районного суда Ярославской области № 12-267/2020 от 26 ноября 2020 г. по делу № 12-267/2020 [Электронный ресурс] // Проект судебной практики «СудАкт».

Целесообразность запрета определенных действий

Нечуя Юлия Леонидовна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Институт мер пресечения в отечественном уголовном процессе до сих пор остается таким, который постоянно порождает многочисленные дискуссии и такое внимание является весьма оправданным, так как сами меры пресечения всегда сопряжены с принуждениями и с ограничениями конституционных прав граждан. В связи с чем, перед органами предварительного следствия и судами

часто встает непростая задача относительно обеспечения разумных компромиссов между применениями принуждений и обеспечением основоположных прав и свобод граждан.

На данный момент уже сложилась некоторая судебная практика относительно избрания новой меры пресечения в виде запрета определенных действий, при избрании

которой судам необходимо следовать общим правилам, то есть в первую очередь убедиться о невозможности применения иных, более мягких мер пресечения.

Законодательством, в процессе принятия решения касательно введения новой меры пресечения, было учтено, что в правоприменительной практике часто используется заключение под стражу на досудебном производстве, а часть домашнего ареста или залога не превышает и нескольких процентов [1].

Судя по всему, для изменения ситуации с заключением под стражу, увеличения практики применения домашнего ареста и залога законодатель решил упростить жизнь следователям, вычленив из домашнего ареста новую меру пресечения. Как это должно было повлиять на количество заключенных под стражу, не понятно [2].

И все же, практика может показывать, что часто в отечественной практике все идет собственным путем, при этом без учета анализа иных зарубежных стран. Как, например, в Казахстане успешно применяются некоторые дополнительные ограничения, которые содержаться в российской мере пресечения в виде запрета определенных действий в процессе применения домашнего ареста.

В целом, не было необходимости выделять новую меру пресечения, так как можно было всего лишь шире распространить ограничения, которые накладываются в процессе домашнего ареста, на иные меры пресечения, например, на залог, наблюдение командования воинской части и отдачу обвиняемых несовершеннолетних под присмотр. А так получилось, что создана новая мера пресечения, отдельные положения которой применимы и для домашнего ареста, и для залога.

Введение новой меры пресечения, можно утверждать, похожа на ситуацию с введением статьи 186.1, касающейся получения информации о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами. Законодательством были введены новые следственные действия, которые можно было осуществить в рамках самой статьи 186 (контроль и запись переговоров), при этом, только дополнив ст. 186 УПК РФ новым абзацем.

Имеется также и нецелесообразность в использовании такой меры пресечения в процессе расследования уголовных дел, в связи с тем, что ограничения, которые накладываются этой мерой, мало что могут дать органам следствия или же слабо связаны с нормой ч. 1 ст. 97 УПК РФ, что регламентирует основания применения мер пресечения.

Запретить обвиняемому скрываться от дознания, предварительного следствия или суда путем наложения запрета на совершение действий нецелесообразно. Если обвиняемый склонен к побегу, то необходимо ставить вопрос о заключении под стражу или домашнем аресте, залоге как более эффективных мерах по предупреждению побега, а в остальных случаях хватит и подписки о невы-

езде, решение об избрании которой принимает следователь самостоятельно, а не по решению суда как в случае с запретом определенных действий.

Похожей является ситуация, изложенная в п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, которая дает основание выбрать меру пресечения тогда, когда обвиняемый может продолжать заниматься преступной деятельностью.

«Действующим» основанием к избранию новой меры пресечения выступает п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, который ограничивает общение обвиняемых с определенными лицами, а также запрещает совершать действия касательно уничтожения доказательств и посещать определенные места.

По уголовным делам, связанным с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, возможно лишение лица права управления автомобилем. По сути п. 3 ст. 97 УПК РФ — единственное реально возможное основание применения запрета совершения действий.

Достаточно интересным случаем избрания новой меры пресечения было дело сестер Хачатурян, которые обвинялись в убийстве. Им было заменено заключение под стражу на запрет определенных действий, при этом, сестры должны были проживать в двух съемных и одной государственной квартире, им было запрещено покидать квартиры с девяти вечера до семи утра, запрещено общаться со всеми, даже друг с другом, кроме органов следствия и близких родственников, запрещено пользоваться интернетом и мобильной связью [3].

Анализ вышеуказанного позволяет сделать вывод, что любые ограничения, которые налагаются на обвиняемых в процессе применения такой меры пресечения, как запрет определенных действий, ранее также применялся в рамках домашнего ареста (предыдущая редакция) как возможность не накладывать полный запрет покидать жилища и также который давал возможность накладывать дополнительные ограничения. Законодательная регламентация применения аудиовизуальных, электронных и других технических средств в процессе избрания запрета определенных действий и домашнего ареста, как раз и подтверждают изложенное.

Как вариант, законодательством будет доработано положение ст. 105.1 УПК РФ, которая регламентирует порядок и основания применения новой меры пресечения, неким образом упростив порядок ее избрания, при этом, дав возможность следственным органам самостоятельно наложить некоторые ограничения, как например, в процессе назначения подписки о невыезде запретить чиновникам по уголовным делам о коррупции посещать место работы и/или общаться с сотрудниками.

Из всего вышеизложенного также следует, что запрет определенных действий, целесообразно исключить, и часть новой меры пресечения перенести в иные как дополнительные обязанности, для назначения которых необходимо решение суда.

Литература:

1. Квык, А. В. Запрет определенных действий: что нужно знать о новой мере пресечения // Уголовный процесс. 2018. № 7. — с. 34-35.
2. Загвоздкин, Н. Н., Кузора С. А. Запрет определенных действий. Анализ правоприменительной практики // Закон и право. 2018. № 12. — с. 84-86.
3. Сестер Хачатурян освободили в зале суда // URL: <https://tass.ru/proisshestiya/5613284> (Дата обращения: 02.11.2020 г.)

Запрет определенных действий в системе мер пресечения

Нечуя Юлия Леонидовна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

Статья направлена на анализ актуальных проблем практики применения меры пресечения в виде запрета определенных действий, в качестве поиска границ вмешательства государства в права и свободы граждан.

Рассмотрены актуальные вопросы правового регулирования в области запрета определенных действий, а именно применение данных мероприятий как дополнительной меры пресечения, а также сроке действия применяемой меры пресечения, рассмотрены виды их решения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, мера пресечения, запрет определенных действий, срок применения запрета определенных действий.

Prohibition of certain actions in system measures of restraint

The article is aimed at analyzing topical problems of the practice of applying a preventive measure in the form of a prohibition of certain actions, as a search for the boundaries of state interference in the rights and freedoms of citizens.

Topical issues of legal regulation in the field of prohibition of certain actions, namely the use of these measures as an additional preventive measure, as well as the duration of the applied preventive measure, are considered, the types of their solution are considered.

Keywords: criminal proceedings, preventive measure, prohibition of certain actions, the period of validity of the prohibition of certain actions.

На сегодняшний день остро стоит вопрос поиска границ вмешательства государства, которое обладает присущими ему инструментам власти, в права и свободы граждан, а также в область их личных интересов, при открытом вопросе виновности гражданина. Поэтому расширение области мер пресечения, ориентированных на предоставления порядка уголовного правосудия и профилактики правонарушений от подозреваемого, категории обвиняемого или подсудимого, дает право выбора соответствующего реагирования органов, выполняющих уголовное преследование.

Бесспорно, выбор и осуществление разного рода мер пресечения ограничивает права и свободы данные конституцией Российской Федерации, а именно ограничивает права на свободу перемещения, личную неприкосновенность и выбор места жительства. Таким образом, на уровне законодателя должна сформироваться весомая база по отношению к правоприменителю по предоставлению обширного списка мер пресечения, учитывающие обстоятельства дела, а также индивидуальные

данные о гражданине, в отношении которого применяется мера пресечения, для обеспечения соблюдения принципа разумности материальной и процессуальной экономики. Важным и открытым вопросом, по сегодняшний день, остается то обстоятельство, что государство, в процессе реализации своих властных полномочий, а также при использовании своих инструментов защиты интересов своего населения, должно выполнять функции недопущения причинения излишних страданий гражданам, а особенно не признанным виновными при вступлении в законную силу приговора суда.

Федеральный закон № 72 от 18.04.2018 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» регламентирует в уголовно-процессуальном кодексе РФ изменения большого спектра относительно мер пресечения и указывает на поиск государством рационального механизма в определении соответствующей меры пресечения и определении харак-

тера, связанного с этими ограничениями. Введение изменений в данном законе привели к необходимости проведения правового исследования данных обстоятельств, далее более подробно рассмотрим некоторые из них.

Согласно ст. 105.1 УПК РФ, мера пресечения как запрета определённых действий ведет к появлению трудности ее применения в уголовном производстве. Проведя анализ нормативно-правовой литературы и материалов по судебным практикам в данной сфере исследования, пришли к выводу, что информация сравнительно немногочисленна и заслуживает полноценного исследования.

Отметим, что потребность в расширении спектра мер пресечения рассматривается в научных и методических литературных источниках, что обосновывается малой эффективностью мер пресечения, представленных в УПК РФ [1, с. 21-24]. Следует подчеркнуть, что только при абсолютно точном подборе меры пресечения следует понимать положительный результат ее исполнения, т.е. мы можем утверждать, что произошло воспрепятствование правовому поведению участника уголовно-правового процесса и в тоже время, применение соответствующего уровня ограничения прав личности. Автор монографий и публикаций по данной тематике Н.А. Андроник, в своих работах, справедливо отмечает, то обстоятельство, что следователи зачастую склоняются в сторону принятия решения о применении двух мер пресечения, а именно: заключение под стражу и подписка о невыезде и надлежащем поведении [2, с. 32; 3, с. 3]. Данный факт описан и в пояснительной записке к законопроекту о введении новой меры пресечения, так как домашний арест или залог не стал достойной альтернативой заключению под стражу, и опираясь на статистические данные, именно самой применяемой мерой пресечения, принимаемой по решению суда, является заключение под стражу [7].

Еще до принятия ФЗ № 72 от 18.04.2018 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определённых действий, залога и домашнего ареста» в законодательстве существовало семь мер пресечения (ст. 98 УПК РФ), причем две из них применимы только в отношении определённых субъектов:

— ч. 1 ст. 104 УПК РФ осуществление наблюдения командования воинской части за подозреваемым или обвиняемым осуществляется только в отношении военнослужащего, или в отношении гражданина, проходящего военные сборы;

— ч. 1 ст. 105 УК РФ присмотр возможен только за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым.

Расширение практики применения мер пресечения, выступающим альтернативой заключению под стражей, носит положительный эффект в результате минимизации статьи расходов государства на содержание подозреваемых и обвиняемых под стражей, а также уменьшения случаев возмещения вреда, при нарушении прав личности, находящейся под стражей, увеличение практики исполь-

зования в качестве меры залога с установлением запрета совершения определённых действий.

Проанализируем некоторые приоритетные проблемы правового регулирования запрета определённых действий.

Опираясь на ч. 1 ст. 97 УПК РФ при проведении производства по делу с полным набором достаточных оснований в отношении обвиняемого, избирают только одну меру пресечения. Однако согласно ст. 105.1 УПК РФ применяется избрание таких мер пресечения как домашний арест или залог в качестве дополнительных обязанностей соблюдения одного или нескольких запретов. Остается фактом, что описанные нормы друг другу противоречат.

ФЗ № 72 от 18.04.2018 позволяет констатировать, что новая мера пресечения применима не только в качестве основной, но и в качестве дополнительной.

Перед правоприменительной практикой в настоящее время возникает дилемма: с одной стороны, в целях повышения эффективности действия в определённых случаях рациональным являлось бы сочетанное применение нескольких мер пресечения (в порядке ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ), с другой стороны — такое решение противоречит положениям ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

Данное существенное противоречие, изначально заложенное законодателем, до его разрешения будет сдерживать правоприменителей в избрании нескольких мер пресечения.

Представляется, что исключение из ч. 1 ст. 97 УПК РФ положения о возможности избрания лишь одной из предусмотренных в УПК РФ мер пресечения, будет способствовать наиболее адекватному реагированию со стороны органов, осуществляющих производство по делу, и соответственно выбору одной или нескольких мер пресечения. Вариативность принятия решения в этом случае будет способствовать дальнейшей гуманизации уголовного судопроизводства и индивидуализации подхода к лицу, вовлеченному в уголовно-процессуальные правоотношения в качестве подозреваемого, обвиняемого или подсудимого.

Нельзя обойти вниманием и вопросы срока применения запрета определённых действий. Так, согласно ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ срок применения запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ (запрет выходить в определённые периоды времени за пределы жилого помещения, в котором подозреваемый или обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях) устанавливается и продлевается судом в соответствии со ст. 109 УПК РФ. При этом законодатель указывает о том, что следует учитывать особенности, определённые этой нормой, а сам срок начинает течь с момента вынесения судом решения об установлении запрета и ставится в зависимость от категории преступления, по которому ведется производство: данный срок не может превышать следующие сроки:

— по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести — 12 месяцев;

— по уголовным делам о тяжких преступлениях — 24 месяца;

— по уголовным делам об особо тяжких преступлениях — 36 месяцев.

Таким образом, длительность применения данного вида запрета зависит от характера и степени общественной опасности преступления, а по своей продолжительности запрет определенных мер действия явно превышает сроки, предусмотренные уголовно-процессуальным законом для других мер пресечения. В отличие от ч. 5 ст. 162 УК РФ, предусматривающей возможность продления срока предварительного следствия свыше 12 месяцев только по уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, и лишь в исключительных случаях, ч. 10 ст. 105.1. УПК РФ о каких-либо критериях сложности уголовного дела не упоминает. В этом аспекте системное толкование норм уголовно-процессуального закона позволяет высказаться о 83 существенных противоречий новелл иным положениям уголовно-процессуального закона, в том числе, положениям принципа уголовного судопроизводства, предусмотренным ст. 6.1 УПК РФ. Изначально ориентируя всех участников уго-

ловно-процессуальных правоотношений на то, что производство по уголовному делу должно осуществляться в разумный срок, законодатель, вводя изменения вышеуказанным Федеральным законом № 72-ФЗ, предполагает возможность применения запрета определенных действий как меры пресечения в срок, в разы превышающий установленный срок расследования, предусмотренный в ст. 162 УК РФ.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что анализ лишь двух проблем изменений уголовно-процессуального закона, внесенных Федеральным законом № 72 — ФЗ, выявил противоречия как внутри отдельной нормы (ст. 97 УПК РФ), так и противоречие ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ другим положениям уголовно-процессуального закона. В свою очередь это потребует соответствующей реакции со стороны законодателя, и не может быть устранено в ходе применения новой меры пресечения. Вместе с тем, смеем надеяться, что тот потенциал, который был заложен разработчиками соответствующего законопроекта, сможет быть реализован после своевременного совершенствования, а новеллы будут востребованы на практике.

Литература:

1. Воронов, Д. А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. — 2017. — № 3. — с. 21-24.
2. Андроник, Н. А. Теоретико-правовые аспекты эффективности мер пресечения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2017. — № 4 (46). с. 31-33.
3. Андроник, Н. А. Эффективность мер пресечения, избираемых по судебному решению в уголовном судопроизводстве России: монография. — Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2016. — 88 с.
4. Новикова, Е. А., Черкасова Е. А., Лакеева Е. В. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Социально-политические науки. — 2018. — № 3. — с. 165-167.
5. Николаева, М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестн. Владим. юрид. ин-та. — 2018. — № 2 (47). — с. 117-123.
6. Чернова, С. С. Новая мера пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 3 (45). — с. 103-110.
7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)». Паспорт проекта Федерального закона № 900722-6 // СПС «Консультант плюс». Дата доступа 10.11.2021.

Роль регионального оператора в организации и финансировании капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах

Олейникова Виктория Евгеньевна, студент магистратуры
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье представлена роль регионального оператора в организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах. Отмечено, что определяющей особенностью формирования фонда капитального ремонта у регионального оператора, можно считать, взносы, внесенные в фонд капитального ремонта собственниками жилых помещений, становятся имуществом регионального оператора. Средства на капитальный ремонт, аккумулированные в фонде регионального оператора в виде обязательственных прав собственников помещений в от-

ношении регионального оператора. Данное положение означает потерю собственниками жилых помещений права, на возврат денег и появлению взамен права требовать от регионального оператора выполнения работ и (или) услуг по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме в объеме и сроки, определенные региональной программой капитального ремонта.

Ключевые слова: капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах, региональный оператор, фонд капитального ремонта, собственники жилых помещений.

Жилищным кодексом Российской Федерации (далее, ЖК РФ) [1] установлены два способа формирования фонда капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах (далее, МКД): использование первого способа предполагает внесение взносов на капитальный ремонт, перечисление которых совершается на специальный счет, открытый в кредитной организации; в свою очередь, использование второго способа предполагает внесение взносов на капитальный ремонт, перечисляемых на счет регионального оператора — организации, созданной субъектом РФ.

Региональный оператор организует проведение капитального ремонта общего имущества в МКД, в сроки и в объеме, установленные региональной программой капитального ремонта. Но, в этом случае собственники жилых помещений в МКД, должны принять решение о проведении капитального ремонта. Региональный оператор, принимает и подготавливает предложение о проведении капитального ремонта, так как фонд формируется на счете регионального оператора. В дальнейшем решение направляется собственникам помещений в МКД, не позднее, чем за шесть месяцев (если иной срок не установлен субъектом Российской Федерации) до наступления года, на который планируется капитальный ремонт в соответствии с региональной программой ст. 189, ч. 3 Жилищного кодекса Российской Федерации. Предложение включает в себя: срок начала капитального ремонта; наименование и объем работ и (или) услуг по капитальному ремонту; стоимость работ и (или) услуг; источники и порядок финансирования капитального ремонта общего имущества в МКД и другие предложения, напрямую связанные с проведением капитального ремонта.

Собственники жилых помещений в МКД в течение трех месяцев рассматривают поступившее, от регионального оператора, предложение и должны в течение трех месяцев рассмотреть поступившие предложения, приняв решение на общем собрании о проведении капитального ремонта. Собственники помещений в рамках собрания утверждают предложенную смету расходов, перечень работ и сроки проведения капитального ремонта, а также источники финансирования капитального ремонта. В данном случае, решение собственников помещений в МКД является формальным, однако, его принятие необходимо. Если, собственники помещений, не приняли решение о проведении работ по капитальному ремонту общего имущества МКД, в установленный предельный срок, то решение о проведении в доме капитального ремонта в соответствии с региональной программой и предложениями регионального

оператора применяет орган местного самоуправления. Региональный оператор несет ответственность: за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору о формировании фонда капитального ремонта; за организации проведения капитального ремонта; за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта подрядными организациями, привлеченными региональным оператором.

Региональный оператор отвечает за обеспечение проведения и финансирования капитального ремонта всех МКД, собственники помещений в которых формируют на счете регионального оператора фонды капитального ремонта, в объеме и в сроки, предусмотренные региональной программой капитального ремонта. Реализация собственных планов по проведению капитального ремонта общего имущества собственниками помещений возможна в зависимости от следующих факторов: включен ли перечень работ по ремонту общего имущества в решение, которое приняли собственники помещений в МКД, в региональную программу капитального ремонта, в какие сроки и в каком объеме; региональный оператор может отказать в финансировании ремонта, если работы не включены в региональную программу; нужно будет доказать необходимость проведения капитального ремонта в более ранний период, если работы по капитальному ремонту включены в региональную программу, но запланированы на более поздний срок; определение достаточности средств в резерве фонда капитального ремонта донного дома, который сформирован на счете регионального оператора, на осуществление работ по капитальному ремонту общего имущества, и в случае недостаточности, готовы ли собственники помещений взять заем у регионального оператора; определение времени, в течении которого нужно будет вернуть заем за счет взносов; есть ли у данного МКД возможность дополнительной бюджетной поддержки; если собственники помещений решат взять заем в регионального оператора, а у него, в свою очередь, не будет доступных средства в достаточном размере для предоставления займа собственникам помещений для финансирования работ по решению собственников — региональный оператор откажет в финансировании работ; если предельная стоимость работ по капитальному ремонту ниже, чем стоимость желаемых работ (например, более дорогих ремонтов, направленных на повышение энергоэффективности дома) установленная субъектом Российской Федерации для регионального оператора, то региональный оператор не сможет профинансировать такие

работы за счет сформированного у него фонда капитального ремонта дома и собственникам жилых помещений в МКД придется уплачивать дополнительные взносы.

Таким образом, осуществление решений, принятых собственниками многоквартирных домов, по большей части определяется решениями регионального оператора.

В соответствии с Жилищным кодексом региональный оператор исполняет функцию технического заказчика работ по капитальному ремонту общего имущества в МКД, за счет средств, собранных в фонде капитального ремонта собственниками помещений в МКД.

К обязанностям регионального оператора можно отнести: обеспечение подготовки задания на исполнение услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества и, если будет необходимо, подготовка, утверждение и несение ответственности за качественно выполненную проектную документацию на капитальный ремонт и её соответствие требованиям Жилищного кодекса; привлечение подрядные организации для выполнения услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества и заключение с ними от своего имени необходимых договоров; обязательная проверка качества и сроков выполнения услуг и (или) работ подрядными ор-

ганизациями и проверка соответствия таких услуг и (или) работ требованиям проектной документации; проверки и прием акта выполненных работ.

На основании соответствующего договора, заключенного с региональным оператором, законом субъекта Российской Федерации могут быть предусмотрены случаи, при которых функции технического заказчика работ по капитальному ремонту МКД, собственники в которых происходит формирование фондов капитального ремонта на счете регионального оператора, могут осуществляться органами местного самоуправления и (или) муниципальными бюджетными учреждениями ст. 182, ч. 4 ЖК РФ.

Капитальный ремонт многоквартирных домов финансирует региональный за счет средств, которые поступают на счет регионального оператора от взносов собственников помещений в МКД, и за счет субсидий, полученных из бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета ст. 180, ч. 1, п. 4 и ст. 182, ч. 1 ЖК РФ. Средства, которые поступили на счет регионального оператора от собственников помещений в одних МКД, могут быть использованы на возвратной основе для финансирования капитального ремонта общего имущества в других МКД ст. 179, ч. 4 и ст. 182, ч. 1 ЖК РФ.

Литература:

1. Жилищный кодекс РФ: федер. закон № 188 — ФЗ от 29 декабря 2004 г. // Российская газета. — 2005. — № 1
2. Комков, В. А. Тимахова Н. С. Акимов, В. Б. Эксплуатация, обслуживание и ремонт общего имущества многоквартирного дома// ИНФРА-М. — 2021. — с. 296.
3. Чернышов, Л. Н. Астафьев, С. А. Вакулина, В. П. Капитальный ремонт многоквартирных домов: проблемы формирования и направления развития//Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2020. — № 1. — с. 85-94.

Сравнительно-правовой анализ кражи

Пацук Владимир Алексеевич, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

В статье исследуется уголовная ответственность за кражу в Российской Федерации в сравнении с зарубежными странами

Ключевые слова: кража, кража в зарубежных странах, УК Испании, УК ФРГ, совершение кражи.

Согласно статье 8 Конституции Российской Федерации в нашей стране равным образом защищаются государственная, муниципальная и иные формы собственности [1]. Кража в настоящее время является самым распространенным способом хищения чужого имущества. Ежегодно совершаются тысячи посягательств на собственность граждан, общественная опасность данного преступления не вызывает сомнений. Повышение уровня законодательной регламентации в данной сфере является залогом успешной борьбы с преступлениями против собственности в целом, так и в частности с со-

вершением краж. Для этого необходимо провести сравнительно-правовой анализ кражи по действующему Уголовному кодексу Российской Федерации (далее — УК РФ) и уголовно-правовой регламентации кражи в некоторых зарубежных странах.

Для наглядного понимания сущности такого преступления как кража проанализируем правовые нормы УК РФ и далее проведем анализ зарубежного опыта уголовно-правовой регламентации данного деяния, что позволит провести сравнительный анализ данного деяния. Так, УК РФ 1996 г. подвергался значительным изменениям

за последнее время, в стороне не осталась и статья 158 УК РФ. Кража понимается как тайное хищение чужого имущества. В свою очередь в примечании к статье 158 УК РФ дается определение понятия хищение, под которым следует понимать совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества [2].

Тайный способ совершения кражи дает основание говорить о наименьшей общественной опасности данного деяния в отличие от иных форм хищения, когда граждане и не догадываются о том, что их имущество подвергается посягательству.

Как отмечает, М.И. Дубинина тайность оценивается исходя из объективного и субъективного критериев. Решающим для установления тайности является субъективный критерий — представление виновного о том, что имущество изымается им незаметно [3, с. 60-66].

В качестве объекта кражи выступают общественные отношения по охране собственности конкретного лица на которое осуществляется незаконное посягательство. В свою очередь предмет кражи включает в себя движимое или недвижимое имущество, которое находится в собственности других лиц, а не лица совершающего преступление.

Конструкция кражи материальная, то есть преступление считается оконченным с момента причинения ущерба, когда наличествуют деяние, последствия и в обязательном порядке наличие между ними причинно-следственной связи. Само деяние заключается в противоправном, безвозмездном извлечении имущества из владения лица, которому данное имущество принадлежит на праве собственности с одновременным переходом его в незаконное обладание преступника или иных лиц.

Последствия совершения кражи заключаются в причинении имущественного ущерба собственнику или его иному владельцу. Таким образом корыстная цель совершения кражи очевидна, лицо совершает хищение чужого имущества непосредственно для личного незаконного обогащения по результатам его обращения в свою пользу.

Однако в юридической науке имеются различные позиции ученых относительно понимания цели кражи, некоторые считают верным использование в статье 158 УК РФ формулировку «с целью присвоения», другие «с целью распоряжения чужим имуществом по усмотрению виновного». Такая формулировка как «с целью присвоения» наиболее ясно раскрывает понятие кражи и позволяет органам предварительного расследования наиболее точно дать оценку деянию

Проанализируем нормы Уголовного кодекса ФРГ (далее — УК ФРГ), где в статье 242 содержится положение (Diebstahl) о краже, в ней говорится что тот, кто изымает чужую движимую вещь другого лица, намереваясь противозаконно присвоить ее себе или третьему лицу, —

наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом [4]. Соответственно в УК ФРГ существует целый раздел, который посвящен регламентации кражи, в него входят такие статьи как 242-244, 247 и 248, в них содержатся санкции, которые применяются к лицам, совершившим кражу чужого имущества.

В УК ФРГ в отличие от УК РФ отсутствует четкое закрепление определения понятия кражи, однако анализ статьи 242 дает нам понимание того, что под кражей в данном случае следует понимать противоправное завладение чужим имуществом в целях его присвоения или передачи другим лицам. Анализ статьи 242 УК ФРГ не дает нам ясного понимания, что здесь предполагается тайное хищение, однако изучив другие статьи из данного раздела, можно сделать вывод, что признак тайности является обязательным для совершения кражи.

Также особенностью регламентации кражи в УК ФРГ является то, что в нем содержатся отдельные статьи, содержащие диспозицию и меру ответственности за совершение данного преступления в особо тяжком случае, в особом случае кражи, при совершении бандой, кражу из дома или семьи, кражу вещей, составляющих незначительную ценность [5].

Проведем анализ Уголовного кодекса Испании (далее — УК Испании) в нем в отличие от УК ФРГ содержатся всего лишь три статьи, которые предусматривают уголовную ответственность за совершение кражи, а именно статьи 234, 235 и 236. Согласно статье 234 УК Испании под кражей понимается завладение в целях извлечения прибыли предметами, вещами, мебелью без согласия их владельца, если сумма похищенного превышает 400 евро [6].

Соответственно в отличие от УК РФ и УК ФРГ в уголовном законе Испании при регламентации кражи прописываются конкретные предметы хищения, а также обозначается стоимость похищенного, что позволяет в практической деятельности дать правильную оценку содеянному. Можно выделить определенные признаки, которые вытекают из легального определения кражи, содержащегося в УК Испании, а именно цель получения прибыли, предметом являются движимые вещи и предметы, против воли владельца, стоимость похищенного должна составлять 400 евро.

Отличительной особенностью регламентации кражи в УК Испании является то, что содержащиеся в нем нормы устанавливают ответственность за проступки, влекущие арест или наложение штрафа. Однако имеется оговорка о том, что в результате совершения трех проступков в течении года в совокупности, превышающие 400 евро, деяние подлежит переквалификации [7]. Таким образом УК Испании имеет общее с УК РФ то, что дается легальное определение кражи, однако имеются отличительные особенности, которые подчеркивают специфику уголовно-правовой регламентации.

Проведенный сравнительно-правовой анализ кражи позволяет сделать определенные выводы, о том, что общим для всех уголовных законов обозначенных стран является

то, что кража является хищением чужого имущества, имеющее обязательный признак тайности, которое исключает осведомленность владельца о краже его имущества. Однако существующие особенности законодательной регламентации кражи в различных странах дает основание говорить, что данные страны учитывают свой историче-

ский генезис развития уголовного закона. Тем не менее, во всех проанализированных странах кража является преступным деянием, за совершение которого наступает уголовная ответственность в виде лишения свободы среди других возможных видов наказания, закреплены ее понятие и квалифицирующие признаки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст. — М.: Акалис, 1996. 48 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ [принят ГД ФС РФ 13.06.1996 (с изм. и доп. от 08.04.08.)] // Российская газета. 12.04.2008.
3. Дубинина, М.И. Уголовная ответственность за преступления против собственности // Уголовное право. 2011. № 2. с. 60-66.
4. Головненков, П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. с. 205
5. Уголовный кодекс ФРГ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ в редакции от 13 ноября 1998 г. (по состоянию на 15 мая 2003 г.) URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoepраво/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyhstran/>
6. УК Испании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crimpravo.ru/codecs/spain/2.doc>.
7. Журкина, О.В. Преступления против собственности в Испании: сравнительный анализ О.В. Журкина Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. с. 421-425.

Особенности раздела совместно нажитого имущества супругов при разводе

Поспелова Ксения Валерьевна, студент магистратуры
Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова

Ключевые слова: развод, раздел совместно нажитого имущества, обоюдное согласие, спор, приоритет, несовершеннолетние дети.

В соответствии со ст. 39 Семейного кодекса (СК) РФ доли супругов в случае раздела совместно нажитого имущества доли каждого из супругов признаются равными [8]. Но, как показывает судебная практика, в некоторых случаях суд от этого правила может отступать. Имущество каждого из супругов, согласно ст. 37 СК РФ, признается их совместно нажитой собственностью в случае установления, что в увеличение стоимости этого имущества каждая из сторон вкладывалась в период брака [6].

В случае развода пополам между супругами делится следующее совместно нажитое имущество: движимое и не движимое имущество; банковские вклады и ценные бумаги; драгоценности и иные предметы роскоши; а также доходы, получены от какой-либо деятельности и пособия не целевого назначения. Доли супругов признаются равными если имущество было приобретено в браке на собственные средства супругов вне зависимости от того, кто вносил денежные средства и на чье имя оно записано [3].

При этом существует ряд активов и пассивов, на которые в случае развода права признаются только за одним супругом. К подобной категории, в соответствии с ч. 1 ст.

36 СК РФ, относится имущество, которое принадлежало одному из супругов еще до вступления в брак или полученное в дар во время брака, так же имущество, полученное мужем или женой в порядке наследования или по иным безвозмездным сделкам [4]. Также разделу не подлежит имущество, которое имеет профессиональную направленность, личные вещи индивидуального назначения, денежные средства, полученные в период брака в качестве возмещения вреда и имущество, приобретенное одним из супругов во время брака полностью на личные средства, материнский капитал.

В некоторых случаях суд ставит в приоритет интересы одного из супругов в том случае, если супруг расходовал бездумно совместно нажитое имущество, либо не имел доход без уважительной причины.

Согласно ст. 38 СК РФ раздел совместно нажитого имущества супругов при разводе по обоюдному согласию с учетом интересов обеих сторон предусматривается Судебным кодексом России в досудебном порядке [7]. В этом случае не требуется проводить оценку совместно нажитого имущества. Согласно ч. 1 ст. 8 Закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ обязательность такой оценки возникает в случае

спора о стоимости такого имущества по требованию обеих или одной из сторон [10].

В процессе же судебного раздела имущества, в случае несогласия супругов, следует учитывать то, что имея достаточно полномочий, суд может принять решение, существенно отличающееся от ожидания разводящихся сторон.

При разделе имущества через суд необходимо составить опись вещей и определить полный состав имущества с точностью до мелочей с указанием стоимости и даты покупки.

Процесс раздела имущества может быть значительно облегчен составлением нотариально заверенного у нотариуса соглашения с определением доли каждого супруга в совместно нажитом имуществе [9].

В письме Росреестра от 31.03.2016 г. № 14-исх/04224-ГЕ/16 определено, что в случае, если супруги не разделили имущество, но доли в нем были определены, как например, в случае установления долей в праве собственности на недвижимость, то такое соглашение так же нотариально удостоверяется и рассматривается как соглашение о разделе совместно нажитого имущества [1].

По требованию супругов суд при разделе совместно нажитого имущества определяет, какое именно имущество подлежит передаче каждой из разводящихся сторон. В том случае, когда одной из сторон достается имущество стоимостью, превышающей причитающуюся ей долю, другой стороне вправе быть назначена соответствующая денежная компенсация или компенсация иного рода [11].

Как известно во время бракоразводного процесса не всегда удается достигнуть обоюдного согласия сторон, особенно когда приходится учитывать не только интересы супругов, но и интересы детей. В этом случае вещи, которые приобретались только для потребностей несовершеннолетних детей, как то обувь, одежда, спортивные и школьные принадлежности, книги, оргтехника, музыкальные инструменты и другие предметы все они не подлежат разделу и без какой либо компенсации передаются той стороне, с которой остаются проживать несовершеннолетние дети.

Считается, что банковские вклады, которые за счет общего имущества вносились супругами на имя их общих несовершеннолетних детей, принадлежат этим детям

и при разделе совместно нажитого имущества не учитываются.

В случае, когда во время бракоразводного процесса совместно имущество супругов не было разделено, применяется трехлетняя исковая давность. При этом, по постановлению пленума Верховного суда от 05.11.1998 г., срок отсчета раздела имущества начинается с даты, когда одному из разведенных супругов отказано в доступе к пользованию совместным имуществом [2]. Так, например, если один из разведенных супругов по разрешению второго проживает в совместно нажитой квартире, то срок отсчета исковой давности не начинается. Но при этом по истечении трех лет собственник приобретает право пользоваться имуществом по своему усмотрению и разделу это имущество уже не подлежит.

Статистика по бракоразводным процессам показывает, что за последние тридцать лет наблюдается стойкое снижение количества разводов. Так в 2019 году было оформлено 620730 разводов, в 2020 году — 564033. То есть в 2020 году количество разводов сократилось по сравнению с 2019 годом на 9% или на 56697 разводов. При этом преимущественно в 48% случаев разводятся бездетные пары, на пары с одним ребенком приходится 34% разводов, и лишь 16,5% приходится на пары с двумя детьми и более. Опираясь на эти цифры, можно сделать вывод, что совместные дети сокращают риск развода и спланивают семью. При этом к разделу имущества в судебном порядке прибегают около 4% от всех разведенных пар. В каждом третьем деле стоимость делимого имущества превышала 2 млн. руб.; в каждом пятом — 1 млн. руб.; в каждом седьмом — то 500 тыс. до 1 млн. руб. И довольно небольшое число пар при разводе делило совместно нажитое имущество стоимостью менее 300 тыс. руб. [4].

Завершая данную статью, хотелось бы отметить, что после развода раздел совместно нажитого имущества не является обязательным. За супругами после развода сохраняются право собственности на имущество — право совместной собственности. Но возникают затруднения при распоряжении данным имуществом, поскольку на ряд сделок необходимо получить согласие бывшего супруга или супруги. Это особенно проблематично, когда между ними нет мира.

Литература:

1. Письмо Росреестра от 31.03.2016 г. № 14-исх/04224-ГЕ/16
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.98 N 15
3. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021)
4. Статистика браков и разводов в России [Электронный ресурс] // Сайт «Семейное право. Бесплатные юридические консультации». — Режим доступа: <http://semeinoe-pravo.net/statistikabakov-i-razvodov-v-rossii/> (дата обращения: 22.09.2021)
5. Статья 36 СК РФ с комментариями 2020-2021 г.
6. Статья 37 СК РФ с комментариями 2020-2021 г.
7. Статья 38 СК РФ с комментариями 2020-2021 г.
8. Статья 39 СК РФ с комментариями 2020-2021 г.

9. Суханов, Е. А. Вещное право. М.: Статут. 2018. с. 166.
10. Федеральный закон от 29 июля 1998 г. N 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями)
11. Черных, И. И. процессуальные особенности рассмотрения дел о разделе имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 3. с. 13.

Отдельные проблемы применения норм материального права при расторжении брака и разделе имущества

Поспелова Ксения Валерьевна, студент магистратуры
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

Ключевые слова: развод, раздел имущества, интересы супругов, недвижимост, категории имущества, фиктивные сделки.

Как показывает судебная практика в российских судах наиболее распространенной категорией в семейно-правовых спорах является конфликт по поводу раздела совместно нажитого имущества. Он возникает именно в отношении режима собственности разводящихся супругов.

Этой проблеме посвятили свои работы такие авторы как Останина Е. А., Бронникова М. Н., Михеева Л. Ю., Суханов Е. А., Черных И. И., Фиошин А. В. и многие другие. По их мнению, семья является не столько социальным институтом, сколько в большей мере комплексом имущественных правоотношений, регулируемых на основе режима общей совместной собственности супругов.

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации семья находится под защитой государства [2]. В российском законодательстве презюмируется общая совместная собственность супругов, не зависимо от того, который из супругов внес больший вклад в приумножение этой собственности во время брачных отношений. На основании принципа справедливости законодателем их вклад признается равным [6]. Возможно, что с морально-этической точки зрения это кажется правильным. Ведь исторически в нашем обществе сложилось так, что муж зарабатывает деньги, являясь добытчиком и главой семьи, а жена ведет хозяйство, заботится о детях, являясь хранительницей домашнего очага. В этом понимании принцип равного распределения долей вполне справедлив. Поскольку он является дополнительной гарантией защиты имущественных прав тому супругу, который в силу сложившихся семейных обстоятельств вынужденно не работал. С точки же зрения гражданского права в современном мире подобное понимание семейных отношений кажется устаревшим и требует иного подхода в решении споров раздела совместного имущества.

Государственные меры в нашей стране направлены на сохранение института семьи. Но, к сожалению, несмотря на это, процент разводов в соотношении и за-

регистрированными браками остается неизменно высоким. За последние пять лет по данным Росстатистики в 2016-2017 годах распались более 60% всех зарегистрированных браков. В 2019-2020 годах — более 66%, из них более 80% супружеских пар имели общих несовершеннолетних детей [4].

Поэтому необходимо наличие правового механизма для защиты законных интересов и прав бывших супругов и их несовершеннолетних детей, который бы позволял максимально эффективно расторгнуть брак и разделить имущество супругов.

В ходе судебного разбирательства при разводе часто возникает проблема — отнесение к категории совместно нажитого того или иного имущества. Решение этого вопроса основывается на ст. 36 Семейного кодекса Российской Федерации [5]. Судебная практика показывает, что необходимо обращать внимание на конкретные обстоятельства каждого рассматриваемого дела при решении вопроса об отнесении того или иного имущества супругов к категории совместно нажитого.

Перечислим некоторые казуистические ситуации, возникающие в процессе раздела совместно нажитого имущества: деньги на квартиру одному из супругов дали родители; дом на личные средства был построен одним из супругов до брака, а государственная регистрация его произошла уже после вступления в брак; супруг в кредит купил квартиру до вступления в брак, а последний платеж по кредитному договору внес уже после вступления в брак. Такие ситуации разрешаются посредством толкования судом норм семейного права в судебном правотворчестве.

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации показывает, что в разрешении этой категории споров наряду с установлением периода приобретения имущества так же крайне важно установить на какие именно средства (общие или личные) приобреталось это имущество и по возмездным или безвозмездным сделкам перешло право собственности на него. Так, на-

пример, если одному из супругов во время брака на основании акта органа местного самоуправления был безвозмездно передан земельный участок, то это не может быть основанием отнесения данного участка к личной собственности этого супруга [3]. Также недвижимое имущество, приобретенное в рамках государственной накопительно-ипотечной системы обеспечения военнослужащих жильем за счет средств федерального бюджета, не дает основания к отнесению этой недвижимости в индивидуальной собственности одного супруга. Основываясь на законодательном закреплении права членов семьи военнослужащих претендовать на безраздельное владение, пользование и распоряжение жилым помещением полного объема выполнения обязательств военнослужащим перед государством, это помещение признается общей совместной собственностью, даже в том случае, если имело место полное исполнение ипотечных обязательств после расторжения брака.

Материнский капитал имеет строго целевое назначение и поэтому недвижимость, приобретенная за его счет, не может быть отнесена к общей совместной соб-

ственности супругов. По мнению Бронниковой М.Н. и Савельевой Н.М. наиболее отвечают интересам эффективного рассмотрения дел по разделу имущества именно практику судов, которые одновременно определяют доли детей в праве собственности на имущество, приобретенного на средства материнского капитала [1]. Таковые доли у всех членов семьи должны быть равными, потому что, в настоящее время, данный вопрос не имеет специального правового регулирования.

Многие супруги при разводе, руководствуясь соображением выместить обиду и забывая о законности и справедливости, пытаются оформить кредит задним числом, скрыть счета, а так же переписать недвижимость на знакомых или родных. В большинстве случаев такие начинания пресекаются судом, расходы же на судебный процесс при этом значительно возрастают, а все обнаруженное имущество по решению судьи делится пополам. При этом, привлеченное для оформления фиктивных сделок третье лицо может воспользоваться сложившейся ситуацией и оставить себе без возврата истинному владельцу все переоформленное имущество.

Литература:

1. Бронникова, М. Н., Савельева Н. М. Проблемы наследования жилых помещений, приобретенных с использованием средств материнского капитала // Наследственное право. — 2018. — № 1. — с. 36-39.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2017 г. № 64-КГ17-10 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». — URL <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71726784/> (дата обращения: 22.09.2021).
4. Статистика браков и разводов в России [Электронный ресурс] // Сайт «Семейное право. Бесплатные юридические консультации». — Режим доступа: <http://semeinoe-pravo.net/statistikabrakov-i-razvodov-v-rossii/> (дата обращения: 22.09.2021)
5. Статья 36 СК РФ с комментариями 2020-2021 г.
6. Фиошин, А. В. Оценочные понятия в нормах, регулирующих основные начала семейного законодательства // Нотариус. — 2016. — № 7. — 28-30.

Проблемы судебной практики в сфере защиты прав граждан на доступ к информации о деятельности органов власти

Савостина Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор проводит анализ сложившейся судебной практики в указанной сфере, выявляет основные проблемы правового регулирования в сфере защиты прав граждан на доступ к информации о деятельности органов власти, а также предлагает возможные пути их решения

Ключевые слова: защита, права, доступ, информация, деятельность, проблемы, суд, практика, власть.

Обращаясь к судебной практике в сфере защиты прав граждан на доступ к информации о деятельности органов власти, первым делом бросается в глаза то, что ос-

новной массив дел непосредственно связан с обжалованием отказов органов власти предоставить запрошенную информацию или бездействия должностных лиц органов

власти, выразившегося в ненаправлении либо несвоевременности направления ответа на запрос о предоставлении информации.

Стоит заметить, что в настоящее время судебная практика складывается чаще всего в пользу органов власти Российской Федерации независимо от уровня. Требования заявителей, соответственно, в подавляющем большинстве случаев остаются без удовлетворения.

Между тем, если речь идет о ситуациях, когда прокуроры обращаются в суд в защиту интересов неопределенного круга лиц, направление судебной практики разительно меняется, требования чаще всего подлежат удовлетворению. Ярким примером этому может служить решение Елецкого районного суда Липецкой области № 2А-281/2019 от 04 июня 2019 года по административному иску прокурора Елецкого района, действующего в интересах неопределенного круга лиц, к администрации сельского поселения Черкасский сельсовет Елецкого муниципального района Липецкой области о признании бездействия незаконным и возложении обязанности разместить сведения в СМИ и на официальном сайте в сети «Интернет». Это связано с тем, что по данной категории дел, как правило, отсутствуют проблемные вопросы, связанные с толкованием положений Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». На данный вывод меня натолкнул анализ основных причин, по которым граждане получали отказ в удовлетворении заявленных требований. Наиболее частой причиной отказа выступает тот факт, что запрашиваемая информация не относится к «информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления». Таким образом, судебная практика говорит нам о том, что нередко сами граждане неверно толкуют положения Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Это связано, на мой взгляд, с тем, что в статье 1 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» дано очень широкое определение того, что представляет собой информация о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. По сути, речь идет о любой информации, касающейся деятельности указанных органов. В правоприменительной практике, напротив, наблюдается необоснованная тенденция к ограничительному толкованию указанного понятия. Эти несоответствия говорят о необходимости выработки единообразного подхода к определению такого рода информации.

Второй по распространенности причиной отказа в удовлетворении требований заявителей является то, что запрашиваемая информация не затрагивает права и свободы заявителя. Отказывая по этой причине, суды общей юрисдикции ссылаются на положение ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об ин-

формации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому гражданин (физическое лицо) имеет право на получение от государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы. Однако многие граждане в обоснование своей позиции ссылаются на положение ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», согласно которому пользователь информацией имеет право не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, доступ к которой не ограничен. Таким образом, данные нормы воспринимаются гражданами как коллизионные и порождают противоречия при их применении. Данная проблема говорит о необходимости четкого определения того, как соотносятся между собой нормы указанных законов и какие конкретно нормы подлежат применению в каждом рассматриваемом случае.

При рассмотрении дел важно учитывать, что данные Федеральные законы имеют разные предметы регулирования. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» по своей сути дублирует конституционную норму о том, что лицо имеет право на получение информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» закрепляет право на доступ не к любой информации, а именно к информации о деятельности органов власти и является специальным по отношению к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На основании изложенного мы можем сделать вывод, что право на доступ к информации о деятельности органов публичной власти распространяется не только на информацию, затрагивающую собственные права и свободы заявителя [1, с. 51].

Некоторые суды при вынесении решений уже руководствовались данной позицией, однако единообразной практики по рассмотрению данного вопроса пока не сложилось. Примером судебного постановления, вынесенного на основании данной позиции, может служить апелляционное определение Новгородского областного суда от 12 сентября 2012 года по делу №33-1374/2012. Заявитель обратился в суд с заявлением об обязанности Администрации Крестецкого муниципального района предоставить информацию об условиях предоставления в аренду земельного участка в северной части кадастрового квартала на территории Крестецкого городского поселения Крестецкого района Новгородской области, касающихся содержания базы отдыха. Однако в предоставлении данной информации ему было отказано со ссылкой на то, что запрашиваемая им информация не может быть ему

предоставлена, поскольку касается другого лица и не затрагивает напрямую прав и свобод заявителя. Решением Окуловского районного суда Новгородской области от 29 мая 2012 года требования заявителя были удовлетворены. Однако Администрации Крестецкого муниципального района подала апелляционную жалобу на данное решение. Главным доводом апелляционной жалобы является то, что запрашиваемая информация непосредственно не затрагивает права и свободы заявителя, в связи с чем не может быть предоставлена. Однако судебная коллегия по гражданским делам Новгородского областного суда пришла к выводу, что из анализа норм права следует, что поскольку в силу прямого указания в законе право на доступ к информации, которая не ограничена в доступе, предоставлено любому лицу, которое не обязано обосновывать необходимость ее получения, то заявитель имеет право на получение запрашиваемой информации независимо от того, затрагивает она его права или нет. Таким образом, суд как первой, так и апелляционной инстанции поддержал указанную позицию.

Подводя итог, хочу отметить, что для более правильного и единообразного разрешения в судах дел, относя-

щихся к данной категории, необходимо внести ряд коррективов в законодательное регулирование. Отдельного внимания заслуживает само определение информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в Российской Федерации. Нужно выработать единый подход к трактовке данного понятия, либо изменить определение таким образом, чтобы снизить риск искаженного толкования, так как на данный момент судебная практика придерживается ограничительного толкования, в то время как обычные граждане зачастую трактуют данное понятие расширительно.

Также необходимо внести ясность по поводу соотношения между собой норм Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Не только граждане, но и сами суды как правоохранительные органы Российской Федерации испытывают затруднения при применении данных норм. Это не дает возможности создания единообразной судебной практики при разрешении такого рода вопросов.

Литература:

1. Барбин, В. В. и др. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов государственной власти: учебник. — М.: Академия управления МВД России, 2020.
2. Федеральный закон от 09 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. 2009. 8. 13-19 февраля.

Понятие и сущность уголовного преследования как элемента уголовного процесса

Салиндер Лидия Тэрковна, студент
Тюменский государственный университет

В статье дана характеристика уголовного преследования как важного самостоятельного элемента уголовного процесса, рассмотрено историческое развитие и становление института уголовного преследования, проведен анализ существующих определений, рассмотрена классификация уголовного преследования, этапы осуществления уголовного преследования, изучены функции уголовного преследования в уголовном процессе

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное преследование, уголовное право, уголовное судопроизводство, обвиняемый, подозреваемый, признаки уголовного преследования, функции уголовного преследования.

В российском уголовном процессе термин «уголовное преследование» впервые содержался в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., и далее данное понятие было закреплено в нормативно-правовых актах СССР. Однако, в 1960 г. при принятии Уголовно-процессуального кодекса РСФСР термин «уголовное преследование» был исключен из законодательства нашего государства.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 5 п. 55 УПК РФ среди перечня основных понятий кодекса содержит и определение уголовного преследования, которое трактуется в качестве процессуальной деятель-

ности, осуществляемой стороной обвинения в целях избличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления [1].

Несмотря на то, что российское законодательство содержит четкое определение уголовного преследования, среди российских авторов не утихают дискуссии относительно сущности и понятия данного института, как составляющего элемента уголовного процесса.

В научных работах Кони А. Ф., написанных в XX веке, говорится о том, что осуществление уголовного преследования должно быть четко обоснованным с юридиче-

ской точки зрения, так как лицо, в адрес которого было осуществлено уголовное преследование, даже будучи оправданным в судебном порядке, может долго ощущать как моральный, так и материальный вред от участия его в уголовном процессе [3].

Обращаясь к толковым словарям русского языка, можно понять, что преследование трактуется чаще всего, как следование за кем-либо для того, чтобы поймать, угнетение или притеснение. В. И. Даль в своем толковом словаре указывает, что «преследовать — это настигать следом, гнаться по следам, пускаться в погоню, стараться догнать и поймать или достигать известной цели» [2].

Данное толкование дает объяснение тому, что функция уголовного преследования присуща стороне обвинения, так как в соответствии с требованиями уголовного процесса сторона защиты не осуществляет следственную деятельность, а значит и не имеет полномочий осуществлять уголовное преследование кого бы то ни было.

В настоящее время до сих пор ведутся дискуссии относительно того, что конкретно считается уголовным преследованием. Например, в нормативно-правовых актах РФ нет четкого разграничения, являются ли следственные действия в отношении человека до признания его подозреваемым или обвиняемым уголовным преследованием, либо же уголовным преследованием является осуществление стороной обвинения действий в отношении уже признанного подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления лица.

Уголовно процессуальный кодекс РФ в ст. 20 закрепляет виды уголовного преследования, которые классифицируются по характеру и степени тяжести преступления:

- публичное уголовное преследование применяется для ведения дел, связанных с публичными обвинениями;
- частное уголовное преследование имеет отношение к делам с частными обвинениями;
- частно-публичное уголовное преследование — осуществляется органами власти при вынесении частно-публичных обвинений [1].

Этапы осуществления уголовного преследования:

1 этап «Неперсонифицированный» — направлен на выявление лица, которое совершило данное преступление. Данный этап предусматривает реализацию уголовного преследования в виде сбора доказательств причастности лиц к этому преступлению. То есть в данном случае уголовное преследование не направленно на конкретного человека.

2 этап «Персонифицированный» — данный этап начинается осуществляться с тех пор, когда конкретному лицу присваивается статус обвиняемого в совершении преступления или подозреваемого. Уголовное преследование в данном случае представлено обвинительной деятельностью, выраженной в следующих уголовных формах: обвинение и подозрение в совершении преступления.

С целью глубокого изучения особенностей института уголовного преследования в российском праве, необходимо изучить основополагающие признаки уголовного преследования:

— реализация уголовного преследования на практике возможна только теми государственными органами и должностными лицами, которые имеют на это право в соответствии с законодательством РФ;

— уголовное преследование осуществляется в рамках уголовного процесса, закрепленного в Уголовно-процессуальном кодексе РФ.

Необходимость уголовного преследования в уголовном процессе находит свое подтверждение в функциях, которые оно выполняет:

- вынесение решений и приговоров в рамках осуществляемого судопроизводства;
- осуществление мер по выявлению и раскрытию уголовных преступлений;
- в процессе изобличения лица должна быть доказана вина обвиняемого, посредством сбора доказательств совершения преступления или причастности к преступлению;
- уголовное преследование реализуется государством в принудительном порядке;
- уголовное преследование выступает в качестве основы уголовного процесса и служит базой уголовному производству.

Функционирование в российской правовой системе института уголовного преследования обусловлено необходимостью решения общих задач и достижения цели всего уголовного судопроизводства. Основополагающим является факт совершения преступления, который позволяет констатировать, что стартовым моментом уголовного преследования выступает момент возбуждения уголовного дела либо по причине обнаружения события преступного характера, либо в отношении конкретного лица.

Уголовное преследование с учетом специфики его реализации чаще всего осуществляют органы следствия, прокурор либо органы дознания. Из этого следует, что к уголовному преследованию относят следующую процессуальную деятельность:

- действия следственных органов и органов дознания — как правило, имеют свое выражение в сборе доказательств обвинительного характера, использовании принудительных мер, способствующих изобличению подозреваемого и применения к нему наказания, в соответствии с нормами уголовного законодательства РФ;
- действия прокурора — чаще всего выражены в том, чтобы найти обоснование выдвинутого обвинения в судебной деятельности, направлены на то, чтобы на основе анализа имеющихся оправдывающих и уличающих доказательств в виновности обвиняемого, убедить суд применить к этому лицу соответствующее наказание, установленное уголовным законодательством.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что уголовное преследование выражается в государственно-властной, публичной процессуальной деятельности уполномоченных на это должностных лиц и государственных органов власти, направленной на установление деталей преступлений, установлению лиц, причастных

к совершению преступления, виновных в его совершении, в том числе установление существенных обстоятельств дела, проведение их правовой оценки, вынесение конкретного акта уголовного судопроизводства, который

в обязательном порядке должен содержать четко сформулированное обвинение, адресованное участнику уголовного судопроизводства, а также обоснование выдвинутого обвинения в суде.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021).
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст./В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. — 573 с.
3. Кони, А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры // Собр. соч. В 8 т./А. Ф. Кони. — М.: Юрид. лит., 1967. — Т. 4. — 543 с.

Актуальные проблемы защиты прав граждан — участников строительства при банкротстве застройщика

Сизова Елена Николаевна, студент магистратуры
Костромской государственной университет имени Н. А. Некрасова

В данной статье рассмотрены актуальные проблемы, возникающие при рассмотрении дел о банкротстве застройщиков и применении способов защиты прав граждан участников строительства, а также определены пути их решения.

Ключевые слова: банкротство застройщика, защита прав граждан участников долевого строительства, участник строительства, конкурсный кредитор, арбитражный процесс, погашение требований кредиторов

Обеспечение граждан жильем имеет особое значение, а строительный комплекс является важнейшей составляющей национальной экономики, несостоятельность (банкротство) застройщиков в существующих реалиях, несомненно, заслуживает детального изучения [1]. Поэтому необходимо четко регламентировать институт несостоятельности (банкротства), создать стабильную законодательную базу для защиты прав участников строительства в условиях банкротства застройщика, которая будет являться реализацией конституционного права граждан, то есть права на жилище, предусмотренное статьей 40 Конституции Российской Федерации.

По данным Единой информационной системы жилищного строительства, на сегодняшний день в России возводятся 98,2 млн кв. м. жилья. Из них строительство 73% площадей (72,1 млн кв. м.), осуществляется с использованием счетов эскроу [2].

По данным Единого реестра проблемных объектов 637 застройщиков находятся на стадии конкурсного производства, еще 380 застройщиков нарушили сроки завершения строительства или передачи объекта строительства более чем на 6 месяцев. Всё вместе это 15,4 тыс. кв. м. жилья.

По данным статистики количества дел о банкротстве застройщиков, рассматриваемых арбитражными судами, приведенной в отчетах Верховного Суда РФ за 2018-2020 гг., можно сказать, что в целом число таких дел в 2020 г. снизилось по сравнению с 2019 г. с 88 дел

до 76 [3]. Такое снижение можно назвать незначительным и, возможно, это связано с введением банкротного моратория. Так же стоит отметить, что количество банкротств застройщиков увеличилось в 2019 г. — 88 дел против 59 дел годом ранее. Можно отметить, что внесенные в последнее время изменения в законодательство, направленные на защиту прав граждан участников долевого строительства, а также ужесточающие требования к долевному строительству могут являться фактором, провоцирующим рост числа банкротств застройщиков.

Можно выделить следующие проблемы присущие механизму защиты прав участников строительства на современном этапе развития законодательства:

1). Проблема отсутствия законодательного закрепления права участников строительства заявлять требования о признании банкротами застройщиков.

Как следует из абз. 1 п. 3 ст. 201.1 Закона о банкротстве, подать в суд заявление и указать на применение в деле правил § 7 гл. IX Закона о банкротстве вправе только уполномоченный орган либо конкурсный кредитор, то есть кредитор по денежным обязательствам (абз. 8 ст. 2 Закона о банкротстве), которые в принципе не заинтересованы в банкротстве должника как застройщика. В случае применения правил § 7 данные участники из третьей очереди погашения долгов при обычном банкротстве, будут автоматически перемещены в четвертую очередь.

Недавние изменения в законодательстве, связанные с применением Закона о «Фонде по защите прав граждан

участников строительства» позволяют п. 3 ст. 201.1 Закона о банкротстве дополнить абзацем следующего содержания: «В целях указания сведений о том, что должник является застройщиком, участник строительства в праве обратиться в Фонд для инициирования процедуры банкротства в соответствии с пунктом п. 2.6 настоящей статьи».

Такое дополнение позволит неденежным кредиторам попасть в круг лиц, имеющих право на возбуждение дела о банкротстве застройщика. Участники строительства смогут обратиться в Фонд по защите прав граждан участников строительства, который в соответствии с п. 2.6 ст. 201.1 Закона о банкротстве Фонд наделен правом на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании застройщика банкротом, в том числе в случаях, если они не являются кредиторами застройщика.

2). Проблема отсутствия законодательного закрепления права участника строительства на трансформацию требований.

В рамках процедуры несостоятельности застройщика к последнему могут быть предъявлены требования как денежного, так и неденежного характера. Возможность изменения денежных требований участников строительства на требования о передаче жилых помещений прямо законом не предусмотрена [4]. Однозначной позиции судов по данному вопросу нет, в связи с чем заявление такого требования всегда рискованно для участника строительства.

Можно предложить п. 13 ст. 201.4 Закона о банкротстве дополнить абзацем следующего содержания: «В случае замены формы требования участника строительства, включенного конкурсным управляющим в реестр требований участников строительства, замена формы требования в реестре производится конкурсным управляющим (внешним управляющим) в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи»..

Таким образом, права участника строительства на замену требований будет законодательно закреплена. В том случае, если очевидно, что перспектив получения денежных средств от застройщика не имеется, участник строительства сможет заявить о включение требований в реестр о передаче жилого помещения и наоборот.

3). Проблема недостаточной защиты граждан участников строительства, при предъявлении ими требований о передаче нежилых помещений, площадь которых более семи квадратных метров.

Закон о банкротстве не предусматривает включение в реестр требований о передаче жилых помещений требований лиц о передаче нежилых помещений, площадь которых более семи квадратных метров. Эти требования могут быть удовлетворены в общем порядке как требования денежного характера. То есть, граждане, вложившие денежные средства в строительство нежилых помещений, площадь которых более семи квадратных метров, могут предъявить к застройщику только денежные требования.

Спорным моментом является тот факт, что Законом о банкротстве установлен числовой барьер в 7 ква-

дратных метров, превышение которого влечет за собой невозможность заявить участниками строительства требования о передачи нежилого помещения. Такое ограничение имеет ряд существенных и очевидных недостатков. Во-первых, подобное ограничение ставит в неравное положение участников долевого строительства, разделяя их правовой статус в зависимости от того, сколько квадратных метров было приобретено тем или иным лицом, что может расцениваться как нарушение статьи 19 Конституции Российской Федерации, предусматривающей равенство всех перед законом вне зависимости от каких-либо обстоятельств. Во-вторых, такое ограничение создает неблагоприятные условия для развития делового климата в Российской Федерации, поскольку нежилые помещения, превышающие 7 квадратных метров, приобретаемые в рамках договора участия в долевом строительстве, в большинстве случаев планируются к использованию в коммерческих целях. **В-третьих, необходимо отметить, что в последнее время застройщик строительство жилых помещений заменяет строительством жилых апартаментов. Согласно законодательству, даже если апартаменты предназначены и используются гражданами для проживания, они являются нежилым помещением, и участники долевого строительства не смогут использовать способы защиты как на жилые помещения.**

В связи с вышеизложенным можно предложить следующий вариант решения данной проблемы. Необходимо изменить положения пп. 3.1 пункта 1 статьи 201.1 Закона о банкротстве и в качестве ограничения площади нежилых помещений указать размер 120 кв. м. Так, согласно п. 1 ст. 10 Закона о Фонде, размер обязательных отчислений (взносов) застройщиков в компенсационный фонд составляет 1,2 процента от согласованной сторонами цены каждого договора участия в долевом строительстве, предусматривающего передачу жилого помещения, машино-места, нежилого помещения, без указания площади нежилого помещения. В соответствии с Правилами выплаты Фондом возмещения гражданам — участникам строительства, имеющим требования о передаче жилых помещений, машино-мест и нежилых помещений, возмещение выплачивается в отношении общей площади жилого (жилых) помещения (помещений), не превышающей 120 кв. м. Видится целесообразным использовать такое ограничение и при определении размера нежилого помещения, на которое будет распространение действия норм о банкротстве застройщиков в отношении участников строительства, претендующих на получение таких нежилых помещений.

Данные изменения могут устранить нарушающие права отдельных категорий лиц-участников долевого строительства, а также ограничения, о которых говорилось ранее.

4) Проблема признания права собственности после принятия заявления о признании застройщика банкротом.

Пункт 8 ст. 201.11 Закона о банкротстве предусматривает возможность защиты прав участника строительства путем признания права собственности на жилое помещение. Здесь наблюдается пробел законодательства о несостоятельности застройщика. Если требования участников строительства, с которыми акты приемки жилых помещений были подписаны до принятия заявления о признании должника несостоятельным урегулированы законом, то в отношении требований участников строительства, с которыми акты приемки жилых помещений подписаны после принятия заявления о признании должника банкротом законодательством ничего не предусмотрено.

Арбитражные суды, как правило, удовлетворяют такие требования о признании права собственности в рамках дела о банкротстве застройщика, то есть применяются такие же правила, как и для требований участников строительства, с которыми акты приемки жилых помещений

были подписаны до принятия заявления о признании должника несостоятельным. Поэтому видится обоснованным в п. 8 ст. 201.11 исключить слова «до даты принятия заявления о признании застройщика банкротом».

Данная мера защиты позволит в преддверии банкротства застройщика, исключить оплаченные и переданные участниками строительства квартиры из конкурсной массы должника.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии комплексного подхода к реформированию существующей нормативной базы, регулирующей сферу долевого строительства, что приводит к коллизиям в законодательстве и сложностям реализации предусмотренных законом способов защиты на практике. Сформулированные в данной статье предложения направлены на повышение эффективности защиты прав граждан участников строительства при банкротстве застройщика.

Литература:

1. Пивцаев, Е. И. Особенности несостоятельности (банкротства) застройщиков: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. СПб., 2017. 277 с
2. «Наш. дом. рф/»: сайт. — URL: https://наш.дом.рф/аналитика/показатели_жилищного_строительства (дата обращения: 04.11.2021).
3. Отчет о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по делам о банкротстве. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. — URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.11.2021).
4. Барабина, М. П. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) застройщиков: дис.... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ульяновск, 2019. 156 с

Проблемы осуществления сделок с недвижимым имуществом

Смирнова Мария Викторовна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Данная статья посвящена общей характеристике правового регулирования отношений в сфере оборота недвижимости, а также актуальным проблемам, возникающим при совершении сделок с недвижимым имуществом. Актуальные проблемы, раскрытые в статье — это проблемы отнесения определённого объекта к недвижимому имуществу, реализации принципа «единства судьбы» земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости, оборота нежилых помещений.

Ключевые слова: оборот недвижимости, сделки с недвижимым имуществом, государственная регистрация недвижимости, принцип единства судьбы земельного участка и расположенного на нём объекта недвижимого имущества, определение объекта недвижимости.

Во всех областях юриспруденции существуют актуальные проблемы, то есть определённые вопросы, которые в настоящее время не нашли окончательного решения, либо нашли решение, которое применимо не ко всем случаям. Не является исключением и область совершения сделок с недвижимостью. В данной статье будет предпринята попытка дать краткую характеристику некоторых актуальных проблем совершения сделок с недвижимым имуществом, а именно:

— проблема определения предмета сделок с недвижимым имуществом (проблема отнесения конкретного объекта к недвижимому имуществу);

— проблема реализации принципа единства земельных участков и расположенных на них объектов недвижимого имущества;

— проблема оборота нежилых помещений.

Проблема определения предмета сделок с недвижимым имуществом заключается в том, что не всегда можно уста-

новить, относится ли тот или иной объект к недвижимому имуществу. В РФ отсутствует орган, обладающий полномочиями по квалификации тех или иных объектов как объектов недвижимости. На сегодняшний день существует следующее разрешение указанной проблемы: обращение в суд.

Именно суд, рассматривая спор, решает вопрос о том, является ли спорный объект объектом недвижимости. Данный факт отражён в практике ВС РФ, например, в определении Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 07.04.2016 года по делу № 310-ЭС15-16638 [1], и в определении от 30.09.2015 года № 303-ЭС15-5520 [2] указано, что вещь является недвижимой либо в силу своих природных свойств (в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 130 ГК РФ), либо в силу прямого указания федерального закона, что такой объект подчинён режиму недвижимых вещей (п. 2 ч. 1 ст. 130 ГК РФ) [3 с. 7]. (Однако отсутствие органа, обладающего компетенцией по квалификации конкретного объекта как объекта недвижимого имущества, увеличивает нагрузку на суды, возлагая на них дополнительную обязанность по разрешению указанного вопроса).

Принцип единства земельных участков и расположенных на них объектов недвижимого имущества закреплён в части 4 статьи 35 Земельного Кодекса РФ (далее — ЗК РФ): отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, проводится вместе с земельным участком, за исключением некоторых случаев (отчуждение части здания, сооружения, которая не может быть выделена в натуре вместе с частью земельного участка; отчуждение здания, сооружения, находящихся на земельном участке, изъятом из оборота в соответствии со ст. 27 ЗК РФ [4]; отчуждение сооружения, которое расположено на земельном участке на условиях сервитута, на основании публичного сервитута). В связи с данным положением возникла практическая проблема реализации данного принципа, которая выражается в коллизии между нормами ГК РФ и ЗК РФ. В соответствии со ст. 273 ГК РФ при переходе права собственности на здание или сооружение, принадлежавшее собственнику земельного участка, на котором оно находится, к приобретателю здания или сооружения переходит право собственности на земельный участок, занятый зданием или сооружением и необходимый для его использования, если иное не предусмотрено законом.

Следовательно, данное положение противоречит положению ч. 4 ст. 35 ЗК РФ о запрете отчуждения недвижимости без отчуждения земельного участка. По мнению некоторых российских правоведов [5 с. 8], указанная проблема возникла вследствие вторжения ЗК РФ в сферу ГК РФ. Однако у проблемы реализации принципа единства земельных участков и расположенных на них объектов недвижимого имущества есть ещё 3 аспекта [6]:

— неточность формулирования диспозиций ст. 35 ЗК РФ и ст. 271 ГК РФ;

— применение данного принципа в отношении ограниченного круга объектов (земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости);

— отличие перечня вещных прав, которые могут возникать на земельные участки и расположенные на них объекты недвижимости и отличие правил оборота данных объектов [7 с. 49].

В ст. 35 ЗК РФ и ст. 271 ГК РФ употребляются понятия «право пользования», «право на использование», правовая природа которых не понятна, поскольку их нельзя отнести к числу субъективных гражданских прав.

Действие принципа «единой судьбы» земельного участка и расположенного на нём объекта недвижимости распространяется не на все виды объектов недвижимого имущества, которые расположены в границах земельного участка и тесно с ним связаны. В качестве примера таких объектов можно привести подземные сооружения.

В этом случае противоречие в реализации принципа заключается в том, что собственником недр является государство, а земельные участки и подземные сооружения могут находиться как в государственной, так и в муниципальной и частной собственности. На земельные участки могут возникать следующие вещные права: право собственности, право постоянного (бессрочного) пользования, право пожизненного наследуемого владения, сервитут; на здания и прочие объекты недвижимости, расположенные на земельных участках — право собственности, право хозяйственного ведения, право оперативного управления, сервитут.

Правила оборота зданий и прочих объектов недвижимости являются специальными, они закреплены в положениях ГК РФ о купле-продаже и аренде (ст. 549-566 ГК РФ, ст. 650-664 ГК РФ), правила оборота земельных участков идентичны общим правилам ГК РФ о купле-продаже и аренде (ст. 454-491 ГК РФ, ст. 606-625 ГК РФ) [8].

Представляется, что для решения вышеупомянутой проблемы необходимо внесение изменений как в положения ГК РФ, так и в положения ЗК РФ в части отмены принципа «единой судьбы» земельных участков и объектов недвижимости, находящихся на них, либо установления единого правового режима для всех видов объектов недвижимого имущества.

Одними из наиболее распространённых сделок с недвижимым имуществом, являются сделки с нежилыми помещениями. Данная проблема описывается преподавателем Кубанского государственного аграрного университета (КГАУ) Т.В. Глинщиковой в статье «Феномен нежилых помещений» [9 с. 10].

Проблема оборота нежилых помещений появилась в результате возникновения коллизии в системе объектов прав — в отношениях собственности на здания и части зданий. Поскольку помещение не вписывается в определение объекта недвижимости, данное ГК РФ, в связи с отсутствием связи с землёй, возникает затруднение в определении прав на земельный участок, если на нём находятся помещения, принадлежащие разным лицам. Также возник-

кают другие вопросы: кому принадлежат здание в целом и его отдельные части (крыша, подвал, несущие конструкции), кем и в каком порядке осуществляется несение бремени содержания указанных объектов.

В своей статье Т. В. Глинщикова отмечает, что можно попытаться решить эту проблему следующим способом: использовать режим общей собственности на помещения общего пользования. Однако у данного способа есть недостаток — невозможность определения юридического механизма перевода в общую собственность уже возникшей исключительной собственности на помещения в здании.

Такие пути решения проблемы, как судебное решение и договор о создании общей собственности, не смогут устранить эту коллизию, потому что судебное решение может только разделить, а не объединить общую собственность, а договор является основанием для создания общей собственности только на делимую вещь. Признать право собственности на часть здания, каковой технически является нежилое помещение, также не представляется возможным, так как отчуждение здания по частям невозможно.

Известный российский юрист К. И. Скловский [10 с. 91], в качестве решения возникшего противоречия, предлагает использование фикции долевой собственности на здание, для чего необходимо передать долю в праве на имущество со всеми вытекающими последствиями. Представляется возможным установление свободно отчуждаемого вещного права на часть здания — права пользования помещением, которое отличается от права общей собственности только отсутствием права преимущественной покупки.

Кроме вышеназванного способа, в настоящее время в действующем законодательстве есть только одно средство разрешения указанной ситуации — установление

сервитута для обеспечения нормального совладения помещениями в зданиях. Все возникающие конфликты при отсутствии согласия между собственниками могут решаться также посредством негаторного иска (ст. 304 ГК РФ). Проблемы отнесения определённого объекта к недвижимому имуществу, реализации принципа «единства судьбы» земельного участка и расположенного на нём объекта недвижимости, оборота нежилых помещений — это не единственные проблемы, которые возникают при совершении сделок с недвижимостью. Однако именно указанные проблемы наиболее распространены в гражданском обороте. Для совершения какой-либо сделки (как с движимой, так и с недвижимой вещью) необходимо определить предмет сделки — то, с чем будет совершаться купля-продажа, аренда и любая другая сделка.

Если предмет не будет установлен, совершение сделки станет невозможным и с юридической, и с практической точки зрения. Земельный участок и расположенное на нём здание или сооружение тесно связаны друг с другом, и при отчуждении и переходе прав на один объект непременно встаёт вопрос об отчуждении и переходе прав на другой объект, а значит — вопрос об их правовом режиме, который на сегодняшний день до конца не разрешён. Сделки с нежилыми помещениями (купля-продажа, аренда и т. д.) совершаются так же часто, как и сделки с жилыми помещениями, земельными участками, зданиями, сооружениями. Это объясняется тем, какую роль в жизни людей играют недвижимые вещи: они предназначены для проживания граждан, осуществления ими предпринимательской деятельности, то есть, каждая из недвижимых вещей имеет своё целевое назначение. В связи с этим чёткое правовое регулирование необходимо для всех случаев совершения сделок с недвижимостью.

Литература:

1. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 07.04.2016 года по делу № 310-ЭС15-16638, А35-8277/2014 // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.10.2021).
2. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2015 года № 303-ЭС15-5520 по делу № А51-12453/2014 // <https://sudact.ru/> (дата обращения: 30.10.2021).
3. Прокопьева, Н. В. Особенности совершения сделок с недвижимостью: автореферат дис.... кандидата юридических наук: 12.00.03/Прокопьева Надежда Викторовна; науч. рук.: В. В. Меркулов; Кубан. гос. аграр. ун-т. — Краснодар, 2004. — с. 122.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 года № 136-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г.) с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) — «Собрание законодательства РФ» — 29.10.2001 г. — № 44 — ст. 4147.
5. Губаева, А. К. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть 1: постатейный./А. К. Губаева, Н. Д. Егоров, А. Л. Сергеева. — Москва: Проспект, 2006.
6. Учужева, А. А. Правовые проблемы реализации принципа единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов./А. А. Учужева // Молодой учёный. — 2016 г. — № 6. — с. 48.
7. Амелина, Н. Е. Принцип «единой судьбы» земельного участка и расположенного на нём объекта недвижимости (по земельному и гражданскому законодательству)./Н. Е. Амелина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2006. — № 13. — с. 197.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
9. Глинщикова, Т. В. Феномен нежилых помещений./Т. В. Глинщикова// «ЭЖ — ЮРИСТ» — 2004. — № 3. — с. 10.

10. Скловский, К.И. Некоторые проблемы права на нежилые помещения./К.И. Скловский // Вестник ВАС РФ — 2003 г. — № 8 — с. 91.

Контролирующие должника лица в деле о несостоятельности (банкротстве). Критерии признания и особенности правового положения

Таскаракова Алена Олеговна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Статья содержит обзор критериев признания лица контролирующим должника, в целях его привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного юридического лица в рамках дела о банкротстве и особенностей правового положения такого лица в деле о банкротстве, в связи с введением главы III. 2 Закона о банкротстве.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, контролирующие должника лица, презумпция.

Возникновению института субсидиарной ответственности в делах о банкротстве способствовало отсутствие механизма, позволяющего эффективно противодействовать недобросовестному использованию института банкротства, в целях уклонения от исполнения юридическими лицами своих долговых обязательств.

Привлечение к уголовной ответственности по «банкротным» составам, традиционно находится, на достаточно низком уровне, чтобы говорить о том, что данный механизм не работает. Доля «банкротных» преступлений в структуре судимости за преступления в сфере экономической деятельности (гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации) ежегодно составляет не более 1%.

С точки зрения раскрытия и расследования, «банкротные» преступления остаются одними из наиболее сложных. Это связано с высоким уровнем их латентности и недостатками уголовно-правового регулирования.

В то же время привлечение к субсидиарной ответственности, является достаточно эффективным механизмом, позволяющим восстанавливать нарушенные права кредиторов.

Это стало возможным, в связи с внесением Федеральным законом от 29.07.17 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — Закон № 266-ФЗ) изменений в правовое регулирование привлечения контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного юридического лица.

Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц по обязательствам должника является особым видом правовой ответственности и по правилам главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) наступает в случае причинения вреда имущественным правам кредиторов подконтрольного лица [1].

По общему правилу необходимым условием отнесения лица к числу контролирующих должника является наличие у него фактической возможности давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия (п. 3 ст. 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 53).

Определять действия должника возможно:

— в силу нахождения с должником (руководителем или членами органов управления должника) в отношениях родства или свойства, должностного положения;

— в силу наличия полномочий совершать сделки от имени должника, основанных на доверенности, нормативном правовом акте либо ином специальном полномочии;

— в силу должностного положения (в частности, замещения должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо иной должности, предоставляющей возможность определять действия должника);

— иным образом, в том числе путем принуждения руководителя или членов органов управления должника либо оказания определяющего влияния на руководителя или членов органов управления должника иным образом.

В соответствии с п. 5 ст. 61.10 Закона о банкротстве Арбитражный суд может признать лицо контролирующим должника и по иным основаниям.

Под «иными основаниями» имеются в виду обстоятельства, в силу которых возникает такая возможность.

В п. 2.2 Письма ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» (далее — Письмо ФНС России), приведены примеры таких обстоятельств — любые неформальные личные отношения, в том числе установленные оперативно-розыскными мероприятиями, например: совместное проживание (в том числе состояние в т.н. гражданском браке), длительная совместная служебная деятельность (в том числе военная служба, гражданская служба), совместное обучение (однокурсники, однокурсники) и т.п.

Обстоятельства, обеспечивающие возможность контроля над должником, могут быть использованы при доказывании наличия статуса КДЛ, в совокупности с другими доводами и доказательствами.

В соответствии с п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве, пока не доказано иное, предполагается, что лицо являлось контролирующим должника лицом, если это лицо:

- 1) являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;
- 2) имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;
- 3) извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ.

Указанные презумпции являются опровержимыми.

Несомненно, внимание заслуживает норма, закрепленная в п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве, в соответствии с которой размер субсидиарной ответственности номинального руководителя может быть уменьшен, если благодаря раскрытой им информации, недоступной независимым участникам оборота, были установлены фактический руководитель и (или) имущество должника либо фактического руководителя, скрывавшееся ими, за счет которого могут быть удовлетворены требования кредиторов.

Рассматривая вопрос об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя, суд учитывает, насколько его действия по раскрытию информации способствовали восстановлению нарушенных прав кредиторов и компенсации их имущественных потерь (п. 1 ст. 1064 ГК РФ).

В случае уменьшения размера субсидиарной ответственности номинального руководителя фактиче-

ский руководитель несет субсидиарную ответственность в полном объеме. В той части, в которой ответственность номинального руководителя не была уменьшена, он отвечает солидарно с фактическим руководителем (п. 1 ст. 1064, абзац первый ст. 1080 ГК РФ).

Приведенные разъяснения об уменьшении размера субсидиарной ответственности номинального руководителя распространяются как на случаи привлечения к ответственности за неподачу (несвоевременную подачу) должником заявления о собственном банкротстве, так и на случаи привлечения к ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов (п. 1 ст. 6 ГК РФ, п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Таким же образом должны решаться вопросы, связанные с наличием статуса контролирующего лица у номинальных и фактических членов органов должника (в том числе участников корпораций, учредителей унитарных организаций), ликвидаторов и членов ликвидационных комиссий, а также вопросы, касающиеся привлечения их к субсидиарной ответственности (п. 1 ст. 6 ГК РФ, п. 9 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

Предполагается, что лицо, которое извлекло выгоду из незаконного, в том числе недобросовестного, поведения руководителя должника является контролирующим (пп. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

Как разъяснено в п. 6, 7 Постановления Пленума ВС РФ № 53: «в соответствии с этим правилом контролирующим может быть признано лицо, извлекшее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности», а также «выгодоприобретатель, извлекая существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение (в том числе посредством недостоверного документооборота), совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности лицами, объединенными общим интересом (например, единым производственным и (или) сбытовым циклом), в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника основной долговой нагрузки. В этом случае для опровержения презумпции выгодоприобретатель должен доказать, что его операции, приносящие доход, отражены в соответствии с их действительным экономическим смыслом, а полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами».

В п. 2.1.1 Письма ФНС России правовая природа презумпции контролирующего выгодоприобретателя раскрыта следующим образом: «Поскольку предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг (ст. 2 ГК РФ), то никто не будет осуществлять свою дея-

тельность с систематическим убытком для себя, но с систематической выгодой для другого лица, не предпринимая никаких шагов по сокращению убытков, по изменению бизнес-модели.

Исключением из правила ст. 2 ГК РФ является ситуация, когда указанное лицо осуществляет деятельность не самостоятельно, не по своей воле, а находится под контролем, управляется извне, при этом риск полностью перекладывается на контрагентов и систематически получается убыток.

При этом контроль может быть как прямым — контролирующим лицом может быть лицо, непосредственно получающее выгоду, так и непрямым — оба лица (должник и выгодоприобретатель) могут находиться под общим контролем третьего лица (бенефициара). В последнем случае лицо, контролирующее то лицо, которое получило выгоду, является КДЛ и для должника».

Необходимо также отметить, что для целей применения специальных положений законодательства о субсидиарной ответственности, учитывается контроль, имевший место в период, предшествующий фактическому возникновению признаков банкротства, независимо от того, скрывалось действительное финансовое состояние должника или нет.

Как правило, принимается во внимание трехлетний период, предшествующий моменту, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (далее — объективное банкротство).

Поправки, введенные главой III. 2 Закона о банкротстве, а также разъяснения данные Верховным Судом в Постановлении Пленума № 53 значительно повысили возможности привлечения к субсидиарной ответственности реальных бенефициаров должника, введя презумпции и переложив на них бремя доказывания обратного. Как правило, активы должника выводятся на лиц, формально не занимающих руководящие должности в органах управления должника, но при этом действительно его контролирующих, тем самым причиняя вред имущественным правам кредиторов. При таких обстоятельствах привлечение к субсидиарной ответственности, будет тем самым исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.

Вместе с тем, поправки, введенные п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве, регулирующие права и обязанности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, внесли «смуту» в вопрос о полномочиях такого лица.

В редакции Закона о банкротстве, действующей до внесения поправок, в п. 6 ст. 10 было указано, что лица, в отношении которых поданы заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, а также к ответственности в виде возмещения причиненных должнику убытков, имеют права и несут обязанности лиц, участвующих в деле о банкротстве.

Анализ сложившейся в период действия данной нормы практики показывает, что лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, было вправе обжаловать не только судебные акты в рамках рассмотрения данного обособленного спора, но и иные судебные акты, влияющие на размер субсидиарной ответственности (см., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.08.2017 № Ф05–21282/2016 по делу № А40–183453/2015, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.01.2017 № Ф07–12247/2016 по делу № А56–60904/2014, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.03.2016 № Ф04–6889/2014 по делу № А45–16222/2012) [2].

С вступлением в силу главы III. 2 Закона о банкротстве данная практика утратила актуальность.

После 01 июля 2017, судебная практика стала складываться диаметрально противоположным образом — лицо, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к субсидиарной или иной ответственности, наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по данному заявлению и не обладает всеми правами, которые предоставлены законом лицу, участвующему в деле о банкротстве.

Указанный подход обусловлен наличием в п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве, устанавливающим процессуальный статус лица, в отношении которого в рамках дела о банкротстве подано заявление о привлечении к ответственности, следующей оговорки: «как ответчик по этому заявлению».

Тем не менее, в судебной практике можно встретить дела, в которых суды отходят от формальной оценки процессуального статуса лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, и, не пытаясь опровергнуть, что данное лицо наделено правами и обязанностями участвующего в деле о банкротстве лица только в пределах рассмотрения обособленного спора по заявлению о привлечении его к субсидиарной ответственности, признают за ними право на судебную защиту своих прав и законных интересов, в том числе путем обжалования действий (бездействия) арбитражного управляющего, а также обжалования судебных актов, принятых в рамках иных обособленных споров. Такая правовая позиция изложена, например, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 24.08.2020 № Ф05–6357/2020 по делу № А40–299816/2018.

Не согласившись с позицией, изложенной в приведенном судебном акте, конкурсный управляющий обратился с жалобой в Верховный суд Российской Федерации. Определением от 16.11.2020 № № 305-ЭС20–17207 в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано.

Верховный суд Российской Федерации согласился с позицией суда округа, о том, что: «И. является лицом, заинтересованным в должном формировании конкурсной

массы арбитражным управляющим и не может быть лишен возможности на обращение в суд с соответствующей жалобой со ссылкой на отсутствие у него статуса основного участника дела о банкротстве в соответствии со статьей 34 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» «.

Вопрос о конституционности п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве уже доходил до Конституционного Суда Российской Федерации, однако не был разрешен.

Так, Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 26.05.2020 № 1105-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ш. на нарушение его конституционных прав п. 1, 3 и 4 ст. 60 и п. 1 ст. 61.15 Закона о банкротстве.

Нарушение своих конституционных прав Ш. связывал с тем, что оспариваемые положения Закона о банкротстве в их взаимосвязи позволили арбитражным судам отказать ему в праве обжаловать бездействие конкурсного управляющего, от которого зависит объем конкурсной массы должника, а значит, и размер субсидиарной ответствен-

ности Ш. (см. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27.09.2019 № Ф01-4591/2019 по делу № А43-7702/2013 (Определением ВС РФ от 27.12.2019 № 301-ЭС15-14624 (3) отказано в передаче данного дела в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления)) [2].

Установив, что арбитражные суды не просто указали на отсутствие у Ш. права на обращение с жалобой на бездействие управляющего, но и рассмотрели его жалобу по существу, Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению его жалобы.

Таким образом, на сегодняшний день, вопрос правового статуса лица, в отношении которого подано заявление о привлечении к субсидиарной ответственности остается открытым. Возможно, при внесении следующих поправок в Закон о банкротстве, законодателем будет учтена складывающаяся ситуация с отсутствием единообразия судебной практики.

Литература:

1. Бычкова, Е.Н. Правомочия лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, на обжалование судебных актов в деле о банкротстве должника/Е.Н. Бычкова. — Текст: непосредственный // Арбитражные споры. — 2020. — № 4.
2. Лотфуллин, Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве/Р.К. Лотфуллин. — Текст: электронный// https://sbplaw.ru/media/documents/Lotfullin_SBP2021_Subsiarity_Liability_Book.pdf: [сайт]. — URL: (дата обращения: 06.11.2021).

Криминальное банкротство: общее и частное

Тодышева Наталья Тимофеевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

В статье автор рассматривает основные характеристики преднамеренного и фиктивного банкротства: понятия, цели, признаки и особенности расследования криминальных банкротств.

Ключевые слова: *преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, уголовная ответственность, крупный ущерб*

Одной из важных категорий экономических преступлений, регулируемых главой 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ), представляют собой деяния, совершаемые путем отклонения от имущественных обязательств, а именно при помощи фиктивного или преднамеренного банкротства. Кризисные явления в экономике нашей страны привели к стремительному росту просроченных задолженностей, как у юридических, так и физических лиц, что требует от законодателя постоянно совершенствовать институт банкротства.

Актуальность эффективности расследования преднамеренного и фиктивного банкротства с каждым днем становится все более ощутимой. Проблема в том, что крими-

нальное банкротство как экономическое преступление направлено против чужой собственности, интересов кредиторов, государства, которые находятся под охраной закона. В настоящее время в качестве дополнительных объектов данного преступления выделяют людей, интересы как наемных работников, так и целых трудовых коллективов.

Изучением проблем банкротства на разных исторических этапах занимались многие ученые. Так, изучению сущности и содержания преднамеренного банкротства, а также расследованию данных преступлений посвящены работы П.Е. Власова, С.Ю. Журавлева, Д.А. Муратова, А.Г. Ненайденко, А.М. Нуждина, А.Н. Павлисова,

П. А. Резвана, С. П. Щербы, Д. С. Токарева. Несмотря на то, что в настоящий момент ощутима потребность в рассмотрении особенностей организации расследования по делам о преднамеренных банкротствах, в связи с существующей тенденцией прекращения уголовных дел на предварительном следствии, практически отсутствуют комплексные теоретические исследования, посвященные данной проблеме.

Преднамеренное банкротство характеризуется как «совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб».

Как правило, совершается с целью ухода от уплаты кредиторской задолженности вследствие хищения имущества предприятия, сопряженного с передачей средств «несостоятельного» предприятия подконтрольным виновному структурам. Смысл данной преступной схемы заключается в том, что в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее, ГК РФ), требования кредиторов, не удовлетворенные из-за недостаточности

имущества ликвидируемого юридического лица, считаются погашенными (ст. 64 ГК РФ [1]).

Фиктивное банкротство определяется как заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица, а равно гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, о своей несостоятельности, если это деяние причинило крупный ущерб.

Основной целью руководителя или учредителя организации при осуществлении процедуры фиктивного банкротства является ввести в заблуждение кредиторов и других лиц относительно платежеспособности своей организации. Тем самым, виновные преследуют личную цель — обогащение. В случае изначальной организации предприятия с целью в дальнейшем «фиктивно обанкротиться» учредители или руководители будут нести ответственность уже за совершение мошеннических действий.

Следует отличать понятия фиктивного и преднамеренного банкротства. Если кратко, то фиктивное банкротство — это объявление о финансовой несостоятельности при наличии средств, а преднамеренное — это ряд действий, направленных на разорение компании. Несмотря на то, что понятия это разные, оба варианта являются нарушениями и наказываются. Отличия между двумя видами незаконного банкротства приведены в таблице 1.

Таблица 1

	Фиктивное	Преднамеренное
Определение	Заявление о невозможности выплатить долг при фактическом наличии средств для расчета с кредиторами	Умышленное действие или бездействие, приводящее к росту убытков и фактическому разорению предприятия
Уголовная ответственность	Ст. 197	Ст. 196
Административная ответственность	Ст. 14.12 часть 1	Ст. 14.12 часть 2

Наличие в деяниях признаков фиктивного или преднамеренного банкротства устанавливается по результатам проверки финансово-хозяйственной деятельности предприятия. При этом основная нагрузка ложится на арбитражного управляющего, вступившего в производство дела о банкротстве.

В ходе финансового анализа проводится оценка значений и динамики коэффициентов абсолютной ликвидности, текущей ликвидности, характеризующих платежеспособность должника, а также показателей обеспеченности обязательств должника его активами.

Все эти данные рассчитываются за исследуемый период в соответствии с правилами проведения арбитражными управляющими финансового анализа. На практике выявление признаков фиктивного и преднамеренного банкротства может осуществляться в процессе проведения инвентаризации, аудиторской проверки, целевого анализа финансового состояния должника, исследования бухгалтерской отчетности, от-

четов ревизионных комиссий, материалов налоговых проверок и так далее.

Признаки преднамеренного и фиктивного банкротства выявляются как в течение периода, предшествующего возбуждению дела о банкротстве, так и в ходе процедур банкротства. Отличительной особенностью данных преступлений является их высокая латентность, объясняющаяся тем фактом, что чаще всего совершение этих преступлений сопряжено с целенаправленными действиями по их сокрытию, увеличивая риск их не обнаружения.

В связи с этим знаниями и компетенции арбитражных управляющих может быть недостаточно для выявления истинной финансовой картины происходящего в хозяйствующем субъекте.

Банкротство той или иной организации является в настоящее время обыденным явлением, которое характеризует регресс в деловой жизни. Очевидно, что подобного рода финансовая несостоятельность продолжает оставаться актуальной и как юридический факт, влекущий

последствия, и как явление деловой обыденности, результатом неудачного стечения обстоятельств, ошибок управления и планирования, прочих факторов, которые в полном объеме перечислить непросто.

Современные авторы полагают, что банкротство — это результат негативного влияния разнообразных внешних и внутренних факторов развития организации в рыночных условиях. Мировая практика банкротства показывает, что угроза финансовой нестабильности организаций возникает в среднем на 25-30% из-за внешних факторов и на 70-75% из-за внутренних, связанных с неумелым, нерациональным управлением. При этом в развитых зарубежных странах эти соотношения имеют следующие значения: внешние факторы составляют 10-15%, внутренние — 85-90%, в России внешние и внутренние факторы составляют примерно по 50% [2].

Остановимся на некоторых вопросах понятия, признаках и особенностях расследования преднамеренного и фиктивного банкротства.

Преднамеренное банкротство является деянием, за которое предусмотрена административная и уголовная ответственность.

Потерпевшими признаются лица только при условии обоснования причинения им вреда в крупном размере. При этом уголовную ответственность за преднамеренное банкротство могут нести не только руководители, собственники предприятий, но и кредиторы, принявшие предпочтительное удовлетворение и знающие об отданном им предпочтении в ущерб другим кредиторам, если эти действия причинили крупный ущерб [3].

Основной целью расследования преднамеренных банкротств выступает законное и объективное расследование уголовного дела. Для достижения этой цели следователь должен ставить перед собой задачи по установлению: способа и механизма совершения преднамеренного банкротства; обстановки совершения преднамеренного банкротства; субъекта преднамеренного банкротства; следов преднамеренного банкротства и обстоятельств совершения преднамеренного банкротства; восстановления нарушенных прав в результате совершения преднамеренного банкротства.

С точки зрения методики расследования преднамеренного банкротства можно выделить четыре этапа: подготовительный, первоначальный, последующий и заключительный. С точки зрения криминалистики этапы расследования преступления направлены на установление, прежде всего информационно-познавательной стороны этого процесса. Данные этапы можно сформировать следующим образом: 1) выявление на основе вещественных, документальных и личностных источников-носителей доказательственной информации о преступной деятельности и ее извлечение; 2) систематизация исходной информации, извлеченной из ее источников; 3) интеграция исходной информации с данными видовой криминалистической характеристики преступлений (формирование следственных версий); 4) выведение следствий, вытека-

ющих из следственных версий (разработку следственных версий); 5) обоснование альтернатив и выбор методических, тактических решений и технических средств в расследовании преступлений (планирование расследования и проверка следственных версий) [4].

Для наиболее эффективного расследования преднамеренного банкротства необходимо располагать информацией о его признаках.

Признаки преднамеренного банкротства определены Уголовным кодексом Российской Федерации: наличие у должника долговых обязательств в денежном эквиваленте; неспособность юридического лица удовлетворить требования кредиторов; наличие крупного ущерба; признание несостоятельности должника арбитражем. Признаки преднамеренного банкротства характеризуются совершением неправомерных действий, таких как сокрытие имущества, в том числе сведений, включающих в себя информацию о местонахождении и размере имущества, передачу его в иное владение или отчуждение; невыполнение обязанностей в вопросе передачи заявления о признании должника банкротом в суд; невыполнение компанией правил, которые действуют в период наблюдения, внешнего управления и конкурсного производства, а также заключения и исполнения мирового договора; подделка бухгалтерских документов, включая документы учета и доходно-расходные данные.

Можно сделать вывод, что главный признак — это имитация финансовой несостоятельности или отсутствия средств. Для этого создаются дочерние предприятия и подставные фирмы, на счета которых переводятся финансовые активы.

Кроме того, в процессе доказывания преднамеренного банкротства могут быть, например, выявлены сведения о том, что должник утаивает и скрывает свое имущество разными способами, точно так же поступает с имеющимися обязательствами; имеет место приостановление должником текущих платежей и одновременное вложение в сторонние ресурсы каких-либо значительных сумм, приобретение недвижимости или иных ценностей через третьих лиц с их оформлением на посторонние имена. Данная работа может сводиться к определению добросовестности руководства компании.

Фиктивное банкротство применяется в целях получения предприятием или предпринимателем личной выгоды, путем объявления себя банкротом. Многие коммерсанты стремятся избежать необходимости выплачивать долги кредиторам, получить дополнительные финансы в свою пользу или в пользу руководства обанкротившейся компании, а также осуществить вывод основных фондов.

Выявление фиктивных банкротств строится на обнаружении трех типов нарушений: сокрытие или умышленное искажение информации о находящемся в распоряжении должника имуществе, проведение махинаций, приносящих ущерб интересам кредиторов, и противодействие работе конкурсного управляющего.

Для того чтобы доказать факт фальшивого банкротства в законодательном порядке, должны быть представлены убедительные аргументы для соблюдения одновременно двух условий наличия умысла со стороны предпринимателя и причинения его действиями крупного ущерба кредиторам.

Но с учетом сложившейся практики доказать эти условия может быть весьма проблематично. Умысел оценивается по совокупности обстоятельств, причем часто вывод арбитражного суда на этот счет может быть субъективным и формальным. Чаще всего заключение о фиктивном банкротстве подают, если банкротящееся лицо скрывает своё имущество, обесценивает или уничтожает его, самовольно изменяет порядок выплаты кредиторам.

Проверка на фиктивное банкротство производится, как правило, в случае, если заявление о признании себя несостоятельным подаёт сам должник.

Сегодня на фоне тех организаций, предприятий, индивидуальных предпринимателей, которые не могут рассчитаться со своими кредиторами и правомерно прибегают к институту банкротства, появляется все больше и больше лиц, преднамеренно создающих признаки банкротства для того, чтобы избежать выплаты своих долгов. Поэтому в настоящее время является очевидным, что проблемы, связанные с банкротством, невозможно решить только в рамках гражданского законодательства о несостоятельности (банкротстве), поскольку институт несостоятельности (банкротства) также включает в себя нормы административного, арбитражного, трудового права.

В свете вышеизложенного экономическую безопасность государства призвана обеспечить уголовная юстиция, поскольку самым радикальным средством защиты прав кредиторов, финансово-кредитной, налоговой и страховой систем является уголовный закон.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) Часть 1. от 30.11.1994 N 51-ФЗ. (принят ГД ФС РФ 21.10.1994) (действующая редакция)
2. Баринов, В. А. Антикризисное управление — учебное пособие/В. А. Баринов. — Москва: ИД ФБК-ПРЕСС, 2015. — 514 с. — Текст: непосредственный.
3. Александрова, К. И. Реорганизация. Ликвидация. Банкротство: краткий справочник предпринимателя/К. И. Александрова. — Санкт-Петербург: Питер, 2005. — 80 с. — Текст: непосредственный.
4. Малышкин, П. В. Методологические особенности организации расследования фиктивных или преднамеренных банкротств/П. В. Малышкин. — Текст: непосредственный // Мир науки и образования. — 2016. — № 1 (5). — с. 15-21.
5. Кряжев, В. С. Отдельные вопросы расследования преднамеренного банкротства/В. С. Кряжев, Е. П. Прошутинская. — Текст: электронный // Cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-voprosy-rassledovaniya-prednamerennogo-bankrotstva> (дата обращения: 13.11.2021).

К вопросу о перспективах использования труда дистанционных работников в управлении персоналом органов государственной власти правоохранительной направленности

Ульныров Олег Васильевич, студент магистратуры
Академия управления МВД России (г. Москва)

Многочисленными авторами научных трудов в области управления персоналом, научной организации труда, теории организации и менеджмента подчеркивается, что эффективность управления персоналом организации критически зависима от соответствия применяемых форм и методов новым вызовам, социально-экономическим преобразованиям, структурным изменениям на рынке труда, технологической трансформации трудовых и производственных процессов [3, 5, 6, 7]. Немаловажную роль играет соответствие нормативно-правового регулирования, позволяющего на практике реали-

зовать такого рода инновации. Регулирующая функция права в сфере труда, как правило, предполагает максимально быстрый ответ на изменяющуюся социальную среду, особенно когда подобный ответ способствует развитию рынка труда, международной кооперации и глобализации, при этом обеспечивая как сохранение достигнутого уровня международных прав и гарантий работников, так и его дальнейшее развитие и совершенствование.

Институт регулирования труда дистанционных работников — один из наиболее молодых институтов тру-

дового права, регулирующих нетипичную занятость, как в России, так и в мире. Его появление обусловлено не столько глобальной трансформацией рынка труда в цифровой экономике, сколько развитием в XXI в. систем управления человеческим капиталом, социального партнерства, современных моделей тайм-менеджмента и гибких форм занятости [2, с. 159].

Дистанционный труд прочно вошел в число инструментов, обеспечивающих эффективность и гибкость труда в странах с развитой рыночной экономикой. Пандемия только ускорила процесс распространения дистанционного труда во всем мире. Это связано с целым рядом факторов, но в первую очередь — с возможностью обеспечить безопасность персонала в сложных эпидемиологических обстоятельствах. При этом не менее важными представляются и такие факторы, как снижение затрат работодателя на содержание офисных площадей в период экономического спада, консервации или закрытия производств, а также появление новых технологических и технических возможностей обеспечения эффективности труда на удаленной работе.

В то же время дистанционная деятельность, даже при условии наличия у организации необходимых ресурсов для её повсеместного внедрения, не могла быть повсеместно применяемой, без адекватного и актуального реалитам нормативно-правового регулирования.

Пандемия Covid-19 в 2020 году выявила проблемы российского трудового права, состоящие в его недостаточной гибкости и ограниченных возможностях применения информационно-коммуникационных технологий в трудовых отношениях. Российское трудовое законодательство оказалось не готовым к массовому переводу работников на удаленный режим работы. Именно на данные факторы ссылаются авторы вступивших с 1 января 2021 года изменений в главу 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ), регулиующую труд дистанционных работников [8], меняющие возможности работодателя по организации и управлению трудом не только дистанционных, но и иных категорий работников [1, с. 90].

Законодатель, наряду с ранее возможным оформлением дистанционной работы через заключение соответствующего трудового договора о дистанционной работе, предусмотрел ряд нововведений.

Во-первых, предусмотрена возможность временной дистанционной занятости на срок до шести месяцев через заключение дополнительного соглашения к трудовому договору. При этом особенности взаимодействия работника и работодателя могут быть предусмотрены в локальном нормативном акте, принимаемом с учетом мнения представительного органа работников.

Во-вторых, работодателю разрешено в двух случаях оформлять дистанционную работу только на основании локального нормативного акта без внесения соответствующих изменений в трудовой договор, а именно:

— в случае введения комбинированного режима дистанционной работы;

— в случае перевода на дистанционную работу при наличии исключительных обстоятельств.

Большинство авторов, исследовавших новеллы в трудовом законодательстве в части регулирования труда дистанционных работников, солидарны во мнении, что внесенные поправки в ТК РФ своевременны, направлены на обеспечение баланса интересов сторон трудовых отношений и носят позитивный характер [1, 2, 4]. Подчеркиваются открывшиеся, в этой связи, дополнительные возможности и направления для развития, а именно:

— значительно расширены возможности использования электронного документооборота в трудовых отношениях,

— впервые введена возможность комбинирования выполнения трудовой функции дистанционно и на стационарном рабочем месте,

— введен новый крайне востребованный правовой механизм перевода работников на дистанционную работу в связи с введением ограничений по причине распространения пандемии и иных угроз жизни и здоровью населения России.

При этом работодателю предоставлена значительная автономия в области организации и управления трудом работников при таком переводе, а также защищаются его права от возможных различных злоупотреблений работников. Однако теперь работодателям необходимо особое внимание обратить на детальную разработку локальных актов, посвященных труду дистанционных работников, которая позволит работодателю не только организовать труд дистанционных работников, но и сформировать эффективную защиту своих прав в случае судебного спора или проверки соблюдения прав работников органами контроля и надзора в сфере труда ([1, с. 93]).

Таким образом, в настоящее время заложены юридические основания для значительной трансформации российского рынка труда в части повышения его мобильности, гибкости и эффективности, открывающую перед работодателем новые перспективы и возможности на современном этапе цифровой революции.

В этой связи представляет интерес реализация возможности использования труда дистанционных работников в органах государственной власти. Очевидно, что наиболее востребованы дистанционные формы в организациях с высокой «цифровизацией» управления и трудовых процессов, служебных задач. Показательно, что одним из первых федеральных органов правовой акт, регламентирующий внутренние механизмы использования дистанционного труда издан Федеральной службой по интеллектуальной собственности (Роспатентом) [9].

Представляется, что для практической реализации использования труда дистанционных работников в органах государственной власти правоохранительной направленности требуется издание аналогичных нормативных правовых актов соответствующих федеральных органов исполнительной власти, регулирующих ряд наиболее важных, на наш взгляд, вопросов.

Во-первых, необходимо определить, для каких категорий сотрудников и работников дистанционная работа не может осуществляться. Представляется, что главным образом, к таковым целесообразно отнести сотрудников, выполняющих задачи, связанные с работой со сведениями, составляющими государственную тайну, ограниченного распространения, персональными данными в незащищенном виде, а также сотрудники, непосредственно работающие с населением, в том числе — при предоставлении государственных услуг.

Во-вторых: целесообразно установить перечень видов служебной деятельности, которые рекомендуется осуществлять путем организации дистанционной работы. Наиболее целесообразно включить в данный перечень видов деятельности, во многом связанных с работой на различных ресурсах сети Интернет (например, осуществление государственных закупок, деятельность пресс-служб, проведение правовых и антикоррупционных экспертиз проектов документов, штабная работа, связанная со статистической обработкой массива данных и т.п.).

В-третьих, необходимо определить круг персонала, имеющих преимущества на перевод на дистанционную

работу, например: беременные и многодетные женщины, лица, имеющие на воспитании малолетних детей, либо воспитывающие их одни, лица предпенсионного и пенсионного возраста, люди с ограниченными возможностями.

Немаловажным представляется пересмотр системы организации поставок оборудования для нужд органов власти правоохранительной направленности, предусматривающий поставки оборудования, предназначенного для обеспечения труда дистанционных работников, а также внесения корректировок в существующие нормы положенности обеспечения информационно-телекоммуникационными средствами.

По результатам проведенного анализа содержания главы 49.1. ТК РФ представляется, что при комплексном и системном подходе, более активное внедрение дистанционных форм работы позволит правоохранительным органам более эффективно использовать имеющиеся человеческие и материальные ресурсы, оптимизировать использование работниками служебных помещений и объектов инфраструктуры, позволит оперативно вводить внутренние барьерные и ограничительные мероприятия при различного рода чрезвычайных ситуациях, в том числе — новых пандемиях.

Литература:

1. Кудашкин, А. В., Потапов А. В. Об изменении порядка регулирования дистанционной работы в России // «Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право». — 2021, N 2. с. 90-96.
2. Кузнецов, Д. Л. Трансформация института регулирования труда дистанционных работников: новые правовые механизмы // Закон. — 2021, N 1. с. 158-168.
3. Михайлов, А. А., Федулов В. И. Подходы к управлению персоналом в условиях удаленной занятости. // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29 (3). с. 222-225.
4. Приженникова, А. Н. Трансформация трудового правоотношения: актуальные вопросы // Современный юрист. 2021. N 1. с. 42-49.
5. Роздольская, И. В., Однорал Н. А., Болотова И. С. Стратегическая трансформация и практическая направленность дистанционного менеджмента на базе цифровых технологий как новая форма управления персоналом в пространстве управленческих возможностей // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2020. № 5 (84). с. 24-36.
6. Управление персоналом: учебное пособие/Г. И. Михайлина, Л. В. Матраева, Д. Л. Михайлин, А. В. Беляк; под общ. ред. Г. И. Михайлиной. — 4-е изд., стер. — Москва: Дашков и К°, 2020. — 280 с.
7. Шапиро, С. А. Основы управления персоналом в современных организациях. Экспресс-курс/С. А. Шапиро, О. В. Шатаева. — М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. — 400 с.
8. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. N 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях»
9. Приказ Роспатента от 16.04.2021 N 63 «Об утверждении Положения о дистанционной профессиональной деятельности федеральных государственных гражданских служащих Федеральной службы по интеллектуальной собственности»

Современные тенденции территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации

Халецкая Ксения Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Процессы, протекающие сейчас в сфере территориальной организации местного самоуправления в Российской Федерации, тесно связаны с многолетним опытом политико-административного деления страны.

Совокупность муниципальных образований в субъектах Российской Федерации очень изменчива. Причины всех этих изменений приводят к появлению новых муниципальных образований, к изменению границ между муниципальными образованиями, упразднению некоторых из действующих, к иным существенным изменениям их статуса.

В Российской Федерации для обозначения самоуправляемой территории используется термин «муниципальное образование». Так Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» раскрывает понятие муниципальное образование как — городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения [2]. При конкретизации каждого из этих видов можно сделать вывод, что Законодатель дает обобщенное понятие территории, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления.

Для каждого муниципального образования характерно наличие основных элементов:

1. Территория, в границах которой осуществляется местное самоуправление;
2. Население, а также выборные и иные органы местного самоуправления;
3. Муниципальная собственность, которая выступает в качестве материально-финансового обеспечения деятельности органов местного самоуправления.

Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляет следующие принципы определения границ муниципального образования:

1) Территория субъекта Российской Федерации разграничивается между поселениями. Исключения в данном случае составляют только территории с низкой плотностью сельского населения. Таким образом, не может быть территории субъекта Российской Федерации, на которой не осуществлялось бы местное самоуправление.

2) Территории всех поселений, за исключением территорий городских округов, а также возникающие на территориях с низкой плотностью населения межселенные

территории входят в состав муниципальных районов. Таким образом, выстраивается двухуровневая система местного самоуправления.

Однако каждый уровень муниципальных образований в данной системе является самостоятельным и имеет свои полномочия и финансовые источники их осуществления.

Объединение городских и сельских поселений в муниципальные районы преследует, во-первых, цель усиления их взаимодействия, сотрудничества. Так, органы местного самоуправления входящих в муниципальный район поселений, органы местного самоуправления муниципального района вправе заключать между собой соглашения о передаче друг другу осуществления части своих полномочий. Они могут учреждать межмуниципальные хозяйственные общества в форме закрытых акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, некоммерческие организации в форме автономных некоммерческих организаций и фондов. Во-вторых, названное объединение нацелено на специализацию полномочий муниципальных образований первого и второго уровней [2].

Определение территории, на которой будет осуществляться местное самоуправление, зависит от ряда критериев.

Рациональным решением является включение в перечень обязательных критериев при определении территории, на которой будет осуществляться местное самоуправление, наличие собственной налогооблагаемой базы, необходимой производственной и социальной инфраструктуры, муниципального имущества и минимального местного бюджета. При этом процесс определения границ муниципальных образований должен включать в себя действия, направленные на установление объективной основы для определения соответствующей территории муниципального образования, а также на обязательное выявление субъективного отношения жителей к предполагаемым территориальным преобразованиям [3].

В настоящее время наблюдается процесс сокращения общего количества муниципальных образований.

Так, если на 1 января 2018 году в Российской Федерации насчитывалось 21945 муниципальных образований, то на 1 января 2020 года их уже стало 20846.

Тенденцию по каждому виду можно проследить в таблице 1.

Из представленной выше таблицы видно, что за последние годы три вида муниципальных образований по своему количественному составу остаются неизменными, это такие виды как — городские округа с внутригородским делением, внутригородские районы и внутригородские территории (внутригородские муниципальные образования) городов федерального значения. Все

Таблица 1. Количество муниципальных образований в Российской Федерации 2018-2020 гг. [4]

	Муниципальные районы	Муниципальный округ	Городские округа	Городские округа с внутригородским делением	Внутригородские районы	Внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения	Городские поселения	Сельские поселения
01.01.2018	1758	-	588	3	19	267	1538	17772
01.01.2019	1731	-	611	3	19	267	1490	17380
01.01.2020	1673	33	632	3	19	267	1398	16821

остальные виды муниципальных образований изменили свой количественный состав.

Следует также отметить, что наметилась тенденция увеличения такого вида муниципального образования как городской округ, а также сокращения городских и сельских поселений. Кроме того, после законодательного закрепления нового вида муниципального образования — муниципального округа, данный вид стал востребованным и уже на начало 2020 года число таких муниципальных образований составило 33 шт.

Всё это свидетельствует о постепенном уходе от двухуровневой системы местного самоуправления, идет сокращение количества муниципальных образований поселенческого типа и увеличение количества городских и муниципальных округов, т.е. более крупных и централизованных. Всё это позволяет быть муниципальным образованиям более обеспеченными и привлекательными для инвесторов, однако постепенно уходит сама идея местного самоуправления, как самостоятельное решение населением вопросов местного значения.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»;
2. Макарец, А. А. Муниципальное право России: учеб. Пособие/А. А. Макарец, О. Н. Шерстобоев. — Новосибирск: НГТУ, 2013. — 283 с.;
3. Стрижкина, И. В. Укрупнение муниципальных образований — результат реформирования местного самоуправления на Алтае/И. В. Стрижкина. // Известия Государственного алтайского университета. — 2011. — № 2-1 (70). с. 325-330.;
4. Формирование местного самоуправления в Российской Федерации. — Текст: электронный // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263> (дата обращения 07.11.2021).

Гражданско-правовая ответственность исполнителя медицинских услуг

Хмелева Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент;
 Гуляева Анна Вячеславовна, студент магистратуры
 Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье поднимаются такие вопросы, как основание и условия наступления гражданско-правовой ответственности в отношении исполнителя медицинских услуг. Исследуемая тема актуальна, поскольку с каждым годом повышается количество судебных процессов, рассматривающих данную категорию дел. Актуальна тема также тем, что в теории и практике отсутствует единое мнение по поводу основания и условий ответственности врачей в рамках гражданско-правовых отношений. Помимо этого, еще одним поводом подробного рассмотрения мною данного вопроса

о медицинских услугах, послужило ухудшение здоровья населения и проблемы получения пациентами бесплатных медицинских услуг. Поскольку предметом медицинской деятельности являются жизнь и здоровье человека, юридической ответственности медицинского работника законодатель должен уделять должное внимание.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, исполнитель медицинских услуг, медицинская услуга.

Ученые-правоведы должное внимание уделяют институту гражданско-правовой ответственности, в частности в сфере оказания платных медицинских услуг. Гражданско-правовая ответственность — вид юридической ответственности, который наступает за совершение правонарушения и применяется с целью восстановления имущественных и личных неимущественных прав граждан.

Охрана жизни и здоровья регламентирована Конституцией РФ, в которой закреплено, что каждый имеет право на здоровье и бесплатную медицинскую помощь.

Основным нормативно-правовым актом в сфере медицинской деятельности является ФЗ от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В ч. 2 ст. 98 закреплено, что медицинские работники несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации за нарушение прав в сфере охраны здоровья, причинение вреда жизни и (или) здоровью при оказании гражданам медицинской помощи [1]. К другим документам, содержащим нормы, регламентирующие медицинскую деятельность, можно отнести Гражданский Кодекс РФ, Закон РФ «О защите прав потребителей» и др.

Гражданско-правовая ответственность — один из видов юридической ответственности. К признакам, характеризующим ответственность, можно отнести следующее [2]:

- 1) форма принудительного воздействия со стороны государства;
- 2) применяется строго после совершения правонарушения;
- 3) применяется только лицами или органами, уполномоченными на это;
- 4) применяется в виде санкций, предусмотренных законодательством.

Если непосредственно говорить о гражданско-правовой ответственности исполнителя медицинских услуг, то ее можно разделить на договорную и внедоговорную. В первом случае ответственность наступает в результате нарушения прав и обязанностей, установленных в договоре сторонами. Во втором же случае ответственность наступает в результате причинения вреда, связанного с нарушением прав человека, принадлежащие ему в силу закона. И договорная, и деликтная ответственность имеют общие основания и условия для наступления неблагоприятных последствий в отношении правонарушителя.

В сфере медицины чаще всего приходится сталкиваться с внедоговорной ответственностью. В случае причинения вреда в данной ситуации ответственность всегда носит односторонний характер, медицинское учреждение

обязано воздержаться от нарушения прав пациента. В гражданском праве ответственность за своих сотрудников несет работодатель, в данном случае медицинская организация.

Основание гражданско-правовой ответственности — правонарушение, в результате которого причинен вред личности либо его имуществу. При этом гражданско-правовая ответственность возникает при наличии совокупности следующих условий: противоправное поведение исполнителя медицинских услуг, наличие вреда, причинно-следственная связь между противоправным поведением и последствиями, вина исполнителя медицинских услуг [3].

Правонарушение в сфере медицинских услуг можно рассматривать как ненадлежащее исполнение требований законодательства, регламентирующего медицинскую деятельность, а также нарушение любых прав пациента, предусмотренных законодательством РФ.

Профессор Ю.Д. Сергеев в результате обобщения практики и литературы составил список обстоятельств, которые могут повлечь за собой ненадлежащую медицинскую помощь [4]:

- 1) нехватка медицинских познаний в вопросах лечения некоторых редких заболеваний;
- 2) непроверенные методы лечения и диагностики;
- 3) осуществление полномочий, не соответствующих уровню подготовки конкретного медицинского работника;
- 4) недостаточный уровень оснащения медицинской организации оборудованием;
- 5) особенности психофизиологического состояния медицинского работника (болезнь, крайняя степень переутомления) и др.

Противоправное поведение исполнителя медицинских услуг заключается в совершении действий, противоречащих требованиям законодательства, регламентирующих медицинскую деятельность. Можно выделить два основных признака, характеризующих противоправность: 1) сотрудник медицинской организации совершает действия, полностью или частично противоречащие нормам права; 2) осуществление своих обязанностей, не отвечающих необходимым условиям и качеству их выполнения. Противоправное поведение в большинстве случаев выражается в совершении активных действий, но нередко бывают случаи причинения вреда бездействием. Под бездействием следует понимать невыполнение действий, которые необходимо было совершить в силу закона или договора (например, неоказание помощи больному).

Другим немаловажным условием привлечения к ответственности является вред, который причиняется па-

циенту в результате неправомерного поведения исполнителя медицинских услуг.

К имущественному вреду можно отнести следующее:

- расходы, которые направлены непосредственно для восстановления нарушенного права;
- утрата или повреждение имущества;
- упущенная выгода, то есть доходы, которые лицо могло получить, если бы его право не было нарушено.

Бывает также моральный вред, который выражается в виде причинения нравственных страданий пациенту. Это может быть связано, например, с разглашением врачебной тайны, некачественным лечением.

Можно выделить некоторые особенности, относящиеся к вреду, причиняемому в области медицины. Например, обязательными субъектами с одной стороны будут являться пациенты, с другой стороны — медицинская организация.

При установлении компенсации морального вреда судам следует учитывать положения ст. ст. 151, 1099-1101 ГК РФ, а также ст. 15 Закона РФ «О защите прав потребителей».

Другим условием является установление причинно-следственной связи между вредом и противоправным поведением правонарушителя.

Бывают случаи, когда в результате множества причин возникает неблагоприятный исход лечения, и тогда следует установить, какую из причин можно назвать «судьбоносной». При разрешении судебных споров следует уделять должное внимание заключению судебно-медицинской экспертизы.

Четвертым условием для привлечения к гражданско-правовой ответственности является вина исполнителя медицинских услуг. Вина — психическое отношение лица к совершенным им действиям и наступившим последствиям. Если рассматривать медицинскую организацию в качестве субъекта, то следует сказать, что сама организация не может быть виновной, поскольку не наделена сознанием, эмоциями. Вина медицинской организации проявляется через неправомерное поведение её работников.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. № 27 (Ч. I), — Ст. 4219.
3. Высоцкая, Л. В. Основание и условия гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере оказания платных медицинских услуг // Территория науки. 2014. № 1. Ст. 149-156.
4. Сергеев, Ю. Д., Ерофеев С. В. Проблема ненадлежащего оказания медицинской помощи: методика изучения и актуальность. // Медицинской право. 2003. № 1. с. 3-5 Сергеев Ю. Д., Ерофеев С. В. Проблема ненадлежащего оказания медицинской помощи: методика изучения и актуальность. // Медицинской право. 2003. № 1. с. 3-5.
5. Устиненко, Ю. Ю. Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 7. Ст. 138-141.

Бывают случаи, когда ответственность работников медицинских организаций наступает без наличия вины, так называемая безвиновная ответственность. В данных ситуациях следует прибегнуть к положениям, закрепленным в п. 3 ст. 401 ГК РФ. Исходя из данного пункта необходимо сказать, что лицо, которое осуществляет предпринимательскую деятельность и ненадлежащим образом исполняет свои обязанности, будет привлечено к ответственности, если не докажет свою невиновность [5].

Договорная ответственность. Согласно п. 2 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг под платными медицинскими услугами понимаются такие услуги, которые предоставляются на возмездной основе гражданам за счет их личных средств на основании договора.

Ответственность исполнителя медицинских услуг в данном случае регламентируется общими правилами ГК РФ и Законом «О защите прав потребителей». Ответственность врача является обязательным условием договора на оказание медицинской помощи, заключенным между пациентом и лечебно-профилактическим учреждением. Обстоятельства договора, заключенного между пациентом и медицинской организации, должны быть исполнены в полном объеме и надлежащим образом. Если были нарушены сроки оказания медицинских услуг, пациент вправе требовать установления нового срока, либо снижения стоимости услуги, либо замену медицинского работника. Также на медицинской организации лежит обязанность по уплате потребителю неустойки.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что нормативное урегулирование гражданско-правовой ответственности в большей степени гарантирует соблюдение и обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья. В зависимости от квалификации медицинских работников и соблюдении ими своих профессиональных обязанностей будет зависеть эффективность медицинской помощи.

Защита прав детей в случае уклонения одного из родителей от исполнения решения суда о месте проживания ребёнка

Шамбулин Александр Анатольевич, студент

Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова (г. Чебоксары)

В российском законодательстве установлено равенство прав и обязанности родителей. Согласно семейному законодательству, все вопросы, касающиеся определения места жительства детей, осуществления родительских прав, воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию. Одно из самых важных прав ребенка предусмотрено статьей 54 Семейного кодекса Российской Федерации — право жить и воспитываться в семье. Именно семейное воспитание позволяет обеспечить нормальное физическое, нравственное, интеллектуальное и социальное развитие ребенка, стать ему полноценным членом общества. Права ребёнка в семейных правоотношениях неразрывно связаны с правами и обязанностями его родителей и других родственников. Ребенок имеет право на общение с обоими родителями, бабушкой, дедушкой, братьями, сестрами и другими родственниками. Расторжение брака родителей, признание его недействительным или раздельное проживание родителей не влияют на права ребенка. Но на практике расторжение брака между родителями или наличие конфликта между родителями, находящимися в браке, влечёт за собой затяжные споры о том, с кем будет проживать ребёнок, как родителю, который проживает отдельно от ребёнка, осуществлять свои родительские права, как обеспечить общение ребёнка или детей с другими родственниками, как вести себя в ситуации если один из родителей негативно настроивает его по отношению к другому? Согласно семейному законодательству, все вопросы, касающиеся определения места жительства детей, осуществления родительских прав, воспитания и образования детей, решаются родителями по их взаимному согласию. Если согласия достигнуть не удалось, то конфликт придется разрешать в суде. Но даже вынесенное судебное решение о порядке общения с ребёнком или месте проживания ребёнка, не гарантирует соблюдение интересов и защиту прав ребёнка (детей).

Родительские споры, по которым приняты судебные решения, плавно переходят в стадию споров с участием службы судебных приставов.

К сожалению, в Российской Федерации нередко встречаются случаи, когда один из родителей, несмотря на наличие судебного решения об определении места проживания с ребёнком, увозит ребёнка в неизвестном направлении, иными словами «похищает» его. Самовольное изъятие ребенка из привычного домашнего окружения, в котором для него созданы благоприятные условия, есть близкие ему родные, любимые игрушки, негативно отражается на детях и их родителях. В семейном

праве установлено равенство прав и обязанностей родителей и отсутствует определение понятия «похищение ребенка одним из родителей».

В российском законодательстве отсутствует возможность привлечь к ответственности родителя за похищение собственного ребёнка, если он не лишён родительских прав. А вот в уголовном законодательстве ряда стран предусмотрена ответственность за похищение одним из родителей своего ребёнка. Например, в таких странах, как Франция, КНР, Таиланд, Польша, Турция, Литва, Белоруссия, Болгария такие действия могут повлечь за собой лишение свободы на длительный срок. Что, на мой взгляд, обусловлено необходимостью защиты прав и законных интересов детей, получающих существенный вред в результате незаконных действий своих родителей.

В России не ведется статистический учет детей, похищенных одним из родителей. Информацию об обращении граждан за защитой права ребёнка жить и воспитываться в семье можно получить в отчётах уполномоченных по правам ребёнка в субъектах Российской Федерации. Уполномоченные по правам ребёнка в субъектах Российской Федерации принимают активное посильное участие в таких спорах.

Очень часто встречаются такие ситуации: суд вынес решение об определении места жительства ребёнка с одним из родителей и определил порядок общения ребёнка с отдельно проживающим родителем, а второй родитель на законных основаниях забрал к себе ребёнка и не отдаёт второму родителю, скрывается и препятствует их общению. Таких ситуаций довольно много, о них часто пишут в средствах массовой информации. Это очень травматично, тяжело эмоционально переживается другим родителем и самим ребёнком, особенно если ребёнок совсем маленький.

Но самое сложное заключается в том, что, столкнувшись с неправомерными действиями родителя, другому родителю защитить свои права и права ребёнка очень и очень сложно.

В таком случае родитель подаёт заявление розыске ребенка, укрываемого одним из родителей. Но на практике такой розыск сопряжен с определенными трудностями и может длиться годами. Осуществление розыска судебными приставами происходит только при наличии у второго родителя и ребенка постоянной или временной регистрации, а также запросе информации из органов управления образованием. Если родитель, уклоняющийся от исполнения решения суда о незамедлительной передаче ребенка другому родителю, не имеет постоянной или временной прописки, ребенок не посещает образовательную

организацию, розыск фактически, как показывает практика, не осуществляется.

Так, например, к уполномоченному по защите прав ребёнка в Пермском крае в 2017 обратилась мама малолетней девочки с просьбой оказать в исполнении решения суда о передаче ей на воспитание дочери, так как отец ребенка в течение длительного времени уклоняется от исполнения решения суда, формально регистрирует ребёнка в одном районе Пермского края, затем в другом, при этом сам отец с ребёнком проживает в другом субъекте, образовательное учреждение девочка не посещала. В результате, исполнительное производство затянулось на несколько лет ни мать ни её родственники не видели много лет девочку, не могли принимать участие в её воспитании. В результате обращения уполномоченного по правам ребёнка в Пермском крае служба судебных приставов разыскала отца ребёнка, при этом он предоставил заключение психолога о том, что девочка привязана больше к отцу, что объясняется тем, что она в течение многих лет просто не видела свою мать. Психолог пришёл к выводу что передача ребёнка в данный момент матери приведёт к его травмированию [7, с. 50].

В этом случае действия должника по исполнительному производству (отца ребёнка) грубо нарушали права своей дочери на общение с матерью и другими близкими родственниками, а затянувшееся исполнительное производство о передаче ребёнка в данной ситуации привело к нарушению прав ребёнка.

К сожалению, в практике судебных приставов такие ситуации встречаются довольно часто.

Порядок действий судебных приставов в случае уклонения одного из родителей от передачи ребёнка в российском законодательстве не закреплён.

Очень многое зависит от добросовестности и активности действий судебных приставов.

Такие случаи довольно широко освещаются в средствах массовой информации, так в издании «Московский Комсомолец» психолог Александр Сухотин, работающий вместе с судебными приставами, поведал о нескольких таких историях. Мать 5 лет искала ребёнка, которого похитил отец, бывший сотрудник ФСО, ребёнок не посещал образовательное учреждение, жил с отцом и бабушкой в частном доме, отец запретил ему контактировать с другими людьми, выходил на улицу только ночью и соответственно отставал в развитии. Психологу и приставам двенадцатилетний мальчик заявил, что не хочет никуда ехать и желает остаться с отцом. Понятно, что такое желание противоречит интересам ребёнка и в силу особенностей развития он уже не в состоянии самостоятельно определить, что для него хорошо, а что плохо. Психолог пришёл к выводу, что ребёнку нужна длительная реабилитация, которая, к счастью, прошла успешно, мальчик вернулся к маме [6].

В данной ситуации также длительное исполнение требования о передаче ребёнка привело к существенному нарушению прав несовершеннолетнего, психика несовершеннолетнего значительно пострадала.

Поэтому в законодательстве об исполнительном производстве необходимо чётко регламентировать порядок действий службы судебных приставов в случае «похищения» ребёнка своим родителем.

По словам Ю. Беловой заместителя главного судебного пристава Волгоградской области найти таких родителей беглецов довольно несложно. Местонахождение разыскиваемых детей устанавливается довольно быстро, проблемы возникают в случае родитель активно перемещается из одного субъекта в другой субъект РФ в таком случае приходится постоянно обращаться к помощи МВД, и пока МВД передаст им информацию родитель успевает скрыться. эту проблему можно решить расширением полномочий службы судебных приставов и наделением её статуса субъекты оперативно-розыскной деятельности [8].

Ещё один эпизод из практики деятельности уполномоченного по правам ребёнка в Пермском крае: В октябре 2020 года в ходе личного приема в адрес Уполномоченного обратилась гражданка В. с жалобой на бездействие судебного пристава-исполнителя ОСП Орджоникидзевского района города Перми в части исполнения решения суда об определении места жительства ее несовершеннолетней дочери, 2014 г. р. В обращении заявитель сообщила, что в 2017 году решением суда был определен порядок общения отца с дочерью, в 2018 году вынесено решение об определении места жительства с матерью. Со слов заявителя, отец неоднократно не исполнял оба решения суда: забирал дочь и оставлял у себя в квартире ночевать, что не установлено порядком общения, забирал ребенка на выходные без ведома и согласия матери. 10 июля 2020 года я передала исполнительный лист в ОСП Орджоникидзевского района города Перми в целях принудительного исполнения решения Индустриального районного суда города Перми об определении места жительства несовершеннолетней дочери. До сих пор ОСП в лице судебного пристава-исполнителя не приняли меры по исполнению решения суда. По ходатайству Уполномоченного по правам ребенка в Пермском крае в адрес Управления Федеральной службы судебных приставов по Пермскому краю передача несовершеннолетнего ребенка заявителю была осуществлена 28 декабря 2020 года [5, с. 65].

И хотя в законодательстве предусмотрена возможность привлечения родителей, не исполняющих решение суда к ответственности по статье частью 2 статьи 5.35 КоАП РФ, в данном конкретном случае отец так и не был привлечён к ответственности.

Таким образом, для защиты прав и интересов детей в случае похищения ребёнка или детей одним из родителей, на мой взгляд, необходимо ввести уголовную ответственность родителя не исполняющего решение суда об определении места жительства ребёнка, поскольку в таких ситуациях психика ребёнка может значительно пострадать.

Поскольку в случае розыска родителя (должника), который длительное время скрывал своего ребёнка от другого родителя (взыскателя), ребёнок успевает забыть другого родителя, то необходимо в законодательном порядке

предусмотреть механизм общения ребёнка с другим родителем для того, чтобы ребёнок смог привыкнуть к нему.

Необходимо разработать методические рекомендации для службы судебных приставов, касающиеся конкретно

поиска и передачи детей, на данный момент поиск детей осуществляется в соответствии с методическими рекомендациями, регламентирующими исполнительный розыск.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 01.01.1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 08.10.2007. — № 41. — Ст. 4849.
4. Письмо ФССП России «Методические рекомендации по организации и производству исполнительного розыска в Федеральной службе от 18.04.2014 N 0014/10 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20 ноября 2017 года).
5. Денисова, С. А. О соблюдении и защите прав и законных интересов ребенка и деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Пермском крае в 2020 году: Ежегодный доклад/Уполномоченный по правам ребенка в Пермском крае. — Пермь, 2021. — 202 с.
6. Меркачёва, Е. Работники из детского ада: как судебные приставы изымают детей // Московский Комсомолец № 27662 от 14 апреля 2018.
7. Миков, П. В., Осипова Е. Н. Обеспечение прав ребенка на общение и воспитание с бывшими супругами и иными членами семьи: проблемы правового регулирования и правоприменительной практики. // В сборнике: Примирительные процедуры (медиация) в социально-правовой сфере: теория, практика урегулирования споров, перспективы развития. Ответственный редактор В. А. Леденцова. 2017. с. 49-55.
8. Шеремет, Л. Не поделили. Как приставы ищут детей, похищенных собственными родителями // Аргументы и Факты» № 28. От 13.07.2016.

Особенности квалификации террористического акта

Швецов Никита Сергеевич, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассмотрены особенности квалификации террористического акта в сравнении со смежными составами преступлений, так как часто при квалификации совершенного деяния, по внешним признакам похожим на теракт, подразумевается иное противоправное деяние, однако ввиду схожести в объективной стороне преступления и ее непроработке при квалификации, правоприменители могут допустить соответствующие ошибки.

Ключевые слова: особенности квалификации, смежные составы с терактом, террористический акт, Уголовный кодекс Российской Федерации.

В современном мире существует высокая степень общественной опасности терроризма, которая требует соответствующих мер по борьбе с ней. На данный момент существует большое количество нормативно-правовых актов, которые относятся к проблеме терроризма — это, например, Берлинская декларация мэров Берлина, Лондона, Москвы и Парижа, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма и иные. В Российской Федерации вопросы, которые касаются терроризма закреплены в следующих правовых источниках — Федеральный закон: «О противодействии терроризму», Федеральный закон: «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем,

и финансированию терроризма», а также глава 25 УК РФ закрепляет ряд норм, направленных на противодействие терроризму [1].

Квалификация преступления есть правовая оценка совершенного противоправного деяния, которое содержит в себе признаки, соответствующие признакам того или иного состава преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

На практике правоприменители сталкиваются с тем, что некоторые совершенные деяния имеют признаки нескольких похожих по своей структуре составов преступлений. В этом случае возникает конкуренция уго-

ловно-правовых норм. Тогда необходимо правильно применять правила конкуренции норм при отграничении смежных составов преступлений.

Так террористический акт имеет схожесть с такими составами преступлений как убийство общеопасным способом или убийство двух и более лиц, диверсия, действия, направленные на насильственное изменение либо свержение конституционного строя или на захват государственной власти.

Дефиниция понятия террористического акта содержится в части 1 статьи 205 УК РФ и представляет собой «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями» [2]. Дефиниция понятия диверсии закреплена в части 1 статьи 281 УК РФ — «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации» [3]. Таким образом, мы видим, что между двумя составами есть схожесть в объективной стороне преступления. Однако можно выделить следующие различия между террористическим актом и диверсией: диверсия включает в себя лишь прямое совершение указанных в понятии действий, теракт же включает также и угрозу совершения указанных действий; целью диверсионных актов является ослабление государства, подрыв его экономической безопасности и обороноспособности, дестабилизация деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки, тогда как цель террористического акта состоит в оказании воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него и иные различия.

Различия между террористическим актом и диверсией заключается и в моменте окончания преступления. Так при диверсии преступление считается оконченным с момента совершения взрывов, поджогов и иных действий,

направленных на разрушение или повреждение объектов диверсии тогда, как террористический акт считается оконченным с момента совершения действий, предусмотренных диспозицией части 1 статьи 205 УК РФ, в том числе и угрозы совершения таких деяний [4].

Разграничивая террористический акт от убийства двух и более лиц или от убийства, совершенного общеопасным способом, необходимо помнить о том, что является основным объектом при теракте — общественный порядок и общественная безопасность, а жизнь и здоровье личности является факультативным объектом, то есть объектом, которому причиняется вред в том числе, когда как при убийстве основным объектом является жизнь и здоровье личности. Также при террористическом акте лицо, его совершившее, выбирает не конкретную личность, а не ограниченный круг лиц, в случае же с убийством напротив жертва изначально известна злодею.

Нередки случаи, когда отождествляют два понятия терроризм и террористический акт. Различие их заключается в том, что терроризмом признается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [5]. А террористический акт подразумевает под собой совершение конкретных действий или же угрозу их совершение. Также можно говорить и том, что терроризм включает в себя понятие террористического акта, так как Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» регулирует обзор не только террористического акта, но и иных преступлениях террористической направленности, например, содействие террористической деятельности, статья 205.1 УК РФ; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, статья 205.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что при квалификации террористического акта правоприменителю необходимо уделять большое внимание признакам совершенного преступления, его составу, так как может быть совершено преступление, которое хоть и по внешним признакам похоже на террористический акт, однако таковым не является.

Литература:

1. Подройкина, И.А. Общие преступления против общественной безопасности/И.А. Подройкина. — Текст: электронный // Юрайт: [сайт]. — URL: <https://urait.ru/viewer/ugolovnoe-pravo-osobennaya-chast-v-2-t-tom-2-449243#page/15> (дата обращения: 08.11.2021).
2. Террористический акт. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/43942021d9206af7a0c78b6f65ba3665db940264 (дата обращения: 08.11.2021).
3. Диверсия. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/26760b317cab8b7c84154df406492379d8f6abf1/ (дата обращения: 08.11.2021).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 09.11.2021).
5. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/4fdc493704d123d418c32ed33872ca5b3fb16936/ (дата обращения: 09.11.2021).

Административная ответственность за правонарушения, выявленные с помощью специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений

Шерстобоев Олег Николаевич, кандидат юридических наук, доцент;
Карпышина Елена Юрьевна, студент магистратуры
Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Анализируются частые вопросы применения административной ответственности за правонарушения, выявленные с помощью специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений.

Ключевые слова: административная ответственность, дорожно-транспортное происшествие, средства фиксации правонарушений.

По данным Госавтоинспекции МВД России за последние пять лет, неизменным остаётся факт преобладания административных правонарушений, связанных с фактами нарушения ПДД, перед иными административными правонарушениями. Так, с 2017 по 2021 год включительно статистический показатель колеблется в пределах от 80 до 88 процентов, что указывает на необходимость совершенствования не только механизма выявления и расследования таких правонарушений, но и их профилактики [3, с. 260].

В рамках приведённых тезисов актуальность заявленной в заголовке темы не вызывает сомнений. Наличие специальных технических средств автоматической фиксации правонарушений не только существенно снижает возникновение потенциально конфликтных ситуаций между субъектов административных правоотношений, но и выступает в качестве профилактики совершения лицами административных правонарушений.

Так, в результате ряда исследований, проведённых в 2019 году на участках дорог, на которых установлены камеры, позволяющие фиксировать факт превышения водителем скорости, количество зафиксированных правонарушений снизилось на 10-15 процентов по сравнению с периодом, когда такой камеры не было установлено [5, с. 24].

Более того, наличие большого количества таких технических средств, имеющих функции фото- и киносъёмки, видеозаписи, или средства фото- и киносъёмки видеозаписи (далее — ТСАФ) привело к тому, что в настоящий момент более двух третей правонарушений в сфере нарушения правил дорожного движения выявляются именно

таким способом. Так, в 2020 году такими средствами зафиксировано 60,9 млн. нарушений ПДД, что, чуть больше чем на 20%, превышает показатель 2019 года.

Более того, использование ТСАФ позволяет надлежащим образом исполнять ряд принципов административно-деликтного права, в том числе принцип неотвратимости наказания, и исключения ряда субъективных факторов (в том числе коррупционных), которые могут препятствовать наступлению последствий в виде привлечения к ответственности лица, совершившего правонарушение [4, с. 73].

Однако, несмотря на все перечисленные нами достоинства данных средств, нельзя говорить об универсальности и беспроблемности их использования.

В первую очередь, внедрение таких средств потребовало серьёзных изменений в функционировании механизма административной ответственности, в целом, и проведения административного расследования, в частности. И, несмотря на то, что с момента внедрения данных изменений в законодательство, прошло более десяти лет, правоприменители до сих пор продолжают формировать практику их имплементации.

Так, одним из дискуссионных вопросов по-прежнему являются положения части 3 статьи 1.5 и части 2 статьи 2.6.1. КоАП РФ, устанавливающие изъятия из принципа презумпции невиновности применительно к административным деликтам в области дорожного движения, фиксируемых ТСАФ [2, с. 82].

Так, нами были изучены более двадцати приговоров, в которых субъект отрицал свою виновность, приводя различные аргументы (в том числе видеозаписи, подтверждающие невозможность его присутствия на месте

совершения правонарушения), несмотря на то что факт правонарушения был зафиксирован ТСАФ [6, с. 220].

Интерес при изучение данных приговоров вызывает, в том числе, тот факт, что не всегда ТСАФ, в силу различных обстоятельств (технических или природных) может зафиксировать субъекта, совершающего правонарушения в надлежащем качестве. Так, нами был рассмотрен случай, когда лобовое стекло машины, превышающей значение скорости, допустимое на конкретном участке дорожного полотна, было полностью залеплено снегом, что не позволяет с точностью определить, кто именно находился за рулём.

Безусловно, было бы несправедливо сказать, что данные факторы не влияют на решение по делу, так как, чаще всего, именно они выступают в качестве основной причины для пересмотра решения, однако, данный факт, указывает на наличие проблемы теоретического характера, которая в значительной мере усложняет практикоприменение.

Ещё одной проблемой применения ТСАФ выступает то, что по прошествии определенного количества времени с момента установки комплекса у водителей транспортных средств появляется «эффект привыкания». Это приводит к тому, что водители, зная о месте расположения комплекса, принимают меры к снижению скорости движения в зоне его работы с последующим превышением скоростного режима, минуя стационарный комплекс. Безусловно, данный факт отражает социальную сторону правоприменения, но также нуждается в более тщательном комплексом изучения специалистами из разных областей [1, с. 70].

Таким образом, можно дать следующие рекомендации, способствующие разрешению выявленных проблем и совершенствованию практикоприменения ТСАФ в качестве средств фиксации правонарушений:

Литература:

1. Баранчикова, М. В., Мальцева, Т. В. Особенности профилактики и обеспечения неотвратимости ответственности в сфере дорожного движения при применении средств автоматической фиксации превышения скорости // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2017. — № 1 (27). — с. 70-74.
2. Болеев, А. А. Тактика осмотра места дорожно-транспортного происшествия на участках искусственных дорожных сооружений с применением технических средств фиксации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — № 6. — с. 80-83.
3. Верзилин, С. В. Состояние и перспективы развития региональной системы безопасности дорожного движения с применением средств автоматической фиксации административных правонарушений // Вестник ВИ МВД России. — 2021. — № 4. — с. 257-268.
4. Кисляков, С. В. Использование информации с камер видеонаблюдения на первоначальном этапе расследования дорожно-транспортного преступления // Академическая мысль. — 2018. — № 2 (3). — с. 72-74.
5. Копыл, Д. В., Шубакин, А. А., Поделякин, А. А. Профилактика дорожно-транспортных происшествий // Журнал «Безопасность дорожного движения». — 2021. — № 1. — с. 21-25.
6. Такмакова, Ю. В. Некоторые проблемы использования средств видеофиксации нарушений правил дорожного движения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2020. — № 2 (93). — с. 218-226.

Принять акт толкования, в котором дать рекомендации относительно применения положений части 3 статьи 1.5 и части 2 статьи 2.6.1. КоАП, устанавливающих изъятия из принципа презумпции невиновности применительно к административным деликтам в области дорожного движения, фиксируемых ТСАФ, что будет способствовать единообразию судебной практики;

Принять методические рекомендации по установке ТСАФ, разработанные при участии специалистов не только из области правовых исследований, но социологических и психологических, что способствовало бы комплексному применению стационарных и передвижных комплексов фотовидеофиксации.

Таким образом, при изучении рассматриваемой темы были найдены некоторые спорные вопросы, однако, как уже упоминалось в начале, административно-деликтное законодательство, как и любая отрасль права, способно чутко реагировать на правоприменительную практику, подстраиваясь под те или иные нужды граждан, поэтому здесь камнем преткновения является лишь вопрос оперативности внесения изменений в действующее законодательство.

Кроме того, так как одним из основных принципов реализации Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы является приоритет использования современных технологий в деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения (интеллектуальных транспортных систем, глобальных навигационных систем, систем автоматизации процесса управления, а также активной и пассивной безопасности транспортных средств, иных перспективных систем, позволяющих качественно влиять на предупреждение и снижение тяжести последствий ДТП), по нашему мнению, рассмотрение рассмотренных нами проблем является вопросом нескольких ближайших лет.

ИСТОРИЯ

Бенджамин Франклин — первый публичный дипломат в истории Соединенных Штатов Америки

Фофанова Анна Романовна, младший научный сотрудник
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Статья посвящена рассмотрению деятельности Б. Франклина в качестве представителя Соединенных Штатов во Франции в период Войны за независимость. Автор делает вывод о том, что миссия одного из «отцов-основателей» может быть рассмотрена как первое проявление публичной дипломатии молодой американской республики.

Ключевые слова: США, американская революция, Война за независимость, Б. Франклин, отцы-основатели, публичная дипломатия.

С подписанием Декларации независимости США 4 июля 1776 года начался новый этап во внешней политике молодой республики, который в историографии получил название «эры милицейской дипломатии» [5, с. 24]. Одним из вдохновителей идеи милицейской дипломатии был Джон Адамс. Он призывал к отказу от традиционных европейских дипломатических практик, в том числе от правил «назначать послов только в те страны, с которыми уже установлены дипломатические отношения, причем, только тех послов, на аккредитацию которых уже имелся агреман» [3, с. 33]. Американские посланники, предшественники профессиональных дипломатов, отправлялись к иностранным дворам от Парижа до Санкт-Петербурга в целях поиска поддержки американской революции. В попытках заручиться поддержкой Испании в 1779 году ко двору монарха была направлена дипломатическая миссия во главе с Джоном Джеем, в 1781 году Континентальный конгресс принял решение об отправке Фрэнсиса Дейны в Россию и Дж. Адамса в Нидерланды. Ранее, в декабре 1776 года Бенджамин Франклин отправился в качестве уполномоченного Соединенных Штатов во Францию, где уже неофициально находились Сайлас Дин и Артур Ли. Перед американскими посланниками к европейским дворам стояла задача не только искать поддержку для молодой американской республики в Европе, не только информировать о состоянии дел в Старом Свете, расстановке сил на международной арене и отношении к Соединенным Штатам, но и работать над продвижением идей американской революции в среде европейской общественности.

Во Франции Франклин, уже широко известный публике по «Альманahu бедного Ричарда», сумел заслужить репу-

тацию просветителя, олицетворения «дела» американских революционеров. Ум, оригинальная манера поведения сделали Франклина объектом внимания французских интеллектуалов, включая Вольтера и других ученых, а масонская ложа присвоила ему титул гроссмейстера [4, с. 8].

Анализ корреспонденции Б. Франклина доказывает, что он стал одним из тех, кого по праву можно назвать основателем американской публичной дипломатии. Для Б. Франклина, страна — прежде всего люди, не правительство, и именно с людьми необходимо искать понимания, дружбы. Поэтому, американский представитель стремился погрузиться в французское общество, общаясь с местными интеллектуалами, буржуа в разнообразных французских салонах. Стоит отметить, то идея о необходимости «рекламировать» Америку, американское общество и стиль жизни местных жителей в рассматриваемый период становится особенно актуальной, в XVII-XVIII вв. в континентальной Европе было распространено довольно негативное отношение к североамериканским колониям, Новый Свет многими воспринимался не как земля надежды на новое начало, а как дикое и враждебное пространство, заселенное преступниками, авантюристами, ищущими лучшей доли. В этом смысле показательна работа Жоржа-Луи Леклера, графа де Бюффона, который в своей «Натуральной истории» указывал, что североамериканский континент был местом упадка вследствие специфики климатических условий [6, с. 23].

Под публичной дипломатией стоит понимать комплекс внешнеполитических мер, направленных на изучение, информирование и создание позитивного зарубежного общественного мнения в отношении определенного государства. Американский исследователь

Николас Кулл отмечает, что эффективность публичной дипломатии зависит от способности государства, применяющего публичную дипломатию, «слушать» иностранную аудиторию, изучать сигналы, мнения, идущие со стороны зарубежного общества. На основе полученной о себе информации извне государство должно проводить информационную кампанию с целью коррекции своего имиджа в иностранном обществе и диалога с теми, кто высказывал отрицательные и положительные суждения [2].

Прибыв в Париж Франклин принялся «слушать» иностранную аудиторию, собирать информацию о состоянии дел в Париже, о степени расположенности французского двора к восставшим колонистам, о настроении во французском обществе. Дж. Адамс по этому поводу отмечал: «Сразу после завтрака Б. Франклин начинал встречи с совершенно разными людьми, философами, учеными, экономистами, литераторами. На встречах присутствовали женщины и дети, пришедшие поглазеть на него. Подобные собрания занимали почти все его дневное время вплоть до ужина. Каждый вечер он был приглашен на званые вечера и никогда не отказывался от визита» [7, с. 51]. Услышанное американский представитель во Франции в деталях сообщал в своих отчетах Континентальному конгрессу, отмечая при этом, что французы находились под серьезным влиянием английской прессы, обличавшей восставших колонистов. Основным методом борьбы с британской пропагандой Б. Франклин считал достоверное информирование французского общества о состоянии дел в Соединенных Штатах. По инициативе «отца-основателя» на страницах европейских газет были напечатаны Декларация независимости, Статьи Конфедерации, сочинения Томаса Пейна, экономические исследования о положении дел в восставших колониях.

В XVII-XVIII вв. становятся чрезвычайно важной вехой в развитии научного знания, в осознании сущности науки, ее значимости для общества и государства в продвижении его интересов и повышения авторитета на международной арене. XVII век — время появления

первых научных кружков, обществ, академий. Одна из первых научных академий — Академия деи Линчие возникла в 1603 году в Риме, в 1652 году в г. Швайнфург образовывается «Общество испытателей природы», в 1662 г. — «Лондонское королевское научное общество» [1, с. 8-10]. Ярким явлением научной жизни рассматриваемого периода становится наднациональное научное объединение «Республика писем», куда входили видные ученые Европы и Нового Света, общавшиеся друг с другом преимущественно по переписке. Членом общества был и Б. Франклин, его эксперименты с электричеством вызывали интерес научного сообщества, что также, в конечном счете, способствовало развитию дипломатической карьеры «отца-основателя». В своих письмах к коллегам-ученым он также описывал положение дел в молодой американской республике, политике Великобритании. В частности, в переписке 1776-1777 гг. с Яном Игенхаузом, голландским и английским физиологом, Франклин изложил причины, побудившие колонии к восстанию против метрополии. Американец также поддерживал переписку с французским ученым Антуаном Лораном Лавуазье, экономистом Анном Робером Жаком Тюрго.

Б. Франклин — один из наиболее ярких и неординарных деятелей эпохи Войны за независимость, писатель, ученый, политик. В американской историографической традиции принято несколько абсолютизировать его образ, отмечая безусловно лучшие стороны его исторической личности, европейская историография, в частности французская, куда более сдержанно описывает пребывание Франклина во Франции в период борьбы за независимость США, однако очевидным остается факт, что модель его поведения в качестве представителя молодой республики за рубежом качественно отличалась от его коллег. Рассмотрение «отца-основателя» как первого американского публичного дипломата расширяет наше представление об эпохе Американской революции, меняет наше понимание истоков американской публичной дипломатии, история которой традиционно рассматривается лишь с XX века [2].

Литература:

1. Девятова, С.В., Купцов В.И. Возникновение первых академий наук в Европе // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 1. — с. 132-150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-pervyh-akademiy-nauk-v-evrope> (дата обращения: 06.11.2021).
2. Кубышкин, А.И. Публичная дипломатия США. Учебное пособие. — М.: Аспект Пресс, 2013. Режим доступа: https://ozlib.com/849189/sotsium/politologicheskie_kontseptsii_izuchenii_publich_noy_diplomatii
3. Трояновская, М.О. Дискуссии по вопросам внешней политики США в конце XVIII века. — М.: Весь мир, 2010.
4. Graebner, N. Ideas and Diplomacy: Readings in the Intellectual Tradition of American Foreign Policy. — Oxford: Oxford University Press, 1964.
5. Hilton, R. Worldwide Mission. The Story of the United States Foreign Service. — N. Y., Cleveland: World Publishing, 1970.
6. Krenn, M. L. The History of United States Cultural Diplomacy: 1770 to the Present Day. — L., Oxford, N. Y.: Bloomsbury Publishing Plc, 2017.
7. Schindler, C. E. The Origins of Public Diplomacy in US Statecraft. Uncovering a Forgotten Tradition. — Washington: Palgrave Macmillan, 2018.

8. Девятова, С. В., Купцов В. И. Возникновение первых академий наук в Европе // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-pervyh-akademiy-nauk-v-evrope> (дата обращения: 06.11.2021).

ПОЛИТОЛОГИЯ

Fundamentals of Effective Transboundary River Governance

Ukumatshoeva Farangis Akramshoyevna, student master's degree
Kazakh-German University (Almaty, Kazakhstan)

Keywords: water governance, institutional mechanisms, cooperation, transboundary river, management regime

Introduction

Transboundary water resources management has a great impact on the social and economic growth of the population of the states, diplomatic interstate relations, and the development of the region as a whole. In this regard, many developing and middle-advanced countries of the regions, in order to promote the economic growth of their countries to effectively use transboundary water resources and preserve the quality of the environment began to introduce different institutional governance mechanisms to support interconnection with each other. Consequently, the Central Asian (CA) region still needs stronger cooperation at the interstate and regional levels to manage water resources in transboundary rivers.

This paper aims to identify the theoretical concepts of water governance, the effectiveness of institutional architecture and their significance in actual situations, and their impact on transboundary water regimes and cooperation.

This study is considered by analyzing the theoretical concepts and existing practices operating within these theoretical concepts and current institutional mechanisms in the context of transboundary water management of foreign countries. At the heart of good transboundary water management is an institutional architecture that effectively coordinates sustainable economic development and conservation, promotes equitable use, and strengthens regional security (G. S. Hearn et al., 2014).

1. The significance of water governance

By the water governance, two meanings need to be distinguished, such as normative and analytical. Governance relates to a separate analytical procedure of regulation and coordination. It is an analytical method that is used to characterize and estimate actuality. The concept of governance is aimed at analyzing the development of reality, and responding to changes in reality that require new approaches in analysis. On this basis, regulation and control are conducted in an interconnected way between national government authorities at local levels, transnational organizations, civil society, and private stakeholders, and all these levels are included in the term «multilevel governance» (Sehring, J. 2009).

The interpretation of water governance, expressed by the Global Water Partnership and later accepted and amended by the UN is (Sehring, J. 2009): «the governance of water in particular can be said to be made up of the range of political, social, economic and administrative systems that are in place, which directly or indirectly affect the use, development and management of water resources and the delivery of water services at different levels of society. Governance systems determine who gets what water, when and how and decide who has the right to water and related services and benefits» (Sehring, J. 2009. 62).

The water governance hangs not only on specific institutions as well on governance context. Water governance includes all political and socio-economic structures, as well as formal and informal laws and mechanisms that affect water use and allocation. Moreover, the government, civil society, and the private sector are all participating.

The current water issues in Central Asia are a consequence of the failed concept of sustainable water management. Managing Central Asia's transboundary waters need understandable and extensive rules that are adaptable enough to address present and upcoming issues for the regional water field (Barbara, J. P. 2014). Preserving basic legal standards for transboundary water management is a path to ensure the regional sustainability, progress, as well as relate beneficial inter-state collaboration across Central Asia and Afghanistan.

The management of transboundary watercourses, including Central Asia, requires fundamental principles reflected in interstate treaties on aquatic legislation as well as in customary aquatic legislation. In Central Asia, the procedures and principles on equitable and reasonable utilization of waters, the absence of significant harm, the principle of cooperation, and the general rules and law for the determination of the duties of States still need to be supplemented (Barbara, J. P. 2014). A prerequisite for the implementation of equitable, reasonable, and minimally harmful management of transboundary waters is the obligation of state cooperation under the UN-Water Convention. Since the collapse of the Soviet Union, independent state water regimes and in-

terstate cooperation in transboundary river management have been established in Central Asia and still need to be improved. States can combine the use of numerous tools, especially on information exchange and consultations (Barbara, J. P. 2014). In States» obligations, regardless of the conclusion of the agreement, they intend to give notice of planned actions that are capable of causing significant transboundary harm. But such partnership frameworks are absent from the practice of transboundary water management agreements in Central Asia (Barbara, J. P. 2014).

A large number of organizations and institutions are used in the management of transboundary waters. By this method, these organizations are the result of negotiations and influential relationships, and they are shown in different characters and at different scales. They explain the diversity of views on the nature of the river and take practical forms at different scales.

2. The transboundary water management regimes

This section discusses the transboundary water management regime from a theoretical and empirical perspective. The term «regime» is used here to express the form of management. The regime encompasses specific normative frameworks, objectives, instruments and actors. In the experience, it can be implemented in different territorial ranges, which do not necessarily correspond to administrative and political limits. Consequently, the regime is a context of actions, not of the action itself. The analysis of regimes makes it possible to portray the different perceptions, priorities, and uses associated with the river (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

C. Bréthaut and G. Pfeifer describe three types of management regimes: integrated, mono-functional polycentric. The integrated regime expresses a holistic management strategy, analyzing the river basin as an ideal unit for river management. The multifunctional regime considers transboundary water management through a multifaceted variety of activities involved in the process. The polycentric regime is characterized by the simultaneous functioning of multiple spheres of decision-making within a loosely coupled system. The three regimes listed above can be seen as a reference kind of social reality simplification or theoretical outline. They can coexist — overlap, complement each other, mutually enrich each other, or replace each other over time. Thus, authors considered a subsequent analysis of the transboundary governance of the Rhine River, which allowed them to clarify not only the historical background of the transboundary governance of the river but also the current problems.

2.1 The Integrated Management Regime

Since the application of the concept of «integrated water resources management» at the beginning of this century, the integrated regime has become a special focus of independent oversight bodies, scientists and trainees. The integrated trend is widely disseminated by many international organizations such as UNECE, UN-Water, GWP, as a standard approach. What is more, Goal 6 of the 2030 Agenda for Sustainable Development makes this approach the focus of its specific target 1 on water resources. (C. Bréthaut, G. Pfeifer. page 41)

Regarding transboundary water management, this approach uses river basin boundaries as the unit of reference, but not political or institutional boundaries. This regime is recognized as consisting of several entities and types of uses, united in an organization responsible for the joint management of river basin relations. According to the authors» analysis, the river becomes a «common property,» with stronger international coordination and even integration of public policy objectives aimed at defining a river basin-wide regulatory regime (C. Bréthaut, G. Pfeifer, p. 41).

The states, at the framework of rules, move to a river basin organization to address certain issues regarding water resources and management of these resources, which further increase their activities and organization with the participation of stakeholders (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). Such management regime has its positive characteristics. For instance, it allows reducing transaction costs, and will be able to strengthen the regulation within the river basin, as well as contributes to communication, reducing repetitive activities. The attitude towards integration is most felt in Europe for the management of large transboundary rivers, like the Rhine and Danube, and is carried out through international basin organizations, the International Commission for the Protection of the Rhine, the International Commission for the Protection of the Danube (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

The effectiveness of the integrated regime according to the regulatory proposals is very satisfactory, although according to the analysis of the authors, there are comments on this form of management (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). For instance, the true degree of integration of national frameworks into an integrated regime»s institutional architecture can be questioned: there are substantial difficulties in integrating the objectives of different riparian public policies for managing transboundary waters, while the importance of overarching frameworks and of international law remains undeniable. What is more, the holistic perspective adopted by this type of regime does not necessarily translate into significant progress on the ground (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020. 41-42). According to other authors, exclusively organizing with limit bars gives significant consequences, and it is explained that river basin organizations face difficulties in the parallel integration of economic, social and hydrological issues in a single structure (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). Ultimately, there needs to mention the financial resources for investment to organize the tracking of the basin organization, human resources, planning universal solutions, and data collection to determine the effectiveness of the structure (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

Once all these requirements are satisfied, however, an integrated regime is capable of succeeding in successfully structuring and organizing water resources management on a transboundary scale (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). The demonstration of the example of the Rhine River shows the ability of river basin organizations to effectively bring actors together around the challenges of a joint river, specifically to enhance the coordination among various actors (governments, economy branches, NGOs, environmental protection)

and promote the processes of participation (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

2.2 The Monofunctional Management Regime

An integrated perspective rarely meets the challenges of transboundary management. Regulatory challenges may arise in a particular section of the river, for a particular stakeholder group, or in an industry where the river water is used for a precise purpose, i. e., for production or services. Moreover, states are in a position to influence cross-border governance, clearly, other actors may also occupy key regulatory roles (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

Transboundary rivers are often managed by implementing a monofunctional regime. The principle of such a regime is to solve significant problems in the management of the river. Such a regime can be implemented by creating a commission to address a specific regulated issue (a purely administrative body) or by creating a management system around a limited number of leading sectors (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

The authors, on the basis of the results of their analyses, noted that such a system made it possible to guarantee the continuous possibility of producing goods and services by suitable sections. Moreover, it supported the regulation of important uses of the river and the constant coordination of competition. Consequently, the multifunctional mode helps to anticipate the probable conflicts in the use (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

Therefore, the nonfunctional model provides an alternative perspective on institutionalization and territoriality. It is designed frequently across political, administrative, and hydrological boundaries and is described by an institutional architecture built around the challenges and rivalries of use that have to be solved in order for the system to perform at its best. It is implemented through a particular configuration of participants and cooperation between sectors of activity (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). This type of governance regime has been characterized in many studies as the way in which territorial governance can rely on different institutional structures. As noted in other works of literature on border-spanning regimes, the literature on territorial institutionalism and works on multilevel governance has added to this picture by offering various ways of thinking about the connection between the issue of group action and the ideal institutional arrangement for solving that issue (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

C. Bréthaut and G. Pfeifer are focused on the term functional regulatory space, developed to complete certain lacunae in the analysis of regulatory frameworks of policy sectors, institutional territories, and governance areas. A functional is considered to be a space that applies ad hoc criteria (for this) to identify geographical and social areas deemed appropriate for the management of the issue that has to be solved (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). Different customizations are needed to reach the goals of the normative space. Of particular note is the redefinition of the relations between the different policy sectors involved, the creating of new geographical spheres designed to manage the challenge, and the re-defining of public policy obligations among the various layers of government. The functional area is organized around the management of

competing uses and regulatory instruments for arbitration of disputes. It can cover political limits in an effort to ensure maximum optimization of the activities related to sectors, thereby decreasing tensions over the use of a joint river (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

The monofunctional perspective can be realized by institutions or organizations that strive to unify the ideas of one specific sector of interest and to coordinate it across borders (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020).

2.3 The Polycentric Management Regime

«Polycentrism is a concept that has long been used by researchers looking at urban development models and centralization/decentralization processes, in particular those with a critical perspective on change in metropolitan areas of the United States and Europe and on the imbalances that can arise between centre and periphery or between places of residence and places of work» (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020, P. 45). In the second half of the XX century, organizations with a direction toward decentralization were exposed to the condemnation of regulatory and cost problems. C. Bréthaut and G. Pfeifer considered in their study the relationship between institutional activity and the clarity of theory. They found that polycentric management is more effective than a single-point decision-making organization. Moreover, this type of organization is able to function in an orderly manner in making accurate decisions on controversial and conflicting situations.

The polycentric regime refers to the integrated arena systems for establishing solutions in large-scale dynamics combining «bottom-up» and «top-down» processes (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). The polycentric regime refers to the integrated arena systems for establishing solutions in large-scale dynamics combining «bottom-up» and «top-down» processes. In the framework of this control system, on a self-organized basis, if the parties understand the difficulties in solving collective action, they seek arbitration at a higher level (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). By this intention, such arenas are created to solve the exact problems appearing in the river basin.

There is some superiority of the polycentric regime. Its bottom-up dimension affords the application of local knowledge, both in explaining the collective-action problem that requires to be solved and inputting a decision-making process into effect. In doing so, it must strive to develop more inclusive, equitable institutional arrangements (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). This network approach facilitates the attraction of actors involved in processes characterized by constant instability and the importance of constant adjustment. Moreover, the inherent institutional fragmentation of the polycentric regime contributes to its adaptability in the face of change and abiding sustainability (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). To summarize, competition between different spheres should generate innovation in problem solving.

In practice, the authors (C. Bréthaut and G. Pfeifer) cited the Rhine River as an example, illustrating the disadvantages of a polycentric regime in a nutshell. They pointed out the difficulties of regulating the presence of a large number of actors and institutions, and their operation within such a system

of governance, with the possibility of duplication or overlap. The division and diversity of agreements between the stages of decision-making also make the management system more opaque, and this is all the more true in a transboundary context characterized by different institutional and regulatory frameworks (C. Bréthaut and G. Pfeifer 2020). Consequently, opacity can also play an instrumental role, affecting attitudes of power, dominance, which create problems for joint cooperation on the management of the resource.

Thus, the authors (C. Bréthaut and G. Pfeifer) presented various theoretical models that were used in the development of examples of real-world scenarios and various approaches in the governance of various transboundary rivers.

3. Theoretical determinants of effective governance for transboundary water resources.

According to study of Glen S. Hearns, Taylor W. et al. 2014, designing an effective institution for transboundary

water governance is viewed as a 5-step approach, which is shown in **Figure 1** below. The first step is to analyze and understand the basin situation or context in order to design the appropriate institutional means to achieve the goals, the second step. In the third step, they will determine the architectural design of the institutional arrangement for the management regime. The design is followed by implementation, which is the fourth step, and finally, enforcement and monitoring. When all steps are carried out appropriately, an effective governance regime should involve regular revision of the basin situation and the institutional mechanisms designed. It is important since the physical environment and watershed or seawater resources can change, and socio-economic assets and dynamics in a transboundary water scenario frequently shift over extended durations. This reflection framework should ideally be built into the architectural design phase (G. S. Hearns et al., 2014).

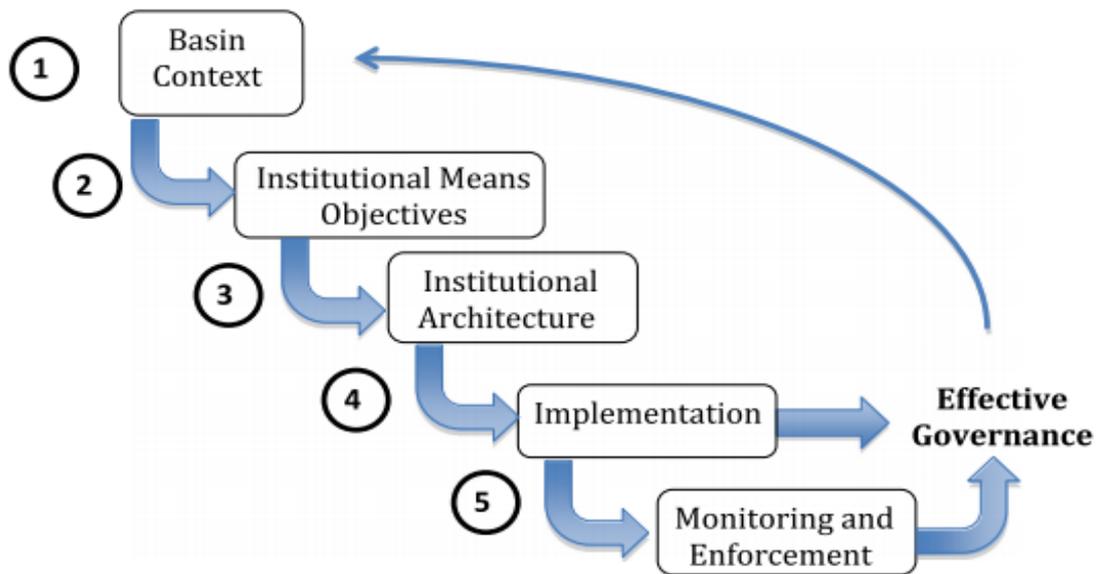

Fig. 1. Basin context

Next, we will be considered on fundamental levels in more detail.

Basin context

Competition over the role of transboundary waters which are both drivers of regional development and essential objects of biodiversity protection, renders the challenges of appropriate management difficult. Transboundary water use is a potential source of tension among the basin nations competing over scarce supplies. Such waters may also present challenges of a diplomatic nature that often bind states in an asymmetrical relationship between headwaters and low-lying waters, or in a «common-use tragedy» kind of conduct with aquatic reserves (G. S. Hearns et al., 2014).

An institutional design is not blueprint. The frameworks must be adapted to the specific context of transboundary waters and represent its hydro-ecological, political-economic, socio-cultural conditions (G. S. Hearns et al., 2014). The na-

ture and features of resources determine institutional design (G. S. Hearns et al., 2014).

The effective basin institution establishing should start by defining and recognizing the interstate and need of the basin actors. Determining such needs and concerns involves both the problematic situation in cross-border water conditions and achieving cooperative arrangements, then assessing the present case in a specific watershed (G. S. Hearns et al., 2014).

There are few cases that would create institutions from the foundation, but in general there is no need, since a certain level of cooperation and framework already exists. But it may happen that current attitudes become non-functional or ineffective, and the necessity of creating new frameworks to reach institutional aims arises (G. S. Hearns et al., 2014).

No institution will be successful, at the end, unless the basic concerns of the actors are not taken into account. Comprehension of interests helps to identify a relative priority of institu-

tional objectives, which determine the development of the architecture. Such a process is usually termed «interest-based negotiation», where the focus is on exploring objectives rather than positions (G. S. Hearn et al., 2014).

Institutional means objectives

After understanding the context of the basin and ascertaining the interests of the various parties, the process of defining institutional goals begins. Institutional goals can be divided into the following categories:

- 1) Balancing incentives;
- 2) Reducing uncertainty;
- 3) Building trust and confidence;
- 4) Reducing costs/maximizing financial benefits.

Cost reduction is considered separately from incentive balance, as it may also involve the financial advantages, as this is a concrete goal to the institutional arrangement to be developed, as distinct from the causes of the institutional arrangement to be created in first place. Proper identification of fund goals can help provide for the installation of an adequate architecture (G. S. Hearn et al., 2014).

Next, we will consider on each of these goals.

Balancing incentives

Establishing a «basket of benefits» helps parties to accept particular conditions of a common arrangement that might not seem reassuring in isolation in order to achieve an agreement (G. S. Hearn et al., 2014). A major impetus for cooperation is the elimination or alleviation of a particular issue. There are many cross-border water agreements that aim to alleviate the issue. Challenge alleviation activities will impact every part of the institutional architecture, from determining an institution»s scope to the information required for facilitating policy adoption, as well as rules and regulations (G. S. Hearn et al., 2014). Related to issue alleviation is equity, either in terms of distributing the benefits of irrigation water or hydropower or in terms of the costs of infrastructure and research (G. S. Hearn et al., 2014).

To determine what constitutes a reasonable and equitable use, the participating states have to consider all relevant factors and circumstances, involving geographical and other environmental features, the socio-economic needs of the cooperating States, the populations dependent on water sources in each cooperating State, the impact of water sources in one cooperating State on other cooperating States, as well as «the comparative cost of alternative means of meeting economic and socio-economic» (G. S. Hearn et al., 2014).

Reducing uncertainty

Uncertainty is often a major obstacle to successful agreements or decisions. That includes the bio-physical uncertainty associated with the resources, and the costs of enforcement, the conduct and obligations of other actors, as well as the needs and growth of development.

According to the G. S. Hearn and his colleagues (2014) analysis, «the failure to incorporate equitable rules governing water use into transboundary water treaties exacerbates the risk that existing uncertainties will lead to undesirable outcomes such as increased water scarcity, resource degradation, and inequitable distribution.» (G. S. Hearn et al., 2014).

In scenarios where uncertainty exists about a resource caused by climate change or by other factors, it is important to ensure a strong level of information collection and sharing within the institutional architecture (G. S. Hearn et al., 2014).

A more crucial dimension of working with uncertainty is to develop an institutional framework which can handle changes due to both climate change and social factors. The key to effective change is having enough information to make adequate governance judgments about resources and their related users, as well as the flexibility and sustainability built into the institution (G. S. Hearn et al., 2014).

Building trust and confidence

According to the author»s analysis, one of the effective ways to achieve an agreement concerning the case of transboundary waters is to promote a positive attitude toward the basin»s riparian countries. Treaties may be substantive — the ones concerning specific advantages, like flood management and energy creation; as well as more diplomatic or structural, that focus exclusively on fostering positive relations (G. S. Hearn et al., 2014).

Strengthening trust is usually not an obvious factor in the design of Institutional frameworks, even though in many instances it is included in the resulting architectures. The trust may also be captured in significant parts about how resources will be distributed (G. S. Hearn et al., 2014).

Confidence-building measures in the theory of diplomacy are mechanisms used to build trust and facilitate dialogue among the parties where confidence has to be built up before a more substantive deal can be reached (G. S. Hearn et al., 2014). These may range from one-sided actions, such as a self-declared moratorium on resources production or a decrease in the rate of development, to the more interactive arrangements, for example information exchanges, «informal» dialogue meetings for testing policy options, and the launching of exploratory negotiations (G. S. Hearn et al., 2014). A further feasible point to address trust strengthening is to create an institution that can develop to assume extra dimensions of transboundary water management as it evolves, and not try to be all things to all people from the beginning (G. S. Hearn et al., 2014).

The theory of negotiation supports progressive co-operation to strengthen the confidence of the parties (G. S. Hearn et al., 2014).

The resolution of disputes is commonly viewed as an important trust-building tool among the party»s (G. S. Hearn et al., 2014). The systematic and effective dispute resolution mechanisms in transboundary water treaties fulfill their crucial role (G. S. Hearn et al., 2014). Beyond dispute resolution, increased attention to building trust can be reflected in the institutional framework and the location of registries; the transparency and openness of dialogue; information sharing; clearly articulated rules and regulations; and realistic monitoring and enforcement (G. S. Hearn et al., 2014).

The reduction of costs related to collaboration or the design and implementation of an institutional governance framework will be of concern to all parties involved, including development

financiers (G.S. Hearn et al., 2014). Parties often find themselves embroiled in agreements that are beyond their financial and technical ability to implement (G.S. Hearn et al., 2014).

4. Institutional Architecture

Upon recognition of the institutional goals, the focus turns to the general framework of institutional governance. This section examines specific governance instruments which aim to ensure effective and efficient planning and management. Effectiveness of the governance regime is greatly influenced by the extent an institution's architectural design is aligned with institutional goals (G.S. Hearn et al., 2014).

4.1 Organizational efficiency in the aspect of cooperation

According to G.S. Hearn et al., (2014) «The subsidiarity principle (the principle that a matter ought to be handled by the smallest, lowest, or least centralized authority capable of addressing that matter effectively) is an important organizing principle of institutional design». Furthermore, an important prerequisite for strong governing bodies is usually a clear mandate that defines cooperation among the various national and cross-border organizations involved in the institution (G.S. Hearn et al., 2014).

4.2 Information

The states and institutions of the basin must always have «access to reliable and trustworthy data and information about the status of resources and how they are affected by resource use and development, land-use practices, and climate change» in order to effectively manage a transboundary basin (G.S. Hearn et al., 2014). Creating agreements and networks to share data and information between states and institutions in a shared basin helps maximize securitization in coastal regions by fostering confidence and a common view of the resources (G.S. Hearn et al., 2014). Sharing of data and information is essential for data integration, collaborative modeling, and general monitoring protocols critical features of successful institutional mechanisms for uniform and flexible management of water resources (G.S. Hearn et al., 2014).

4.3 Rules and norms

Vote and participation. A good institutional structure should have strict rules that cover decision-making body membership rules, decision-making levels, and voting rules. Participation in the governance institutions must be well-defined (G.S. Hearn et al., 2014). Rules are usually designated by specific signatory representatives who can interpret and modify agency rules (G.S. Hearn et al., 2014). Regulations shall also specify how to vote, especially when unanimity, consensus, and favorable votes are necessary.

Dispute resolution. Disputes may arise from differences in the understanding of the terms of the treaty or failure to comply with the treaty itself (G.S. Hearn et al., 2014). Disputes can also occur due to changes in terms that modify the effectiveness of the treaty for several partners (G.S. Hearn et al., 2014). Thus, the inclusion of clear conflict resolution mechanisms is usually a necessary prerequisite for effective and long-term governance (G.S. Hearn et al., 2014).

Disputes are handled through various mechanisms, such as negotiation, non-binding mediation, binding arbitration, and

adjudication by an international institution (G.S. Hearn et al., 2014).

Enforcement and monitoring. After the signing of an agreement, the successful implementation of the treaty is dependent on not just on final conditions of the treaty, it also depends on the capacity to enforce those conditions. The designation of supervisory authorities with decision-making and enforcement powers is a major step in preserving joint-governance institutions (G.S. Hearn et al., 2014).

Feasibility. Each institution must have the corresponding capabilities to fulfill its mission. That includes financial and personal sources as well as political assets necessary to carry out policy and implement programs that may be depressing but important to pursue (G.S. Hearn et al., 2014).

The governmental support of all littoral basin states has to be secured and guaranteed to afford the institution the ability to articulate and effectively carry out its responsibilities (G.S. Hearn et al., 2014). Furthermore, sufficient financing for effective institutional management helps build greater unity among the stakeholders and develop more effective resource management strategies, which will turn, to assist in securing funding for massive infrastructure or development cases (G.S. Hearn et al., 2014).

Adaptability. According to the author's analysis, effective institutional governance frameworks commonly include some level of adaptability to accommodate public opinion, changing basin priorities, new information and monitoring technologies (G.S. Hearn et al., 2014). Most basins do not have enough institutional agility and ability to cope with the expected impacts of climate change (G.S. Hearn et al., 2014).

Openness. Involvement as a governance goal ranges from merely giving information to stakeholders not expecting participation to advise, accommodations, direction, collaboration, actually shared policymaking and reporting (G.S. Hearn et al., 2014). The level of involvement that seems to be required or preferred as a governance goal depends on a number of factors, ranging from whether and to what extent impacted actors are needed or preferred for resilience, to whether or to what extent the impacted actors can realistically be identified and pressured to do so (G.S. Hearn et al., 2014).

Finally, openness is a balance among the desire to be open and the ability to be open, i. e., financial opportunities. «The level of initial openness will likely influence what is prioritized at the institutional objectives stage, and thus what institutional architecture becomes.» (G.S. Hearn et al., 2014. 108).

Conclusion

In this theoretical review, we had familiarized ourselves with the concepts of several types of transboundary water management regimes in terms of both their theoretical and empirical aspects. The term «regime» was also used, which indicated a form of management that was stable through the implementation of a certain level of arrangements.

The result is that the regime is not the action itself, but the context of the action, the analysis of which makes it possible to portray different perceptions, priorities, and ways of using water. Concerning the theory of effective transboundary water

resources governance, perhaps the above five steps of the approach can serve as a favorable outline for organizing institutional arrangements in the Central Asian water management situation.

Also considered the concept of institutional architecture and reflected that institutional architecture is no cure-all for

everything that gets in the way of proper transboundary water management. Engineering continues to be more of an art than a science where mentioned some tentative observances and findings of what can contribute to good transboundary water management in terms of institutional architecture (G.S. Hearn et al., 2014. 108).

References:

1. C. Bréthaut and G. Pfeifer. «Governance of a Transboundary River.» Palgrave Studies in Water Governance: Policy and Practice. 2020. https://doi.org/10.1007/978-3-030-19554-0_2
2. Sehring, J. «Path dependencies and institutional bricolage in post-Soviet water governance.»; *Water Alternatives* 2 (1): 61-81. 2009.
3. Barbar Janusz-Pwletta. «Current legal challenges to governance of transboundary water resources in central asia and joint management arrangements.»: BULLETIN Abay Kazakh National Pedagogical University. 2014.
4. Glen S. Hearn, Taylor W. Henshaw, Richard K. Paisley. «Getting what you need: Designing institutional architecture for effective governance of international waters.» *Environmental Development* 11 (2014) 98-111. 2014. www.elsevier.com/locate/envdev

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 46 (388) / 2021

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 24.11.2021. Дата выхода в свет: 01.12.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.